

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2024

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 2 (93) 2024

К читателю

Надо учиться понимать Другого
Лена Немировская 5

Тема номера

Войны начинаются в умах людей
Ингеборг Брейнес 8

*Внутренняя и международная политика
Китая в год выборов*
Марк Лантен 25

Подъем и упадок современной России
Михаил Фишман 43

Отмена права
Елена Лукьянова 63

Гражданское общество

Почему демократия
Валдис Биркавс 76

СМИ и общество

Личные истории времен войны
Виктор Мучник 86

Россия о России

Белоусов – идеолог
Андрей В. Колесников 97

Точка зрения

Выбор XXI века
Григорий Померанц 102

К н и г и

Предпоследняя утопия 114
Андрей Сибирцев

Контрапункт
Эпоха освоения свободных
земель на западе США 118
Максим Горюнов

Nota bene

Лига вечного мира 127
Михаил Немцев

Иосиф Бродский 132
Сьюзен Сонтаг

Впечатление 135
Леонид Рагозин

Надо учиться понимать Другого*

Каждый наш семинар мы считаем своим праздником, своим тем, ради чего.

Я открываю семинары уже почти 33 года. И иногда думаю: что сказать? И тогда прибегаю к своим старым мыслям, но которые на самом деле считаю фундаментальными.

Здесь сидит Юра Сенокосов, в синей рубашке — я его жена 50 лет. Это многовато... но не сглазить бы. Он в последнее время внушает мне мысль: «В эстетике все состоялось, а вот в этике — мало что».

Насколько получится — судить вам. И вы будете, я надеюсь, приходите и на другие наши семинары, чтобы почувствовать это глубже. Но мне кажется, что все-таки наша основная мысль — это этика, это совесть, это достоинство, это взаимопонимание. Это то, что есть Другой. Это то, что есть солидарность. Это гостеприимство малых стран.

Вот здесь сидят наши друзья, и, самое главное, здесь премьер-министр Латвии (1993–1994). Я хочу их всех поблагодарить — по крайней мере, от меня и от Юры — за то гостеприимство, которое они оказали людям, уехавшим из страны, где родились, когда им уже восемьдесят.

В 80 лет можно только уезжать куда-то на какое-то время, но трудно переезжать в другую страну. А теперь я думаю, что нетрудно — благодаря этим людям. Они мои друзья, мы встречаемся, и они образуют тот круг людей и те взаимоотношения, которые я оставила дома, но они уже — былое. Не потому, что мы разъехались (в моем возрасте многих уже нет), а просто потому, что и круг, и мир вокруг — это ты сам.

Лена Немировская,
соосновательница Школы
гражданского просвещения

* Выступление на семинаре Школы в Риге 10 марта 2024 г.

Никто не поможет. Никто за тебя не сделает работу. Никто даже до конца не поймет, что тебе нужно.

Я говорю это потому, что мы живем сейчас, на мой взгляд, в адское, неприемлемое, грубое, отвратительное военное время. То, что случилось в Украине и случается каждый день. То, что случается с российской не только оппозиционной, а просто думающей публикой, которая хочет серьезно подумать, а не повторять ради удобства идеологические сентенции.

Как люди оказались в плену неграмотных, вооруженных, агрессивных людей и продолжают жить в этой магии величия, магии величия?

Все, кто мне близок, никогда фактически не понимали: зачем нам Крым? Крым был турецким, он был разным. Если хочешь отдыхать в Крыму, то приезжай в Крым и живи нормально в украинском Крыму. Что мешает?

Ведь Хрущев, если мне не изменяет память, «отдал» Крым Украинской ССР потому, что в Крыму мало воды, вода поступала из Украины. И поскольку в Советском Союзе все было «наша — советская территория», то и Крым Украине был отдан, и никто даже не заметил.

Как случилось, что в сознании современных людей это стало принципиальным началом войны? И мы знаем, какой войны. Мы знаем, что эта война значит для Украины, для России, для всей Европы.

Что это за инструмент «война», с помощью которого решается жизнь людей? Людей, которые хотят жить, использовать технические достижения, жить удобно. Этот ужас, который случился под Москвой (пожар в концертном зале «Крокус»), эти теракты в Израиле и Газе... Растет какое-то

безудержное, кровавое сопротивление Западу.

И теперь я хочу перейти к тому, что мы делаем в Школе.

Несмотря на кровавое, отвратительное преступление, продиктованное человеческой местью без понимания того, что такое человек, мне хочется вернуться к нам в Школу, где мы будем продолжать говорить о Человеке, его достоинстве и его совести.

Мне уже кажется — и я даже уверена, — что знания, профессионализм часто не спасают в тот момент, когда надо разговаривать с миром и в миру *этически*. Нет этого инструмента, который автоматически вас переключает. Этот инструмент — *воспитание* и, как мы считаем в Школе, *просвещение*. Просвещение — чтобы внутри себя создать, воссоздать этот инструмент, эти часы, которые отслеживают ваше *личное* — не чье-нибудь, а ваше (наше) личное — там, где мы должны *состояться как люди*.

Я вспоминаю свое давнее прошлое — непростое, как и всякое прошлое. Уже в который раз я сама себе говорю (притом что понимаю: мы все люди со своими отклонениями и слабостями), что если думать в общественном смысле, то насколько я сама могла вести себя эстетически и этически. Так мне кажется. Конечно, все мы совершаем ошибки, но намерение — точное.

Мне кажется, что мы пришли не только и не столько познать мир, а через наше познание мира познать себя: что мы такое *лично*? Что мы делаем *лично*? Это очень важно сейчас.

И последнее. Конечно, мы родились внутри культуры, внутри языка. И поскольку я не владею другими языками так же, как русским, поэтому для меня

это великий, самобытный, удивительный язык. Но и другие тоже считают собственные языки такими же, потому что благодаря им они узнали мир и себя. Главное, однако, — надо еще понять себя в контексте Другого: есть Другой — он иной, но он имеет такое же право, как ты. Надо учиться понимать Другого.

Отсюда возникает не воинственная правда, а диалог и компромисс.

Сегодня мы люди глобального мира. И живем в опасное время глобального кризиса: кризиса демократии, климата, переселения народов, всяких болезней и огромного количества оружия, в том числе ядерного, в которое благополучно внедряется искусственный интеллект. И ничто не поможет в случае его использования: никакие смартфоны и компьютеры. Там, где мы оказываемся перед выбором, он *личный*. Он ваш, он мой, он из опыта, он ради Другого тоже.

И еще. Когда наши эксперты выступают и говорят о кажущихся вам на первый взгляд незначительных деталях, на самом деле это и есть важные акценты. Обращайте на это внимание.

Василий Жарков в одном из своих выступлений сказал: перестаньте обращать внимание в американской демократии только на то, кто будет президентом. В Америке как в действующей демократии важен суд: самое важное, каким будет Верховный суд. Мы знаем, что Трамп пытался менять судей Верховного суда.

Я помню, как Школа приехала в Америку и мы были приняты в Верховном суде. Это было лет 15 назад, и в зале было примерно столько же человек, сколько сейчас здесь. Тогда был еще жив знаменитый член Верховного суда Скалиа, он выступал примерно два часа, больше отвечал на вопросы. И присутствующие были потрясены, потому что поняли в тот момент, что значит *действующая демократия*.

Я хочу, чтобы вы на наших семинарах чувствовали и понимали детали. И чтобы участвовали, потому что мы хотим продолжать с вами работать. У нас есть еще курс Advanced Programme. Я прошу вас быть активными, потому что наш семинар — это перформанс. И актеры, и зал — соучастники нашего просветительского проекта.

Мы продолжаем обсуждать сложную тему, которая и не была никогда простой, а во время войны стала еще сложнее даже для сторонников идеологии пацифизма, — сопротивление насилию. В Школе мы стараемся найти ответы на следующие вопросы: существуют ли альтернативы войне и милитаризации? не является ли культура мира просто утопией? как обеспечить безопасность немилитаристскими способами?

*Ингеборг Брейнес,
сопрезидент
Международного бюро
мира (2009–2016),
старший советник
Всемирного саммита
лауреатов Нобелевской
премии мира*

Войны начинаются в умах людей, и главный враг — не сосед, а наше мышление*

Я рада, молодые люди, быть здесь с вами. В это мрачное время мы ведь должны обсуждать мир, а не только войну. И спасибо Школе гражданского просвещения за приглашение. Я с большим уважением отношусь к вашей работе, которую вы ведете уже больше тридцати лет.

На нынешней сессии нам предстоит обсудить очень сложные и деликатные проблемы, каждая из которых, в принципе, заслуживает отдельного семинара. Мы лишь коснемся некоторых из них, но, я считаю, сделать это очень важно.

В эти дни, помимо огромного сожаления и гнева, вызванного последними событиями, во мне живет страх — мы не смогли предотвратить войну в Европе, мы не смогли предотвратить войну на Среднем Востоке и потерпели неудачу во многих других местах. Я лично очень боюсь милитаризации Арктики, откуда я родом. Скандинавские страны долгое время были в авангарде, являя миру хорошие результаты по укреплению безопасности и росту благосостояния государства. Однако сейчас я глубоко обеспокоена тем, что мы стали делать больший упор на ведение войны, чем на благосостояние.

И тот факт, что сейчас размещено несколько — двенадцать, если не ошибаюсь — американских баз в Норвегии и одновременно в Швеции, Финляндии, Дании, вызывает у меня большую озабоченность.

* Выступление на семинаре Школы в Праге 10 февраля 2024 г.

Для меня военно-промышленный комплекс — враг, это огромная машина, которая поглощает наши ресурсы. Не знаю, известны ли вам эти цифры, но Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI) каждый год публикует, сколько ресурсов мы тратим, сколько весь мир тратит на вооруженные силы: более 2,4 миллиарда долларов США! И эти затраты растут. Если сравнить с годовым регулярным бюджетом по содержанию ООН, то затраты на ООН составят примерно одну шестистую часть затрат на вооружение. Как, спрашивается, ООН может выполнять свою работу, если ей не предоставляют необходимых ресурсов?

Или другое сравнение: если отказаться хотя бы от восьмой части военного бюджета, то на эти деньги можно было бы за 12 лет обеспечить бесплатное качественное образование каждому ребенку на планете. Представьте себе этот вклад в укрепление мира!

Я буду говорить, основываясь прежде всего на собственном опыте работы в ЮНЕСКО, организации ООН по культуре, образованию, науке и коммуникации. Эта организация, на мой взгляд, не могла бы быть создана сегодня, потому что сегодня мы строим стены вместо мостов. В Уставе ЮНЕСКО говорится, что мы должны строить мир, что государства — члены ЮНЕСКО обязуются строить мир путем международного сотрудничества. А в преамбуле к Уставу говорится, что поскольку войны начинаются в умах людей, именно в умах людей должны строиться модель и принципы защиты мира. Это совершенно иное определение обороны и безопасности, нежели сегодняшняя тенденция определять безопасность в военных терминах. И это притом, что история свидетельствует — оружие не ведет к миру.

Я также буду опираться на опыт Международного бюро мира, старейшей в мире международной мирной организации, основанной в 1880-х годах и получившей, равно как и несколько ее президентов, Нобелевскую премию мира.

Итак, поиски мира — это не ново. Были действительно сильные, просвещенные, образованные люди, которые уже в 70-х годах позапрошлого века думали о создании международной организации, которая бы гарантировала при возникновении конфликтов интересов (а конфликты будут всегда), что она, эта организация, поможет вести необходимые переговоры, предоставит платформу для встреч, диалога ради взаимопонимания и в идеале будет помогать подготовке мирных решений. Движение за мир было очень сильным в конце XIX века, но тем не менее не смогло предотвратить Первую мировую войну, что привело к расколу даже внутри движения за мир — слишком серьезным оказалось давление на людей, заставлявшее их присоединиться к позиции и интересам

Каждый год весь мир тратит на вооруженные силы более 2,4 миллиарда долларов США!

Как ООН может выполнять свою работу, если ей не предоставляют необходимых ресурсов?

Очень важно, чтобы мы не потеряли ООН, как потеряли Лигу Наций

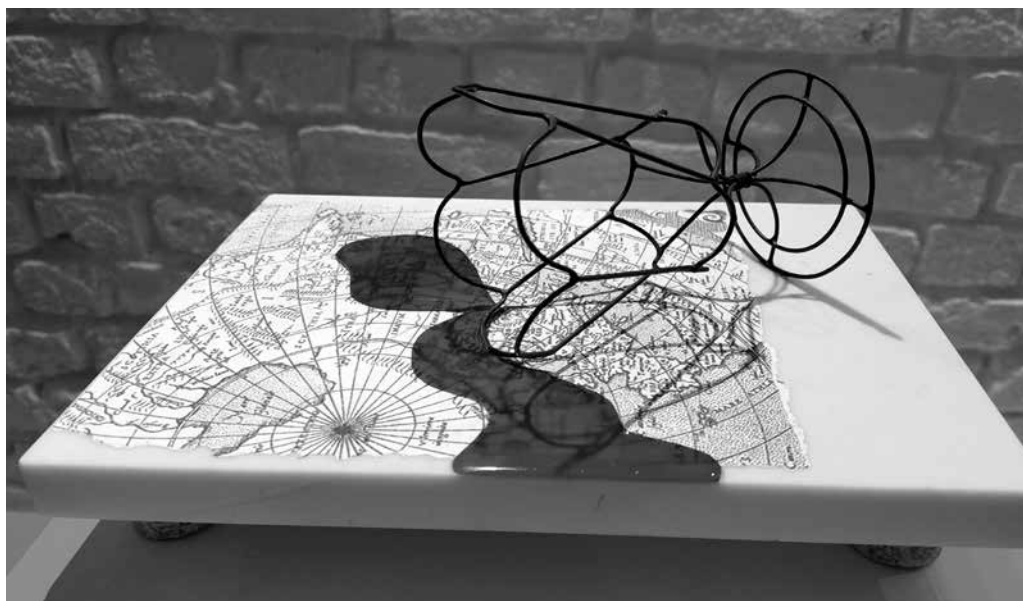
своей страны. Люди были поставлены перед выбором — либо пацифизм, либо патриотизм. При этом патриотизм определялся, и теперь часто определяется, узко: быть готовым отдать свою жизнь за сохранение границ своей страны. Мы помним, что после Первой мировой войны был заключен Версальский договор. Пакт Лиги Наций, включенный в договор, и другие мирные соглашения обязывали государства — члены договора пытаться разрешать свои споры мирным путем. Лига Наций была призвана следить за тем, чтобы народам не грозила ни нужда, ни чье-то оружие. А чтобы воцарился мир, необходимо развитие, или, проще говоря, собственное базовое благосостояние, а не стремление захватить чужое.

Лига Наций также учредила Международный комитет по интеллектуальному сотрудничеству, который лег в основу ЮНЕСКО, и создала Международную организацию труда. Но Лига Наций проиграла интересам крупных держав и потерпела неудачу — разразилась Вторая мировая война.

Тем не менее люди мира, многие и многие единомышленники продолжали работать над тем, чтобы создать новый, более сильный вид правовой нации — Организацию Объединенных Наций. И сегодня ООН при всех ее недостатках остается главной международной, многосторонней организацией. Очень важно, чтобы мы не потеряли ООН, как потеряли Лигу Наций.

Я попыталась изложить свои мысли в своей новой книге. Она называется «Культура мира, утопия или альтернативная политика безопасности», пока она издана только на норвежском языке, хотя я надеюсь на перевод и на английский, и на русский. Книга состоит из трех частей. В ней идет речь, во-первых, о культуре мира, предложенной и разработанной ЮНЕСКО, расправившей крылья в замечательный период нашей истории — между окончанием холодной войны и началом войны с терроризмом, с 1989 по 2001 год. Тогда мотивы вооружения и соответствующие усилия пошли на спад, появился новый оптимизм. ЮНЕСКО удалось привлечь всю ООН на свою сторону, ратуя за переход от культуры войны и насилия к культуре мира и ненасилия. 2000 год стал международным годом культуры мира, за ним последовало десятилетие культуры мира и ненасилия для детей планеты. Мы были счастливы войти в 2000 год, в новое тысячелетие с культурой мира.

Но в 2001 году атака на башни-близнецы привела к войне с терроризмом, узаконившей, к нашему огорчению и вопреки нашим ожиданиям, столько ужасных войн по всему миру. Поэтому во второй части своей книги я пытаюсь проанализировать, какие факторы препятствовали мирному развитию.

Ина Воронцова. Утинное озеро. 2024

Я думаю, что есть, помимо милитаризации, три самые большие проблемы. Первая — экология и климатический кризис, который вот-вот сделает наш мир непригодным для жизни. Причем этот процесс может оказаться необратимым, ведь невозможно в одночасье повернуть назад и улучшить ситуацию.

Второй вызов — глубочайшая пропасть между имущими и неимущими. Элита не понимает или не хочет понять, что она должна заботиться о благополучии людей. Но это непонимание может обернуться ее собственным, элиты, судным днем, поскольку существует связь между поведением политиков и поведением людей. Сейчас очень сильна поляризация и трудно говорить о мире. Мы живем почти по доктрине Буша: либо ты с нами, либо против нас. Пространство для интеллектуального и духовного диалога сокращается.

Чтобы сегодня говорить о мире, нужно быть смелыми, притом что большинство людей на планете хотят мира. Я не знаю, как обстоят дела в ваших странах, но в Норвегии нам почти каждый божий день говорят о мире люди в военной форме или с военным прошлым. Свой анализ они выстраивают на логике войны. Но эта логика никуда не годится, если мы действительно хотим мира.

Бывший президент Финляндии, лауреат Нобелевской премии Марти Ахтисаари как-то произнес слова, шокировавшие многих: «Мы хотим быть правы или мы хотим мира?» Настаивание на конфронтации «из принципа» необязательно приведет к миру, пригодному для жизни.

Третий вызов, о чем здесь уже говорилось, — ядерная проблема. Мы должны настаивать на том, что ядерное оружие должно быть

уничтожено, прежде чем оно уничтожит нас. И есть документ ООН об отмене ядерного оружия. Вы знаете, сколько в мире ядерных государств? Официально их девять, и 90 процентов всего ядерного оружия принадлежит США и России, причем почти поровну. Вы знаете ядерные государства? Да, Китай, Великобритания. Израиль не признается, что у него есть ядерное оружие, но оно у него есть. Кроме того, некоторые страны находятся под ядерным зонтиком НАТО. НАТО — ядерная организация. И у Соединенных Штатов есть ядерное оружие, и в пяти европейских странах — в Турции, Франции, Италии, Голландии, Бельгии.

Войны, тем более ядерные, не помогут уменьшить бедность, улучшить окружающую среду и климат

Это то, что нам известно. Но базы НАТО есть и в других странах, и что на них размещено, мы не знаем. Мы точно не знаем, что с Польшей, но знаем, что Россия недавно разместила ядерное оружие в Беларуси.

Раньше ядерное оружие рассматривалось как средство сдерживания, нечто вроде «на всякий случай». Теперь все чаще говорят о «практичных» ядерных бомбах. Они меньше и при этом гораздо мощнее тех, что США сбросили на Хиросиму и Нагасаки. Надо ли напоминать, что применение любого ядерного оружия представляет собой огромную опасность?!

Войны, тем более ядерные, не помогут уменьшить бедность, улучшить окружающую среду и климат. Вы, наверное, знаете, что в климатические планы не включено военное загрязнение. А ведь оно наносит исключительный ущерб из-за использования природных ресурсов, производства оружия, его хранения, испытаний. Войны — зло и с этической точки зрения, поскольку нам все время внушают, что мир невозможен без армии. Мы возвращаемся к мышлению еще Древнего Рима: хочешь мира — готовься к войне. Но если бесконечно готовиться к войне вместо того, чтобы готовиться к миру, создавать образы врагов, предрекать и воображать всевозможные ужасы, мы можем получить эти самые ужасы. Если же настраивать наши чувства и наш интеллект на построение мира, все может быть совершенно иным. Не зря же в Уставе Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры записано: «Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира».

Я бы хотела вернуться несколько назад и включить видение культуры мира* в основные текущие задачи ООН. В их числе — устойчивое развитие, повышение благосостояния и защита нашей планеты. Вы

---

* О понятии «культура мира», определяемом как сочетание ценностных установок, мировоззренческих взглядов, традиций, типов поведения и образов жизни, см. подробнее в первой статье Декларации ООН 1999 года: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml

наверняка знакомы с Монреальским протоколом об охране озонового слоя, с Парижским соглашением 2015 года, направленным на существенное сокращение глобальных выбросов парниковых газов и ограничение роста глобальной температуры в этом столетии. Вопрос: что мы-то с вами можем сделать в этой области?

Есть много способов, но лучший из них — образование. Нам нужны не столько престижные военные академии, сколько воспитание в духе мира и ненасильственного разрешения конфликтов, начиная с дошкольных учреждений и заканчивая университетами. Министерств мира, или культуры мира, нам нужно больше, чем министерств так называемой обороны, которые на самом деле являются министерствами подготовки к войне. Нам нужны исследования, которые изучали бы не то, как ведутся войны и создаются новые виды оружия, а занимались бы исследованием строительства мира и помощью активистам борьбы за мир в получении необходимых знаний.

Ведь движение за мир основывается в первую очередь на знаниях. Однако сегодня трудно быть достаточно осведомленным, отличать правду от лжи и пропаганды, действующей уже и с использованием искусственного интеллекта. Ныне ни слова, ни изображения уже недостоверны. Существуют алгоритмы, которые могут заставить нас верить в то, во что хотят заставить нас поверить. Это те, кто правит большими СМИ и в чьем ведении находится несколько крупных институтов.

И тем не менее мы должны продолжать бороться за правду, даже если она еще не вполне очевидна для нас.

Я хотела бы также сказать о мифах, с которыми мы столкнулись в ЮНЕСКО, работая над проектом «Культурный мир». Об одном из мифов я уже упомянула: если вы хотите мира, вы должны готовиться к войне.

Другой миф состоит в следующем: неважно, что мы делаем, мы можем просто позволить развитию идти своим чередом, а природа человека зла и по определению никогда не может быть мирной. В ответ на эту дефиницию ЮНЕСКО собрала ученых из области естественных, социальных, гуманитарных наук, и они выработали документ, который мы назвали Севильским заявлением о насилии. В заявлении подчеркивается, что в геноме человека нет ничего, что бы заставляло его действовать жестоко. В нашей природе — заботиться друг о друге, и этот природный потенциал, я думаю, чрезвычайно важен для людей.

Третий миф, или трудность, с которой мы столкнулись, утверждает, что война и насилие эффективны. Хотя если посмотреть на историю, войны и насилие никогда не были эффективными в долгосрочной перспективе. И у нас есть прекрасное свидетельство американского

*Нам нужны исследования,
которые изучали бы не то,
как ведутся войны и создаются
новые виды оружия,
а занимались бы исследованием
строительства мира*

политолога Эрики Ченовет. По материалам серьезнейшего продольного исследования она написала книгу под названием «Почему гражданское сопротивление работает». Вывод этого исследования: битва за справедливость, за мир, за права человека, за мирные реформы, борьба, не признающая насилия, оказалась вдвое эффективнее, чем та, что обращалась к насилию (53 и 26 процентов соответственно). Был также рассмотрен вопрос участия в мирных переговорах. Констатируется, что мирное сопротивление оказывается более открытым для переговоров уже потому, что не угрожает жизни или благополучию представителей режима. И хорошо, если в переговорах участвуют женщины, — они, как правило, более реалистичны и лучше знают, что нужно этому обществу.

Итак, вот три мифа, но мы пока можем отложить их в сторону и сосредоточиться на том, как нам построить культурный мир.

Я думаю, есть необходимость в том, что я бы назвала гуманистической революцией, гуманистической революцией разума, созданием новых параметров, новых парадигм, основанных на общем мышлении безопасности.

Кто-то из вас, возможно, помнит, что одним из важных факторов, благодаря которому мы вышли из последней холодной войны, был доклад так называемой «Комиссии Пальме» (Стокгольм) об общей безопасности. Полагаю, что Горбачев был одним из главных действующих лиц в этой комиссии. Были и другие серьезные мыслители. Авторы доклада подчеркнули, что одна страна не может строить свою безопасность в ущерб другим странам. Если не суметь прийти к безопасности, общей и для вас, и для ваших соседей, ваша собственная безопасность окажется под угрозой. Что приводит к

Мы под флагом ООН должны настаивать на верности главного тезиса Устава ООН — поиск мира мирными средствами

вечной спирали милитаризации: когда одна страна вооружается, соседи нервничают, вооружаются еще больше, а потом нервничают следующие, и так до тех пор, пока мы не поймем, что главный враг — это не сосед, а наше мышление, считающее, что вооружение приводит к миру. Именно в противовес этому представлению мы под флагом ООН должны настаивать на верности главного тезиса Устава ООН — поиск мира мирными средствами.

Нас мало что радует в сегодняшнем мире, в основном нас пугают и пугают, в том числе растущим числом войн. Демократии терпят крах. Путин — не Горбачев, Байден — не Кеннеди, Шольц — не Вилли Брандт. В Скандинавских странах пока нет Улофа Пальме. Так что же нам делать?

Вероятно, имеет смысл вернуться назад и поискать достойных личностей среди лауреатов Нобелевской премии мира. Вот Махатма Ганди, он сумел избавить Индию, этот огромный континент, от британского империализма ненасильственными методами, и мы можем изучать его ненасильственные действия. Мы можем изучать Мартина Лютера

Кинга, который сделал расизм неприемлемым. Или Нельсона Манделу, вышедшего из тюрьмы и суровой системы апартеида, но ратующего за примирение и сотрудничество, дабы иметь возможность строить достойную страну. Есть и другие аналогичные примеры. Мы могли бы обратиться к опыту Коста-Рики, где заявили, что маленькую страну, какой бы большой армией она ни владела, все равно не защитить от угрозы со стороны больших стран, и потому было принято решение вообще не иметь никаких вооруженных сил. Там очень гордятся этим решением на национальном уровне, потому что теперь у них есть другие армии — хороших учителей, медицинских работников, экологов. А на международном уровне костариканцы в авангарде дипломатии. Они провели переговоры по декларации права на мир, они договорились о запрете ядерного оружия. И если вы хотите, чтобы что-то ваше прошло в ООН, обратитесь к Коста-Рике — они могут вам помочь.

Позвольте мне в заключение напомнить одну старую песню о мире, которую вы, молодые люди, скорее всего, не слышали, — песню о мечте.

Приснился крайне странный сон
 Прошедшей ночью мне,
 Мне снилось, будто люди все
 Сказали «нет» войне.
 И будто собрались мужи
 В огромном зале и
 Там подписали договор —
 Сраженья прекратить.
 И копий сделан миллион
 Был с документа вмиг,
 Все дружно за руки взялись,
 В мольбе главы склонив.
 И в пляс пустился разом люд,
 На улицах везде
 Доспехи, ружья и мечи
 Валялись на земле.
 Приснился самый странный сон
 Прошедшей ночью мне,
 Мне снилось, будто люди все
 Сказали «нет» войне.

Как вы уже, наверное, догадались, я пацифист, и все у меня когда-то началось с эмоций, с желания что-то изменить. У меня родился первый ребенок, он был просто чудо, и я тогда подумала, что никогда не захочу увидеть его с оружием в руках. Поэтому моей первой международной организацией по защите мира стала War Resisters' International — Международное объединение противников войны (WRI).

Тристан Шунраад (Tristan Schoonraad). One Foot Under The Grove. 2008

Приведу еще одно стихотворение, которое отозвалось во мне тогда и которое я не забываю с тех пор:

I didn't raise my boy to be a soldier,
I brought him up to be my pride and joy.
Who dares to place a musket on his shoulder,
To shoot some other mother's darling boy?

Мне не хотелось, чтобы сын мой был солдатом.
Его воспитала, видя в нем гордость свою и счастье.
Кто посмеет вложить в его руки ружье,
Несущее смерть любимому сыну другой?

Дискуссия: вопросы и ответы

Михаил Минаков, модератор: Спасибо, Ингеборг. Чтобы создать оппозицию вам на этом круглом столе, я должен бы быть милитаристом, а я им не являюсь. Но я уверен, что в нашей аудитории могут быть и те, для кого пацифизм под вопросом.

Моя же точка зрения довольно гибридная. В отличие от радикальных пацифистов, я признаю, что безопасность может быть как гражданской, так и военной и иногда можно достичь мира с помощью военных действий, например, в оборонительной войне. Вот если Украина не станет защищать себя, что произойдет?..

Мои предки живут в Запорожской области, а Запорожская область, как вы знаете, это область, где идут бои. Моя мама уже по звуку определяет: о, это крылатая ракета, а это баллистическая ракета, и по звуку определяет, какой именно беспилотник пролетел. Так что она, учительница, теперь очень хорошо разбирается в военной тематике. Мою дочь в 25 лет, когда началась война, призвали в армию. В мирное время она была социологом моды — вы можете представить себе более мирную профессию? Но она стала офицером, добровольно пошла в армию, чтобы защищать свою страну. Так что здесь я нахожусь как бы в промежуточном положении. Но я определенно поддерживаю идею Ингеборг и ее единомышленников о культуре мира и важности коллективных усилий по созданию культуры мира.

Интересно, что недавно я разговаривал с несколькими украинскими и американскими генералами, и они говорили: слава богу, что у нас были

эти тридцать лет, когда культура мира была реальной практикой. Иначе у нас сейчас жертв среди мирного населения было бы в 20–30 раз больше. За тридцать лет мы уничтожили массу оружия, частей или элементов военно-промышленного комплекса. Но мы догоним, мы уже догоняем. Возможно, через 25 лет у нас будет достаточно оружия, чтобы убивать и мирных жителей, но это...

Это показывает, что хотя некоторые идеи и практики могут казаться утопичными, например, мир культуры и флаг с оливковыми ветвями — символ мира, к тому же с религиозным подтекстом, но тем не менее есть ситуации, когда утопические идеи, если они преследуют регулятивные цели, могут изменить практику, уменьшить токсичность милитаризма и военного подхода. И тогда возникает вопрос: есть ли способ вернуться к идее неделимости безопасности? Сама идея неделимости безопасности была поставлена под сомнение на Западе и на Востоке, на Севере и на Юге. И этому способствовал эгоизм политиков, национальный эгоизм, а также идеи суверенистов. Одно из токсичных воздействий сторонников суверенизма заключается в том, что не существует универсальных целей или универсальных практик. Однако ведь мир — это универсальная регулирующая идея.

Пожалуйста, задавайте вопросы Ингеборг.

Тимур (Польша): Спасибо большое за интересную лекцию. Хотелось бы узнать ваше мнение вот о чем. Причиной войны в прежние времена могла стать и была, скажем, религия. А сейчас уже само существование какого-либо государства может стать поводом для войны? Если пофантазировать, можно

представить себе, что если не будет государства как глобальной машины, такого организма, в котором человек всего лишь клетка, служащая аморфному непонятно чему, то не будет и войн. То есть нет государств — нет войны?

Виталий (Украина): Мой вопрос связан с тем, что вы сказали — и Михаил тоже упомянул об этом — о тридцатилетии мира, с конца холодной войны до 2001 года. Россия тогда считала, что войны где-то далеко, пока не началась первая чеченская война. И Украина тогда тоже считала, что войны где-то далеко. Но ведь в это же время, в эти 30 лет была война в Конго, была страшная бойня в Югославии, та же чеченская война, армяно-азербайджанский кровавый конфликт. Если находиться где-то в безопасной Праге, может, конечно, показаться, что вот он, мир. Но в это же время где-то в мире тысячами гибнут люди. Вопрос: что вы имели в виду, говоря о тридцатилетии мира? На мой взгляд, не было этого мира.

Михаил (Берлин): Как вы вообще видите и объясняете для себя природу, причины войны? Почему войны возникают? Поправьте меня, если я неправильно вас понимаю, но вы видите главную или по крайней мере очень значимую причину в том, что существует некая, с позволения сказать, культура войны, перманентное ожидание, что вот на нас нападут, и тогда мы будем защищаться. Или мы нападём первыми. Я совершенно согласен, что элиты развязывают войны не потому, что они ожидают нападения, но чаще всего с корыстными целями. Были и войны с религиозными целями, с какими угодно. В этих ситуациях сама культура мира, неготовность ответить на удар

ответным насилием приводят к тому, что те, кто бьют первыми, побеждают. Или подставляем другую щеку под выстрел крупнокалиберной винтовки, и на этом, собственно, сопротивление заканчивается, а противник идет дальше воевать? Как в таких ситуациях быть? Может быть, все же нужна своего рода культура войны? В том смысле, чтобы уметь противостоять агрессии.

Сергей (Санкт-Петербург — Армения): Возможно, уважаемая Ингеборг, вы сочтете мой вопрос провокационным, но провокация не входит в мое намерение. Мне искренне интересно ваше видение, человека, который действительно работал в Организации Объединенных Наций. Так вот, не считаете ли вы, что ООН как идея пришла к некоему кризису и что практически все, что может сделать ООН, это лишь говорить о важности разных вещей? Вместе с ЮНЕСКО. Скажите, какое реальное влияние ООН может оказывать на решения государств, на решения политиков, на внутренние процессы в разных странах? И в качестве подвопроса: если вы признаете наличие кризиса, что, по вашему мнению, можно сделать, чтобы преодолеть его, и как можно восстановить практически всю структуру этой системы? После войны, во время войны? Когда именно?

Марк Лантен (Норвегия): Я полностью согласен с вашей оценкой, но хотел бы подробнее поговорить об изменении ситуации с безопасностью в Арктике. Мне вспоминаются все дебаты и разговоры, которые ведутся сейчас на севере Норвегии по поводу арктической исключительности. Говорят, что едва вы попадаете в Арктику, вопросы безопасности вдруг либо сами по себе

исчезают, либо трансформируются в нечто иное. Мне интересно ваше мнение о том, в каких областях арктической безопасности происходят изменения и какие вопросы требуют срочного решения.

Ингеборг Брейнес: Боюсь, прозвучавшие вопросы требуют длинных ответов, на которые у нас, к сожалению, нет времени. Но... сколько успеем.

Первый — гипотеза Тимура по поводу того, что если нет государств, нет и войн. Это анархическое мышление, которое у многих в ходу. Дескать, в небольших сообществах люди могут отлично справляться с управлением. Это явный коммунизм, необязательно коммунизм — именно коммунизм. Хотя, я считаю, размышлять об этом действительно важно.

Если вы посмотрите на наш мир из космоса, вы не увидите никаких границ. Но реально границы все же есть, и внутри этих границ люди, если они хотят жить вместе, должны объединяться по тому или иному принципу. Такова практика. В эпоху глобализации в разных странах существуют разные типы интересов. И все же утверждение, что нет государств — нет войн, более чем спорное.

Второй вопрос — о тридцати годах мира. Да, с 1989 по 2001 год — это не 30 лет. И, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в этот период военные расходы действительно снизились. Но это не значит, что войн не было.

Возможно, мне стоило подчеркнуть, что, проработав столько лет в ООН, я все же остаюсь западным человеком и смотрю, естественно, на мир с западной точки зрения. В данном случае эта

точка зрения склоняет к тому, чтобы с уважением относиться к статистике. А статистика утверждает, что в тот период, о котором шла речь, существовали мирные процессы, приносящие дивиденды, которые можно было использовать на нужды людей.

Вы задали и сложный вопрос о культуре войны. На мой взгляд, эти раздумья еще в русле старого, еще римского образа мышления, которое до сих пор хорошо сохранилось на Севере. Там героями считали в основном тех, кто побеждает в войне. Такое представление

*В эпоху глобализации
в разных странах существуют
разные типы интересов.
И все же утверждение,
что нет государств —
нет войн, более чем спорное*

на самом деле опасно. Культура войны и насилия, в отличие от культуры мира, играет на руку элитам, поскольку именно элиты являются движущей силой войн и насилия.

Почему мы воюем в наши дни? Да, и раньше, и теперь нам часто кажется, что многие войны ведутся на религиозной почве. Но в большинстве случаев в основании агрессивных действий лежат интересы, жадность либо империалистическая политика. И, возможно, самая главная причина войн в наши дни — борьба за природные ресурсы. И за землю. В мире все больше нарастает угроза продовольственного кризиса, в основе многих конфликтов — борьба за землю, за возможность выращивать то, что годится в пищу. Хотя, конечно, идет и борьба за нефть, газ, полезные ископаемые.

Что же касается Арктики, то тут, вероятно, всему виной изменения в климате. Льды тают, и появляется больше возможностей для рыболовства, для поиска полезных ископаемых под морским дном, для добычи нефти и газа. У нас есть соглашение между Норвегией

*В большинстве случаев
в основании агрессивных
действий лежат интересы,
жадность либо
империалистическая
политика*

и Россией, которым, я думаю, и Россия, и Норвегия должны гордиться, потому что оно определило как бы линию в океане, регулирующую его использование с обеих сторон. Мы создали, что я считаю чрезвычайно важным, Арктический совет, который в первую очередь должен заниматься растущими экологическими проблемами в Арктике и удовлетворением потребностей коренных народов Севера — инуитов, эскимосов, саамов и др. Арктический совет уникален, поскольку в нем представлены все приполярные страны и коренные народы. Он, помимо прочего, способствует выживанию хрупких малых общин, сотрудничеству в сфере обеспечения безопасности на море. К сожалению, когда Россия стала координатором Арктического совета, другие страны не захотели сотрудничать с нею из-за проблемы Украины. Теперь координатором на два года стала Норвегия, норвежское правительство громко заявляет о больших планах на будущее, однако норвежцы не хотят участия в них России. Между тем Россия владеет половиной Арктики, и там

находятся ее основные ядерные суда, гавани для подводных лодок. Норвегия на протяжении многих лет подчеркивала, что ее, маленькой и дружественной страны, безопасность заключается в том, что работает она на безопасность сильной ООН. Теперь в дополнение к уже существующим договоренностям с НАТО разрешено размещать на ее территории все больше американских баз. Я вижу в этом серьезную опасность. Статья 5 НАТО гласит: один за всех и все за одного. Если одно государство — член НАТО становится жертвой вооруженного нападения, все остальные государства — члены Североатлантического союза будут считать это вооруженным нападением на все страны НАТО и предпримут действия, которые сочтут необходимыми. Я боюсь, что если на Севере произойдет столкновение между США и Россией, это будет уничтожением Норвегии и арктических территорий. Поэтому я хочу, чтобы Арктический совет вновь обрел силу Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Михаил Минаков: Осмелюсь вмешаться с еще одним возможным ответом на вопросы о государстве как о причине войны и о кризисе ООН. Я несколько лет работал в ООН и убедился, что ООН по своему замыслу, по своей организационной структуре много не может. Напомню, что еще в 1945 году в Калифорнии шли активные дебаты по поводу идеи всеобщего мира и, в противовес ей, о реальной политике. В документах по результатам этих дебатов, в частности, говорится, что в человеческой природе нет ничего, что делало бы нас обязательно агрессивными или обязательно мирными. Есть оба варианта и много других вариантов.

Так же, как и в геноме государства нет агрессивности как таковой. В каждом правительстве есть те, кто заботится о мире, и те, кто озабочен войной. Какой из элементов будет введен в действие и иметь решающее право голоса, это уже комбинация различных факторов. Если межгосударственная система организована вокруг неделимости безопасности либо признания верховенства закона, мы имеем ситуацию, которая увеличит шансы мирного исхода правления. Но в любом случае я не искал бы первопричину войн, международных войн в государстве как таковом.

Ингеборг Брейнес: Добавлю еще несколько деталей. ООН — всего лишь сумма стран, 193 стран. Если в разных странах, входящих в ООН, демократия терпит крах, это негативно отражается на ООН, даже если в Секретариате ООН есть люди, которые ежедневно воюют за идеалы Устава. Думаю, что каждый из вас должен как следует почитать Устав ООН. Это самый, говорят, читаемый документ. Он переведен на множество языков, числом больше, чем даже Библия. Структура ООН очень разветвлена. Нью-Йорк, Женева... Мне, кстати говоря, хотелось бы, чтобы ООН полностью переехала в Женеву. В Женеве есть Генеральная Ассамблея, много комитетов, в Женеве главы государств или правительств встречаются раз в год, в сентябре. ООН — место встречи людей для разрешения конфликтов. Специализированные агентства, такие как ЮНЕСКО, помогают странам-членам развивать систему здравоохранения, образования и так далее. Есть гуманитарные организации, которые, как мне кажется, работают довольно хорошо. Но мы угодили в кризис, экономический кризис, средств

для нормального функционирования не хватает. А тут еще и кризис Совета Безопасности, органа ООН, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира. В 1945 году он предоставил некоторые особые права победителям, так сказать, в войне. Пять стран — СССР (сейчас уже Россия), Китай, Англия, Франция и США — получили постоянное представительство в Совбезе, состоящем из 15 мест. Остальные десять являются ротационными, но имеют право вето. Это

ООН – место встречи людей для разрешения конфликтов

изначальное право вето иногда, может быть, и полезно, но чаще всего — нет. Оно останавливает процессы, за которые выступают другие государства — члены ООН. Вот для примера последний случай с США, наложившими вето на мир в Газе. А Россия наложила вето на Украину. Получается, что трудно иметь дело с крупными державами. И потом, в Совете Безопасности нет ни одного представителя Африки, ни одного из Латинской Америки, ни одного от арабских стран. Так что множественные дискуссии о реформе Совета Безопасности небеспочвенны. Правда, сделан позитивный шаг: отныне, если вы наложили вето в Совете Безопасности, вы должны обратиться в Генеральную Ассамблею с объяснением, чем оно вызвано.

Добавлю еще вот что. Все пять постоянных членов Совета Безопасности — ядерные государства. Обычно я не сторонник какой бы то ни было торговли, но, пожалуй, в данном случае я бы поторговалась, предложив, чтобы за всеми пятью странами еще на

несколько лет сохранялось постоянное место, но в обмен на отказ от своего ядерного оружия.

Катерина (Украина): Вы говорили, что мы должны сражаться за правду. Нам обещали, что будут гарантии по защите Украины. К сожалению, нет таких гарантий. И Украина ныне не располагает ядерным оружием. Вопрос: как же нам быть с нашей безопасностью, что нам делать с нашей правдой?

Мария (Беларусь): На самом деле это не вопрос, это провокационное заявление. Возможно, многие здесь осудят меня и за то, что я сейчас скажу. Но в конце декабря я вернулась из Лисичанска, и ребята, с которыми мы проходили военную подготовку... Я уже не мечтаю о том, чтобы они вернулись домой. Я мечтаю о том, чтобы их тела были опознаны. Мне кажется, говорить о пацифизме и о мире могут только люди, у которых есть привилегия не держать в руках оружие для того, чтобы выжить.

Участник семинара: Спасибо большое за лекцию. Но когда я слушала вас, я думала вот о чем. Да, сейчас все мы следим за событиями в Украине, в Израиле, в Палестине. Понимаем, что мир — это хорошо, а погибать — плохо. Но над чем задумывается человек, которому надо просто выжить, что-то заработать, поискать, где купить хлеба подешевле, как накормить семью, детей? Мне иногда кажется, что в России государство вообще не заинтересовано в том, чтобы люди жили хорошо, когда большинство занято просто выживанием. А может, не только наша страна — весь мир озабочен в основном тем же? Миру не до высоких материй, ему некогда раздумывать о проблемах войны и мира. Но если это так, общество обречено? Если люди не задумываются...

Участник семинара: Спасибо вам, Михаил и Ингеборг. Мне понравился ваш конструктивистский подход к безопасности и то, что вы подчеркиваете важность образования, его роль в рождении каких-либо идей. А вопрос мой относительно войны, мира и элит. Дело в том, что элиты могут быть заинтересованы не только в развязывании войны, но и в поддержании мира, который бы помогал им сохранить их статус-кво. Как отличить значимый мир от мира, созданного элитой для нее самой?

И несколько слов о неделимости безопасности, то есть отказе в обеспечении собственной безопасности за счет и в ущерб безопасности других. Вы знаете, что это один из главных аргументов, которые Российская Федерация использует против расширения НАТО?

Участник семинара: Ингеборг, спасибо за ваш подход к международным отношениям, отличный, скажем, от сторонников реализма, или либерализма, или еще кого-то из тех, с кем мы сталкиваемся в последнее время. Мой вопрос, возможно, наивный, а может быть, и немножко нахальный. Столько лет изучения мира, вот появилась и ваша книга, но скажите, есть ли какие-то лаконичные, внятные формулы возможности построения устойчивого мира? То есть какие-то отчетливо и понятно артикулируемые вещи, которые можно было бы взять на вооружение?

Ингеборг Брейнес: Я думаю, что те, кто не был на войне, имеют очень малое представление о ее ужасах. Опыт людей, вернувшихся с места боев, может навсегда изменить их жизнь, причем и к лучшему, и к худшему. Понятно, что активистам движения за мир проще

говорить о том, как предотвратить войну, нежели о том, как покончить с ней. Поэтому большинство организаций мира и сосредоточены на предотвращении войны.

Но мне бы хотелось, чтобы у движения за мир были достаточные ресурсы, в частности, для того, чтобы больше встречаться с людьми, вернувшимися с войны. Может быть, так им легче будет справиться с травмами, нанесенными войной, может быть, нам удастся вместе подумать над тем, какое же общество мы хотим строить и как это делать.

Знаете, я напому вам историю норвежского профессора Йохана Галтунга. Галтунг — основоположник дисциплины «Исследования проблем мира и конфликтов», создатель и первый директор международного Института исследований проблем мира в Осло, ведущий консультант ООН, ОБСЕ и Совета Европы по проблемам урегулирования конфликтов. Он участвовал в процессах разрешения более 45 международных, региональных и внутригосударственных конфликтов. Так вот, у Галтунга есть история о матери, у которой двое детей и один апельсин, и оба ребенка хотят этот апельсин. Что же делать той матери, как поступить? У вас есть предложения? Разрезать его на две части? Это самый простой способ, но это не то, что ищет Йохан Галтунг. Отдать им апельсин, чтобы дети сами поделили его?..

Реплика участника семинара: Я только что был на курсе управления конфликтами, и там тоже задались этим вопросом. Оказалось, что один из детей хотел кожуру, чтобы сварить из нее джем, а второму нужен был свежий апельсин. В этом все дело?

Ингеборг Брейнес: Да, весь смысл как раз в том, чтобы узнать, что и кому нужно, а не просто разделить апельсин. И та же логика распространяется на микро- и макромышление: мы должны больше общаться и понимать тех, кто имеет отношение к проблеме. Должны рассматривать все мыслимые условия для мира, искать и в малом, и в большом.

...Я не уверена, что помню все прозвучавшие вопросы, вам придется мне помочь.

Да, об Украине, о ядерном оружии. Я бы хотела, чтобы все страны отказались от ядерного оружия. Будапештское соглашение по поводу советского ядерного оружия, оставшегося в распоряжении Украины после распада СССР, не было выполнено, как и многие другие международные соглашения. Однако я не стану продолжать эту тему.

О привилегии не брать оружие в руки. Я не знаю, что ответить на этот вопрос. Что делать, когда ты находишься в центре конфликта? Возьмешь ли ты оружие? Будешь ли заботиться о тех, кто пострадал? Будешь спасаться бегством? Обратишься ли за помощью куда-нибудь — например, в ООН? Призовешь миротворцев? Я бы, кстати говоря, настаивала на важности присутствия миротворцев в районе, где происходят беспорядки. Но я знаю, что необязательно быть пацифистом, чтобы верить в культуру мира, а верить, что милитаризм — путь к миру, это серьезное заблуждение, чреватое трагическими последствиями.

Прозвучал еще вопрос о том, существует ли некая формула достижения мира в мире. В книге, о которой я упоминала, я писала, что культура мира — это видение и программа. Программа,

чтобы представить целостный подход к теме, разделена на восемь областей. Первая: о культуре мира через образование и обсуждение, как сделать школы не столько зоной конкуренции и иерархических социальных структур, сколько местом, где учатся делиться друг с другом и заботиться друг о друге. Обучение мирному сосуществованию ЮНЕСКО считает столь же важным, как и саму грамотность.

Затем речь идет о культурном мире посредством устойчивого развития, о культуре мира через права человека. Нет мира без развития и нет развития без мира, но и то и другое зависит от соблюдения прав человека.

У нас есть Совет по правам человека в Женеве, и вы, возможно, знаете, что с относительно недавних пор каждый четвертый год все страны должны отчитываться перед Советом о своих достижениях в области прав человека. Правда, страны обычно стараются представить отчет в лучшем виде, окрашивая ситуацию в розовые тона. Совет также требует отчета от ООН по конкретной стране. Например, какими сведениями располагает ООН в отношении Норвегии, Украины или любой другой страны. Далее идет доклад гражданского общества, в котором любой может сообщить, что в его стране происходит. Все это называется универсальным периодическим обзором, и я думаю, такой обзор действительно важен.

Затем — гендерное равенство, культурный мир через гендерное равенство. Затем культура мира через толерантность, свободу слова. ЮНЕСКО тоже последовательно выступает против доминирующего, какого-то одного международного СМИ.

Последний из упомянутых восьми столпов — построение мира. Здесь много предложений. Возможно, к примеру, ввести налог на мир, то есть часть ваших налогов, которая идет на вооруженные силы, должна идти на дело мира, будь то министерство мира, или организации мира, или образование в области мира, или история мира и т.д.

Инна Берёзкина: Я хотела бы закрыть эту сессию коротким ответом на комментарий Марии. Мы прекрасно понимаем, что только пацифизмом мы, конечно, не остановим сегодня ужасов войны, которую Россия развязала в Украине. Но для нас в Школе важно понимание, что, в принципе, если человечество не перейдет от культуры войны к культуре мира, это будет тупиковым путем. И мы должны, мы имеем право открыто говорить об этом. Я совершенно уверена, что каждое слово, прозвучавшее здесь, не только слово. Это и большая работа, правозащитная, гуманитарная работа. Стремление не только остановить тот ужас, что сейчас происходит, но и последовательно работать на то, чтобы этот ужас никогда не повторился.

Мне важно было сказать это.

*Внутренняя и международная политика Китая в год выборов**

Во-первых, позвольте пожелать вам всем счастливого, безопасного и процветающего года Дракона, который только что начался. Год Дракона — один из самых почитаемых в китайской и восточноазиатской мифологии. Будущие мамы и папы ждут этого года, чтобы завести детей, так как считается, что детям, рожденным в этот год, сопутствует удача. Год Дракона обычно полон обещаний, возможностей — но и риска тоже, чему мы уже свидетели в последние несколько месяцев.

Во-вторых, я благодарю организаторов нашей встречи за приглашение. И благодарю докладчиков, высказавших много замечательных мыслей о демократии и значительно облегчивших мою работу.

Разговор о Китае и демократии всегда был очень сложным. Китай называют авторитарным, иногда тоталитарным, особенно Китай при Мао. И сегодня многие опасаются, что Китай, когда дело доходит до демократии, деэволюционирует. Об этом говорили, еще когда я учился в аспирантуре, притом что тогда все же было больше оптимизма.

В этом году, как вы знаете, во многих странах проходят важные выборы. Только что поступили новости из Пакистана, где выборы прошли бурно: есть два победителя, точнее, два человека, утверждающих, что они победили. Как это сопрягается с Китаем — об этом и пойдет речь дальше.

Мнение, что, дескать, демократии в китайской политике нет места, неверно. В китайских политических документах множество ссылок на демократию, и не в том дело, что китайское правительство якобы не ценит демократию или не признает ее. Проблема в том, как она интерпретируется.

Вернемся к временам Мао Цзэдуна. Мы видим, что понимание и интерпретация демократии в

Марк Лантен, профессор, политический аналитик, UiT — Арктический университет Норвегии (Тромсё)

* Выступление на семинаре Школы в Праге 11 февраля 2024 г.

значительной степени были тогда заимствованы из советской модели: считалось, что в Китае народно-демократическая диктатура. Я долго изучал Китай и до сих пор не знаю, что это значит. Кто-то может мне объяснить, как демократия и диктатура могут присутствовать одновременно? Но тогда утверждалось, что в Китае именно так.

Мао использовал и другой термин — «линия масс». Что это значит? Это значит, что, по мнению Мао, в 1940–50-е годы партия, государство и народ были едины. Они работают вместе. Они одно целое. А раз так, к чему вам система голосования? Зачем нужен «один человек — один голос», если партия и народ — одно и то же? В этом и заключается идея «линии масс». Для Китая это и есть демократия — слияние государства, партии и народа. Да, это сильно отличается от традиционных представ-

*Не в том дело,
что китайское
правительство якобы
не ценит демократию
или не признает ее.
Проблема в том, как она
интерпретируется*

лений и определений, но таково было состояние китайской демократии до смерти Мао и до начала реформ в Китае.

В 1970–80-е годы прошлого столетия, после ухода Мао, у китайского государства возникла проблема. В СССР советские лидеры сумели развести Ленина и Сталина: Ленин — хороший, Сталин — плохой. А в Китае Мао часто воспринимали и как Ленина, и как Сталина; когда Мао не стало, Пекин официально

провозгласил, что тот был на 70 процентов хорошим и на 30 процентов плохим. Я вовсе не шучу. Китаю, чтобы провести реформы, необходимо было открыться для международной системы, развивать торговлю и хорошие отношения с другими странами, в том числе со странами Запада. Как это сделать, не разрушив партийного государства?

Одна из инициатив заключалась в том, чтобы последовательно убирать идеологию из политической системы. Да, еще можно было видеть в Китае коммунистические символы, гигантскую фотографию Мао Цзэдуна на площади Тяньаньмэнь, но, тем не менее, идеология стала как бы отходить на второй план. Это делалось во имя и в пользу — это еще один интересный термин — «научного метода развития». Еще одна фраза, которая означает всё и ничего.

Лидеры Китая 1990-х годов были не так уж заинтересованы в идеологии. Многие из них имели инженерные и научные степени. Один из президентов, Ху Цзиньтао, был инженером-гидроэнергетиком, так что он уже не традиционный политик. И он считал, что нужно говорить о науке, о развитии, об обогащении Китая. Вот тут как раз и стали появляться суждения, в том числе в среде китайских ученых, о том, что, может быть, Китаю надо бы понемногу двигаться к настоящей демократии. Многие китайские лидеры тогда были обеспокоены тем, что произошло с СССР, где партийная система стала жесткой, негибкой, не могла модернизироваться и в итоге распалась. А после травмы, вызванной

бойней 1989 года на площади Тяньаньмэнь, в китайском правительстве и вовсе возникла паника: если мы не попытаемся реформировать нашу систему, мы обречены. Началось обсуждение возможной модели внутривластной демократии.

Коммунистическая партия Китая, кстати сказать, велика. Думаю, она до сих пор крупнейшая партия в мире. Насколько мне известно, в ней свыше 98 миллионов членов. Вы, наверное, сейчас подумали: да ладно, большинство ее членов, скорее всего, уже пожилые люди. Это не совсем так. Когда я преподавал в Пекине, у меня учились студенты 18–20 лет, только что вступившие в партию. Они были счастливы, и их родители были счастливы. Многие вступали в партию, веря в коммунистические принципы. Кто-то считал, что членство в партии может карьеру, бизнесу.

В 1990–2000-е годы реформы проводились и внутри самой компартии. Если у вас в партии хорошая репутация, вы можете претендовать на некую должность, пусть и низового уровня. Что произойдет при голосовании на более высоком уровне — на уровне города или даже области? Получалось, что 98 миллионов членов партии действительно могут голосовать за своего лидера. Это называется управляемой демократией. Иначе говоря, у вас есть демократическая система, но её, дабы убедиться в устойчивости системы, направляет партийное государство. Очень это было интересное время — 20 лет назад — для китайских ученых.

В 2012 году китайское правительство выпустило пропагандистское видео. Оно называлось «Как создаются лидеры». В нем сравнивались результаты выборов партийных лидеров в Китае, США и Великобритании. Видео рассказывало, как Барак Обама и Дэвид Кэмерон стали лидерами своих стран. При этом подразумевалось, что Си Цзиньпин, который вот-вот станет президентом, проходит через легитимный процесс другого типа демократии. В ролике говорилось: посмотрите, как США и Великобритания выбирают своих лидеров. Да, путем голосования, но, если вы находитесь в Соединенных Штатах и хотите баллотироваться в президенты, у вас должно быть много-много денег. Сравните это с китайской системой. Чтобы попасть на вершину, любой крупный китайский лидер должен пройти ряд тестов. Видеоролик откровенно намекал на то, что китайская система на самом деле лучше, ведь к тому времени, когда лидер попадает на вершину партийной системы, он уже прошел всевозможные испытания и, следовательно, готов возглавить страну. Видео завершалось выводом: пока люди довольны, а страна развивается и прогрессирует, это работает. Так в чем же проблема?

После травмы, вызванной бойней 1989 года на площади Тяньаньмэнь, в китайском правительстве началось обсуждение возможной модели внутривластной демократии

Одно из преимуществ традиционной демократии заключается в том, что она позволяет народу решать, кто будет лидером. Демократия не закрытая система.

Посмотрите на Китай 1990–2010-х годов. Китайская экономика в расцвете, она демонстрирует рост ВВП на 9–11 процентов в год. Европа, Соединенные Штаты и близко не подходили к такому показателю. Правда, многие экономисты говорили, что так долго продолжаться не может и в конце концов китайская экономика должна развалиться. Один из моих профессоров, и не он один, китайскую экономику объявлял мертвой. Но она продолжала работать, и хорошо работать. Тогда стали задумываться: может, китайская система действительно включает в себе определенные преимущества?

В Поднебесной у людей спрашивали: «Что вы думаете о демократии?», «Считаете ли вы Китай демократическим государством?» Я не знаю, насколько честными были те опросы, но подавляющее число опрошенных согласилось, что они живут в демократической стране.

Пока китайская система порождает богатых и процветающих людей, все шло отлично

Они добавляли: «Посмотрите, сколько я зарабатываю, я могу обеспечить свою семью. Я живу намного лучше, чем мои родители, бабушки и дедушки».

Наверное, это и есть демократия. Если вы богатеете, значит, у вас в стране демократия.

Министр трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР Ван Сяопин сказала об этом лучше других: «Бедность — это не социализм». Нигде не написано, что быть социалистом — значит быть бедным. И пока китайская система порождает богатых и процветающих людей, все шло отлично.

Следующий вопрос: куда движется китайская демократия? 20 лет назад многие предполагали, что страна движется в том же направлении, что и Сингапур, и в конце концов станет очень большим Сингапуром, пусть и без статуи льва. Что это значит — стать большим Сингапуром?

Как я уже говорил, демократия в Китае начинается снизу и медленно поднимается все выше и выше, до момента, когда вся коммунистическая партия избирает своего лидера. Тем самым государство становится системой с доминированием одной партии, как в Сингапуре. Выборы в Сингапуре проводятся регулярно, но побеждает только одна партия, «Народное действие». Может ли Китай сделать то же самое — проводить свободные выборы, на которых каждый раз побеждает только одна партия?

Китайская экономика продолжает расти. Все больше людей становятся представителями среднего класса. Все больше богатых, как в Сингапуре. И, что еще более важно, в государстве работают над утверждением верховенства права. А это и есть проблема, когда мы говорим о демократии. В Китае нет верховенства права, позвольте мне

Ли Шань (Li Shan). Генерал Мао. 1995

подчеркнуть это, но есть верховенство закона. Очень просто для людей быть ниже закона, который может быть к ним несправедлив, или — для лидеров Китая — быть выше закона. Правовая система Китая в некоторых случаях позволяет подавать в суд на чиновника за коррупцию или, допустим, за загрязнение окружающей среды в родном городе. Потенциально вы можете подать в суд на главу одной из партий (если только у главы нет надежных связей). Однако, если вы попытаетесь подать в суд на коммунистическую партию — удачи вам, но вряд ли вы преуспеете в этом. Компартия становится более уверенной в себе.

В Гонконге популярна фраза: «Заткнись и делай деньги». То есть, иначе говоря, оставьте политику другим, а мы заинтересованы в бизнесе, в обогащении своем и своих семей. Такова была теория, которой придерживались 20 лет назад. И именно в этом направлении, по прогнозам, должна была впрямь развиваться китайская демократия. Но все пошло не по плану.

Обычно китайские ученые могут довольно точно предсказать, кто займет высший пост. Они смотрят, кто с кем стоит рядом, кто произносит большие речи. В 2013 году неожиданно пришел к власти нынешний президент Си Цзиньпин. Поднялся он на высшую ступень власти очень быстро, за несколько лет прошел путь от бюрократа среднего уровня до вице-президента. И это многих застало врасплох. Предполагали даже, что Си станет китайским Горбачевым, — еще и потому, что у него был богатый опыт работы за границей: он провел какое-то время в центральной части Соединенных Штатов, изучая сельское хозяйство. Его отец был видным членом партии, хотя и репрессированным. Ожи-

*В 2013 году неожиданно
пришел к власти нынешний
президент Си Цзиньпин*

далось, что Си Цзиньпин, придя к власти, будет выступать за серьезные изменения, за то, чтобы Китай превратился в большой Сингапур. Но этого не произошло, Си не стал проводить серьезных реформ.

Более того, он начал отступать от направления предыдущих реформ, включая потенциальную реформу законодательства. А самая большая проблема возникла в 2018 году, когда было объявлено: ограничение срока полномочий для китайских лидеров будет отменено.

После смерти Мао всем, казалось, было ясно, что культа личности больше не должно быть, не должно быть диктатора. Более того, уже к 90-м годам стало понятно, что у китайского президента есть два срока правления, а затем он уходит в отставку, передавая руководство вице-президенту или старшему партийному лидеру. Именно так, по слухам, намеревался поступить Си. Но... Говорят, что были предупреждающие знаки, что все чаще заходили разговоры о Путине. В книжных магазинах Пекина появилось много книг о российском президенте. Писали, что Путин все понимает, что, если он хочет что-то сделать, он это сделает непременно, добьется своего — в отличие, мол, от США и Европы, где все обо всем спорят днями напролет. По китайским опросам, Путин «потрясающий» и совсем не зря сняли ограничения на время его полномочий. Вот и Си Цзиньпин может оставаться на посту столько, сколько захочет.

Я не знаю, хочет ли Си быть президентом всю жизнь, не знаю его плана действий, да и никто не знает. Но договоренности, заключенные после смерти Мао, теперь нарушены.

Си Цзиньпин явно обеспокоен либеральной демократией. Он явно переживает по поводу верховенства закона, говоря, что это может привести к дальнейшей эрозии партийного государства. И, помните, я говорил о научном методе развития? Это уже в прошлом. Профессионалы из партии, особенно из высших ее эшелонов, удаляются. На их место приходят люди, преданные Си Цзиньпину.

Поэтому для Китая начался очень сложный период. Сейчас Си считают основным лидером. Все, что он говорит, практически закон. Но что

касается внешней политики — тут присутствует постоянное беспокойство. Все неприятное, что сейчас есть в Китае, будь то экономические проблемы, протесты или что-то еще, приходит, по словам китайских пропагандистов, извне: из Соединенных Штатов, Европы или ее союзников. Растут опасения по поводу цветных революций, каковые имели место в Советском Союзе. И Си призывает к народной демократии, которая похожа на «линию масс», а по сути — на народную демократическую диктатуру. Народу явлен новый язык. А еще Китай стал демонстрировать признаки того, что его больше не интересует экономический рост. Си говорит о всеобщем процветании, о том, что богатство должно быть равномерно распределено по всей китайской системе, что личное обогащение не лучшая идея — важнее богатство распределять. Это очень похоже на идеи Мао.

Все неприятное, что сейчас есть в Китае, приходит, по словам китайских пропагандистов, извне: из США, Европы или ее союзников

Нет, западная конституционная демократия не подходит для Китая. Универсальные ценности тоже западная идея, и она тоже не подходит. Вместо прав личности — благо коллектива, оно должно превалировать над благом отдельного человека. Неолиберальная экономика не годится, экономика по-прежнему должна находиться под контролем партийного государства. Она может развиваться и расти, но именно и только под полным контролем государства. В журналистике неприемлем западный образец, и священная обязанность журналиста, как заявило правительство Си, не оскорблять китайское руководство, в противном случае журналист останется без работы.

Демонстрируется исторический нигилизм. Партия пытается переписать историю, утверждая, что с самого начала существовала непрерывная линия ее успеха. У любого, кого обвинят в том, что он идет вразрез с этой исторической моделью, будут проблемы. Неважно, что была великая культурная революция, неважно, что был Большой скачок, площадь Тяньаньмэнь. Партийное государство — единственная сила, способная управлять Китаем и привести его к успехам.

И тут я хочу поговорить о Тайване, о выборах.

Тайвань — небольшой остров с населением более 23 миллионов человек. Там месяц назад прошли выборы. По мнению руководства Китая, Тайвань — отделившаяся провинция, в которой нет законного правительства. С конца 90-х на острове проходят свободные выборы, что сильно раздражает китайское руководство. Пекин постоянно твердит: демократия западного образца не подходит для китайской нации, и с культурной точки зрения она невозможна. При этом ссылаются на пропагандистские плакаты, появившиеся еще во времена маоизма (своего рода тест на знание китайского языка).

Первый из таких плакатов датирован 1955 годом: «Дяди из Народно-освободительной армии, вы должны спасти наших страдающих молодых сестер, маленьких детей на Тайване». То есть Тайвань — ужасное место, где все бедные и всех угнетают. Остров нужно освободить. Это 1955 год.

Сохранился и более поздний плакат, 1971 года, на котором храбрые солдаты Народно-освободительной армии Китая атакуют остров Тайвань. На нем изображены тайваньский чиновник и маленький американский солдат. И снова: «Мы должны освободить Тайвань».

Китай по-прежнему оставляет за собой право вернуть Тайвань

Последние выборы на острове оказались весьма интересными, поскольку в них участвовали три партии: старый Гоминьдан — националистическая партия, которая более открыта для сотрудничества с Китаем, относительно молодая Тайваньская народная партия, учрежденная в 2019 году, и Демократическая прогрессивная партия, выступающая за независимость, но открыто об этом не объявляющая (для Китая такое заявление означало бы просто объявление войны).

Победила на выборах Демократическая прогрессивная партия, причем третий раз подряд, во главе с новым президентом Лай Циндэ и вице-президентом Сяю Бикхим. К Сяю во время выборов проявляли особый интерес, поскольку она долго работала в Соединенных Штатах и ее подозревали в связях с ЦРУ. А она мечтала о реформировании тайваньской дипломатии.

В последние несколько лет Китай проводил политику так называемой дипломатии «боевых волков», направленную против любого оскорбляющего Китай государства. Вице-президент Тайваня Сяю решила, что это не работает, и предложила «кошачью дипломатию»: ее страна должна быть дружелюбной и гибкой, подобно кошке.

Китай же по-прежнему оставляет за собой право вернуть Тайвань. Правда, вероятность того, что это случится, думаю, практически свелась к нулю. Я преподавал в Тайбэе и знаю, что очень трудно найти кого-либо в возрасте до 65 лет, кто был бы заинтересован в возвращении в Китай.

Возвращаясь к размышлениям о демократии по-китайски, зададим себе вопрос: в чем же суть этой системы и что будет делать Пекин, если экономика Китая значительно замедлится? Вернется к Мао и скажет, что, мол, давайте, как прежде, опираться на идеологию?

Вообще страна остается крайне изолированной. Зарубежным лекторам, исследователям очень сложно встретиться сегодня с прежними друзьями. Я сам с начала 2019 года не могу вернуться в Китай. И, вероятно, это будет сложно и впредь. Я беспокоюсь не только за себя, но и за китайских коллег, поскольку опасаясь, что их обвинят в сговоре с некими иностранными силами.

Плакат «Мы определённо освободим Тайвань». 1971

Между тем посмотрите, как сейчас обстоят дела в социуме и в китайской экономике. Например, несколько месяцев назад было объявлено, что безработица в Китае среди молодежи достигла 20 процентов. Реакция правительства: не публиковать эту статистику! А молодым надоело, что им твердят: работай, дескать, усердно — и разбогатеешь. Ну не богатеют молодые — и при этом реально повлиять на действия китайского правительства не могут.

Уровень рождаемости в Китае тоже стал снижаться. Китай уже не самая большая по численности населения страна мира, и это серьезный звонок. Как, опять же, отреагировало правительство? Ну конечно, виноваты женщины и ЛГБТК, отошли они, знаете ли, от традиционных китайских семейных ценностей.

Китай по-прежнему остается второй экономикой в мире. По-прежнему Китай — крупный политический, социальный и военный игрок. Но меня беспокоит, что после событий последних лет Китай станет еще более закрытым, изоляционистским и под угрозой окажется не только безопасность мира, но и его собственный народ. Неслучайно те же тайваньские политики задаются вопросом: сегодня Украина, а завтра Тайвань?..

Хочу надеяться, что этого не случится.

Вопросы участников семинара

Алексей: Вы знаете, в России есть выражение «последнее китайское предупреждение». Оно означает предупреждение или угрозу, не имеющую реальных последствий. Мы видим агрессивную риторику китайского руководства в отношении Тайваня. Вопрос: действительно ли это что-то серьезное — или снова «китайское предупреждение»? Каковы возможные индикаторы серьезности китайских угроз в отношении Тайваня?

Катя (Париж): Большое спасибо за лекцию. Я слушала вас и все время думала о России. Не могли бы вы привести чуть больше примеров социальных изменений в Китае? И, если вы будете располагать достаточным временем для ответа, у меня к вам еще один вопрос: оппозиция режиму в изгнании — как это на деле происходит?

Мариам (Грузия): Не так давно министерство иностранных дел Китая выпустило доклад по поводу отношений с Германией и США. Одно из моих любимых предложений, фигурирующих в докладе, звучит примерно так: Соединенные Штаты должны провести серьезный «душевный поиск». Душа, духовные ценности и другие подобные формулировки обычны для официальных документов Российской Федерации. А как Китай понимает процесс поиска души, который якобы необходим США?

Марк Ланген: К вопросу о Китае и Тайване. Существует множество различных точек зрения на то, с какой вероятностью Китай вторгнется на Тайвань — в ближайшем будущем или позже. Сам Пекин заявил, что

рассматривает вторжение только как крайний метод. Но проблема сейчас в том, что население Тайваня все меньше заинтересовано в объединении. В Пекине же опасаются, что, если ждать слишком долго, мирное объединение станет просто невозможным. Еще лет пять назад я больше опасался реальности краткосрочного вторжения. Но Китай очень внимательно изучил вторжение России в Украину, находя в ситуации много параллелей. Китай тоже прежде надеялся, что, напади он на Тайвань, он сумеет быстро захватить остров, прежде чем кто-либо еще успеет отреагировать. Очевидно, что Китай ожидал того же в Украине: Киев падет в течение 72 часов. Этого не произошло, и теперь многие в стране обеспокоены: если подобное случится с Тайванем и мы окажемся втянуты в долгоиграющую войну, что будет? Народно-освободительная армия Китая не предназначена для этого, и при любой ошибке в тайваньской операции партия падет, в этом нет сомнений. Как бы то ни было, в стране стали более нервно относиться к любым краткосрочным военным операциям, хотя преследование Тайваня по-прежнему сохраняется. Будут использовать дезинформацию, внушать мысль, что США в любой момент оставят тайваньцев без поддержки. Словом, важно напугать Тайвань. И тем не менее сегодня вторжение на остров я считаю не столь вероятным, как, скажем, несколько лет назад.

По поводу социальных изменений. Я смотрю китайские новостные программы на эту тему, и они действительно показывают молодых людей, которые собираются купить, скажем, новый мотоцикл или новую машину, и их социальный кредитный рейтинг

позволяет сделать покупку. Все просто великолепно, но, с другой стороны, был случай, и не один, когда человек вознамерился поехать в столицу, чтобы выразить свой протест по какому-то поводу, а на его телефоне вдруг, без всякой причины зеленый квадратик становился красным. То есть человеку нельзя сесть на поезд, нельзя арендовать машину, нельзя покинуть родной город. Помимо прочего, такая система опасна тем, что она открыта для злоупотреблений: достаточно сделать что-то не так, и нет ни кредитной карты, ни паспорта, ни билетов. Таким способом можно вывести из игры любые оппозиционные силы — ударим по больному месту, по карману. Это очень серьезная проблема, и у Китая теперь есть технологии, позволяющие внедрить подобную систему.

Есть опасение, что люди, приезжающие в страну, будут вынуждены подчиняться ее правилам. Если я поговорю «не с тем» человеком или куплю «не очень хорошую» книгу, велики шансы, что мне на телефон придет сообщение: «Вам лучше уехать». Неслучайно многие компании, которые действительно были рады инвестировать в Китай, сейчас уходят.

Еще пара слов об изменениях. Каждый март между США и Китаем происходит своеобразный ритуал: США публикуют доклад о правах человека в Китае, затем Китай публикует доклад о правах человека в США. Такое, знаете, взаимное соперничество. Так вот, Поднебесная стала гораздо критичнее относиться к политике США, утверждая, что именно Соединенные Штаты являются агрессором в международном праве и международной системе. Я много работаю в Арктике,

и один из нарративов, который Китай продолжает широко распространять, заключается в том, что именно США заставили Швецию и Финляндию вступить в НАТО. Хотя очевидно, что это не так. Китай утверждает, что Соединенные Штаты являются агрессором, действующим против международного статус-кво. Посмотрите, например, на

Такая система опасна тем, что она открыта для злоупотреблений: достаточно сделать что-то не так, и нет ни кредитной карты, ни паспорта, ни билетов. Таким способом можно вывести из игры любые оппозиционные силы

китайский план мира в связи с вторжением России в Украину. Прежде всего, НАТО, по мнению Китая, следует прекратить все поставки оружия в Украину, что, видимо, и должно привести к миру.

Китай пытается сказать — это к вопросу о «поиске души», — что США застряли в мышлении времен холодной войны, когда считалось, что любую проблему можно решить с помощью военной силы. А Китай-де пытается представить альтернативную модель, устраивающую, в частности, многие развивающиеся государства. Да, мы — Китай — большая держава, но мы не Штаты, мы другие.

Вопрос: Китай видит опасность со стороны стран коллективного Запада. А видит ли он угрозу со стороны соседей, и вообще, какие отношения у него с соседями? Второй мой вопрос об уйгурах:

вводились ли какие-то санкции коллективного Запада в отношении Китая по поводу геноцида уйгуров?

Вопрос: Вы упомянули Мао и нынешнее отношение в Китае к нему: Мао на 70 процентов хороший и на 30 — плохой. В России, я слышал, есть люди, считающие, что то же можно отнести к Сталину и это решило бы внутренние проблемы, связанные с нашим прошлым. Поэтому мой вопрос заключается в следующем. Китай, безусловно, государство, обладающее уникальными свойствами, связанными с его культурой и историей. Но может ли он стать своего рода авторитарной нормативной державой и перенести свои практики, логику, структуры власти и взгляды на другие страны? В какой-то степени это уже происходит, но каковы перспективы, масштабы и пределы этого процесса?

Саргис (Армения): Мой коллега уже упомянул об уйгурах. Существуют ли в Китае угрозы этнической религии? Насколько они реальны?

Вопрос: Французский социолог Пьер Бурдьё в своей книге *Masculine Domination* («Гегемония мужчин») показывает, что общество организовано на основе мужского доминирования и что подобная структура считается естественной. Это, по Бурдьё, как бы символическая машина, утверждающая мужское господство. Вы можете ответить на вопрос, почему общество, его члены принимают и узаконивают власть правителей?

Марк Лантен: Понадобилась бы еще одна лекция, чтобы ответить на ваши вопросы, но я постараюсь сделать все возможное.

Относительно соседей Китая. Да, еще с 1990-х годов он пытается улучшить отношения со своими ближайшими соседями, в том числе и с Россией. Официально две страны сближаются, были встречи на высоком уровне — между Си и Путиным, говорится о взаимной дружбе, о партнерстве без ограничений. Но, скажу честно, я скептически отношусь к тому, что говорят о союзе Китая и России. К тому же Китай по-прежнему обеспокоен тем, в каком направлении движется современная Российская Федерация. Добавлю, что у Китая 15 ближайших соседей, и с точки зрения безопасности его положению не позавидуешь. Это одна из причин, почему страна постоянно наращивает свой военный бюджет.

Что касается уйгуров, то, действительно, многие компании, включая, например, те, что продают одежду, больше не работают с китайскими фирмами, получающими хлопок из Синьцзяна, из-за ситуации с правами человека в этом автономном районе. Проблема, однако, в том, что многие правительства, в том числе и европейские, неторопливы в осуждении действий против уйгуров. Китай же пытается представить свою версию, что он, мол, просто обучает и воспитывает уйгуров. Именно этот нарратив, на мой взгляд, замедлил серьезное осуждение действий Китая не только в Синьцзяне, но и в Тибете.

О китайской модели. Интересно, что Си Цзиньпин постоянно заявляет, что каждая страна должна развиваться по-своему. То есть США должны поступать по-своему, Китай — по-своему. Но он же утверждает, что в его государстве действует модель, на которую другим странам следует обратить самое

пристальное внимание. Дескать, у нас стабильность, у нас порядок, у нас относительно хорошая экономика. И в результате кто-то уже видит в Китае альтернативный вариант развития и управления.

Что касается религий: они в Китае разрешены, но, опять же, должны находиться под прямым контролем государства. То, что произошло, например, в Польше в 1980-х годах, — знак для китайского правительства: если позволить религиям действовать вне государства, оппозиция может набрать силу. Поэтому были введены серьезные ограничения на соблюдение религиозных обрядов, причем не только мусульманских, но и христианских. При этом утверждается, что любой может исповедовать те или иные взгляды, но они не должны носить политического характера.

Что касается вопроса об авторитарной системе, системе с преобладанием мужчин, то, например, Мао говорил, что женщины держат половину неба. Однако нынешняя система управления в Китае начинает возвращаться к модели с преобладанием мужчин. Женщинам стало гораздо сложнее попасть на высокие посты. Прежде за женщинами сохранялось определенное представительство во власти, но при Си оно сильно сократилось. Из-за беспокойства, вызванного тем, что страна теряет население, провозглашается возвращение к традиционным семейным ценностям. И, что еще хуже, не очень приветствуется, если женщина в Китае получать высшее образование. Раз она получает степень бакалавра или магистра, значит, она теряет время, которое должно быть посвящено созданию семьи. Это уже натуральный регресс, который

будет иметь очень серьезные последствия не только для политики, но и для социальной системы страны.

Катя: У меня вопрос, касающийся Центральной Азии. Как Китай воспринимает этот регион? Я знаю, например, что в Казахстане популярно мнение: надо опасаться экспансии, с одной стороны, России, с другой — Китая. Насколько оправданны такие опасения?

*О китайской модели.
Си Цзиньпин заявляет,
что каждая страна должна
развиваться по-своему.
Но утверждает, что в его
государстве действует модель,
на которую другим странам
следует обратить
пристальное внимание.
Дескать, у нас стабильность*

Георгий (ЛБТК+): Обычно ученые говорят, что китайская экономическая элита связывает свой успех с ростом КПК и поэтому остается к ней лояльной. Также принято считать, что с ростом экономики страны становятся более демократичными. В Китае с этим что-то не сложилось?

Слава: Есть ли сведения о том, что люди, критикующие Китай из-за границы, но имеющие китайское гражданство, подвергались преследованиям и угрозам?

Антон: Вы упомянули, что в Китае существует определенная связь между демократией и зарабатыванием денег. Упоминали теорию модернизации. Говорили, что существует высокий уровень поддержки партии, что китайцы верят в то, что действительно живут

при демократии. Уровень политического участия в Китае выше, чем в европейских странах. Есть также исследования, показывающие, что около половины китайских работников принимали активное участие в трудовых спорах, они могли обратиться в суд, они участвовали в акциях протеста.

Казахстан – основной транзитный маршрут для китайских товаров в Россию, Евразию, Европу

Подобные действия в некоторой степени даже поощряются партией. Есть также свидетельства того, что Коммунистическая партия Китая очень внимательно следит за общественным мнением и реагирует на него. Не думаю, что сейчас на Западе есть страна, где вера в то, что ее граждане живут в демократическом обществе, выше, чем в Китае. Я живу во Франции, и не проходит и недели, чтобы люди на улице не кричали: «Макрон — диктатор!» Может, действительно стоит взять пример с Китая? И кто на самом деле определяет, что является демократией, а что нет? Люди, ученые?

Марк Лантен: Казахстан — очень интересный случай, потому что, когда Си Цзиньпин выдвинул свою главную идею «Пояса и пути», то есть торговых маршрутов, которые свяжут Китай с Азией, Европой, Латинской Америкой, Казахстан считался до сих пор считается важнейшим участником этого. Казахстан — основной транзитный маршрут для китайских товаров в Россию, Евразию, Европу. Казахстан видел, что произошло с вторжением России в Украину, но он также очень обеспокоен тем, что Китай благодаря своей

экономической мощи может оказывать давление на него. Следовательно, государство вынуждено балансировать между Россией и Китаем. Тем более что Россию по-прежнему интересует ближнее зарубежье.

По поводу теории модернизации. Я знал, что от этого вопроса мне не уйти. Итак... Эмпирическое свидетельство: как только любая страна в любой точке мира поднимается выше определенного уровня доходов, на нее начинают оказывать давление — она должна стать демократической. Почему? Потому что в ней появляется средний класс. А для Китая это очень щекотливая тема. Там нельзя произносить «средний класс». Вам погрозят пальцем: нет в Китае классов! Поэтому мы говорим о среднем слое. Сейчас я бы сказал, что средняя прослойка со средним доходом в Китае превышает 350 миллионов человек. Логично, что эта группа людей утверждает: «Мы платим правительству налоги и хотим, чтобы оно удовлетворяло наши потребности». В других частях мира такое требование — постоянный источник стресса. В Китае этого не происходит, чему могут быть разные причины. Либо теория модернизации ошибочна (этой информации не обрадовались бы многие политические теоретики), либо что-то мешает демократическим преобразованиям в Китае. Или система слишком укоренилась и что-то еще не дает людям организовать до той степени сопротивления, которую мы наблюдали в других странах. Словом, это отличный вопрос, на который, вероятно, невозможно ответить. По крайней мере, в ближайшее время.

Хороший вопрос о зарубежных китайцах. Прежде чем вернуться в Норвегию, я работал в Новой Зеландии, а

родом я из Канады. В обеих странах были случаи, когда китайцам за рубежом, в том числе активистам, звонили среди ночи, приходили враждебные электронные письма с предупреждениями: «Надеюсь, у вашей семьи все хорошо», «Будьте очень осторожны». В Китае существуют онлайн-организации. Их называют Little Pink. В них действуют молодые активисты, которые решительно поддерживают китайскую коммунистическую партию. И если кто-то оскорбляет Китай в интернете, этот кто-то становится мишенью. Его адрес могут разместить в Сети, обнародовать закрытую, частную информацию. Причем речь идет не только о том, что у вас могут отобрать визу (это было проблемой на протяжении долгого времени). Теперь встает вопрос о вашей собственной безопасности, о безопасности вашей частной жизни, безопасности членов вашей семьи. И еще один момент. Если вы, китаец, пребывали за границей и возвращаетесь в Китай, то даже если у вас есть другой паспорт, предполагается, что вы все еще являетесь гражданином Китайской Народной Республики и должны подчиняться ее правовой системе. Многие страны, в том числе Австралия, на собственном опыте убедились в этом. Китай ясно дал понять, что, например, законы о запрете клеветы на китайскую нацию распространяются и на тех, кто за границей.

И снова о демократии. В китайской правовой системе произошло много изменений, и некоторые из них были вполне позитивными. Раньше верховенство закона считалось западной идеей, считалось, что для Китая она неприемлема. Теперь же возможно и даже приветствуется участие в жизни гражданского

общества. Но... всегда есть красная линия, которую нельзя переступить, и при Си эта граница стала понемногу смещаться. Хотите пожаловаться на местного чиновника? Отлично! Но если вы попытаетесь вынести это на обсуждение, попробуете расширить свои претензии до критики партии, государства в целом, у вас будут проблемы. Так что вот такая демократия: делай то, что тебе

В Китае существуют онлайн-организации. Их называют Little Pink. В них действуют молодые активисты, которые решительно поддерживают китайскую коммунистическую партию

нужно для улучшения своей жизни, своего положения, но будь очень осторожен — не пересекай красные линии! Незнание того, где находятся эти самые красные линии, многих в стране обрекло на серьезные неприятности.

Ингеборг Брейнес: Сначала позвольте мне небольшой политический комментарий. Как человек, который в душе является коммунистом, но сожалеет о том, как именно мы воплощаем в жизнь этот замечательный идеал, я должна сказать, что перераспределение богатства должно быть очень важной целью, особенно на Западе. Почему миллиардеры и крупные транснациональные корпорации решают, как нам строить наш мир? Я думаю, что вообще нам на Западе, когда речь заходит о богатстве и перераспределении богатства, следует прежде разобраться с самими собой.

Другое замечание. Если предвосхищать худшее, вы рискуете худшее и

Хуанг Руи (Huang Rui). Чёрно-белый китайский пейзаж. 1990

получить. Ровно так и с хорошим. В школе ЮНЕСКО в Северной Норвегии был проект, который назывался «Весело быть хорошим». Проект опробовали в школе, в которой были очень недовольны тем, что мальчики мешают обучению, и решили использовать только положительную обратную связь. Поэтому, когда девочки клали свои книги на стол, им говорили: «Хорошо, пусть тогда начнет Сири или Кари». Мало-помалу девочки стали чувствовать поощрение, а мальчики, если они хотят, чтобы их услышали, должны соблюдать какие-то правила. Если наладить такую положительную обратную связь на международной политической арене, станет очевидным: когда Китай делает что-то хорошее, мы должны похвалить его за это и учиться на его опыте. А нам, бесконечно толкующим о свободе слова и свободе журналистики, словно бы нет дела до Ассанжа, который сидит в тюрьме в Великобритании в очень плохих условиях после того, как он раскрыл военные преступления США.

И мой вопрос, точнее, просьба: давайте поговорим о невыразимом — о войне с Китаем. Что вам известно о большом докладе стратегического аналитического центра RAND, который называется «Война с Китаем»?

Вопрос: Говоря о большом конфликте между Западом и Востоком, точнее, между Западом и Китаем, люди предвидят, что он может привести к военным конфликтам или нарушению цепочек поставок из-за столкновений в бизнесе. При этом слишком мало, на мой взгляд, говорят об идеологической борьбе между Западом и Китаем. Запад в целом делает многое, чтобы завоевать расположение людей, показать, что пребывание на Западе имеет некоторые преимущества. Это в основном объясняет, почему Запад имеет положительную миграцию и все больше людей демонстрируют приверженность некоторым западным ценностям. Чего, вероятно, не происходит с китайской стороны. Есть ли попытки или инициативы с китайской стороны,

направленные на то, чтобы через какие-то мягкие силы, образовательные, лидерские инициативы привлечь людей с Запада к признанию озвученных Китаем ценностей?

Вопрос: Мой вопрос об отношениях России и Китая. Как вы считаете, кто за кем следует?

Катя (Гамбург): Вопрос о «кошачьей» политике Тайваня и о женщине премьер-министре, которая, очевидно, хорошо справляется со своей работой, причем очень по-европейски. А как быть маленьким соседом большого и могущественного государства, которым невозможно управлять и которое может попытаться захватить маленькую страну? Поступать «по-кошачьи», видя в этом особый способ ведения политики?

Марк Ланген: К вопросу о перераспределении богатства. Да, это очень сильная сторона политики Си Цзиньпина. Дело в том, что после реформ 1980-х годов разница между богатыми и бедными в Китае заметно увеличилась. Однако проблема заключается в методах. Мы не раз наблюдали случаи, когда глав компаний брали под стражу либо они надолго исчезали, как было с тем же Джеком Ма. Это вызывает не только опасения других бизнесменов — смогу ли я продолжать работать, как прежде? — но и сдерживает поступления иностранных инвестиций, которые по-прежнему необходимы стране. Объем торговых отношений между Китаем и Соединенными Штатами только в прошлом году превысил 575 миллиардов. Свести их на нет, не вызвав при этом серьезного глобального экономического потрясения, невозможно. Но беда заключается в методах воздействия на бизнесменов.

О докладе RAND и исследованиях Центра проблем войны и мира. Да, легко сказать, что час икс неизбежен, что неизбежна война с Китаем, поскольку Китай и Запад слишком разные. Но что и как будет происходить в будущем, во многом зависит от того, смогут ли стороны выработать баланс сил, принять статус и особенности друг друга. Да,

Объем торговых отношений между Китаем и США только в прошлом году превысил 575 миллиардов

ситуация за последние пять лет определенно стала сложнее, но она еще не критичная. Однако меня беспокоит то, что, особенно в связи с приближающимися выборами в США, Китай постоянно используется в качестве груши для битья, иногда без должной аргументации и достоверных фактов. Если так будет продолжаться и впредь, шансов на достижение баланса станет еще меньше.

Вопрос о мягкой силе интересен тем, что Китай действительно пытался использовать всевозможные методы, включая институты Конфуция, различные зарубежные программы, для продвижения китайской культуры. Китайское аниме (анимационные фильмы), кстати, становится очень популярным в Азии. Таким образом здесь пытаются противостоять неизменно негативному, на взгляд китайцев, мнению Запада о стране в целом. Проблема китайской мягкой силы в том, что она, как правило, направлена и действует сверху вниз, идет от правительства, в то время как во многих других странах мягкая сила обычно направлена снизу вверх. Поэтому, если в Китае не будет создано

более открытое и мощное творческое пространство, позволяющее услышать различные мнения о стране, — так мы снова возвращаемся к вопросу о демократии и гражданском обществе — ситуация не изменится.

Проблема китайской мягкой силы в том, что она направлена сверху вниз, идет от правительства, в то время как во многих других странах мягкая сила обычно направлена снизу вверх

Россия и Китай... Западная пресса часто пишет, что Россия и Китай очень близки, что они активно общаются, что у них одинаковые взгляды на международный порядок. Но, поработав в Китае и пообщавшись со студентами и исследователями России, я не готов с этим согласиться. Прежде всего Китай склонен рассматривать Россию как державу, находящуюся в упадке, и вопрос только в том, когда Россия ослабнет окончательно. К тому же в стране сохранились плохие воспоминания о конфликте с Советским Союзом, это тоже сдерживает сближение. А тут еще и тема Украины. Китай объявил о нейтралитете, когда Россия вторглась в Украину: Пекин пытался, опять же, найти баланс между пониманием

специфических проблем России и ясным осознанием того, что Запад тоже важен для китайской внешней политики. Балансировать между этими игроками, как раньше, не заплатив за это значительную цену, будет чем дальше, тем труднее.

И, наконец, о «кошачьей политике». Что ж, любой политик, с симпатией относящийся к кошкам, заведомо мой любимец. И такая политика снова возвращает нас к Тайваню. Он не может напрямую конкурировать с Китаем, у него нет для этого ни финансов, ни дипломатического влияния. Его сейчас признают только 12 стран, и это число сокращается. Поэтому Тайвань должен использовать то, что у него есть. Он очень хорошо использует свою мягкую силу, свой опыт. Во время ковида он явил собой образец того, что и как нужно делать. Он был организованным, очень методичным, он отслеживал контакты, создавал системы, которые другие страны пожелали скопировать ради собственного же блага. Это получило, к неудовольствию Китая, широкую огласку и высокую оценку. Вот вам и урок, который нелишне усвоить: у малых государств есть определенные преимущества в создании мягкой силы, в создании собственных норм независимо или даже вопреки представлению крупных держав. Так что, думаю, «кошачью дипломатию» малым странам стоит взять на вооружение.

В отличие от Советского Союза, где были сдержки и противовесы между силовыми структурами и компартией, в современной России власть оказалась полностью в руках силовых структур.

Приглашаем читателя к размышлению о том, почему это произошло. Что гражданское общество делало неправильно? Когда и в результате чего были совершены ошибки?

Подъем и упадок современной России*

*Михаил Фишман,
журналист,
телеведущий*

В последнее время мы часто говорим про шарнир истории, который привел нас в итоге туда, где мы оказались, — а это, конечно, точка катастрофы, которую мы осознаем. Как так получилось, когда и где мы повернули не туда и почему это произошло?

В моем представлении история устроена не одномерным образом: есть исторические моменты, когда действительно крутятся большие исторические силы и на самом деле есть некоторая предопределенность и заданность и нет точных готовых ответов, которые могут себе дать лидеры или элиты в этот момент. Есть точки такого невозможного выбора. А есть просто ошибки. То есть можно было просто кого-то не назначать, какое-то решение не принимать, а принять другое — и это тоже очень сильно повлияло бы на нашу жизнь. Российская история устроена и так тоже, к сожалению, и потому страна не стала полноценной демократией, где правительство находилось бы под контролем общества.

Сейчас уже больше двух лет идет страшная война. И мы все так или иначе, конечно, пытаемся соотнести себя с этой войной: кто мы в ней? каково в ней наше место? Разговор о вине и ответственности идет с первых дней войны — и, конечно, абсолютно оправданно. Это то, над чем мы думаем все время: какова наша ответственность?

* Выступление на семинаре Школы в Риге 31 марта 2024 г.

Я не люблю слово «наша», и те соображения, которые хочу изложить, ни в коем случае не являются морализаторскими. Это, скорее, политологическое обобщение моего собственного опыта — меня, во-первых, как российского гражданина и, во-вторых, как человека, который потом изучал и как-то проходил этот путь уже постфактум. А постфактум проще увидеть то, чего не было видно раньше.

Назову несколько точек, про которые мы говорим мало до сих пор, хотя, конечно, мы все обсуждаем 1993, 1996, 1999 годы. Некоторые повороты, мне кажется, остаются не до конца отмеченными, и я для себя пытаюсь их снова проживать. При этом в первую очередь я ишу для

Это политологическое обобщение моего собственного опыта – как российского гражданина, который потом изучал и проходил этот путь

себя ответы на вопросы: где я оказался несостоятелен? где я пропустил что-то важное как представитель некоего сообщества? Ведь то, что я это пропустил, в результате тоже легло в копилку нашего общего проигрыша. Вот о чем хочется поговорить.

Я говорю в перспективе своего журналистского опыта, опыта включенного наблюдателя, то есть от имени некоей части гражданского общества, если угодно.

Начну с 1991 года, когда появилась новая, ельцинская Россия.

Вот сейчас только что прошли так называемые «президентские выборы», когда Путин переназначил себя на очередной срок 87 процентами голосов. Но исторически эта власть себя возводит все равно к тем выборам 1991 года, когда у страны появился президент, облеченный доверием народа лидер, который ведет страну вперед. Если Путина спросить сегодня, он и сегодня это скажет: «Я облеченный доверием народа лидер, который ведет страну вперед».

Первым эти слова сказал Ельцин в июне 1991 года, когда были первые президентские выборы в России. И это был действительно исторический поворот и историческая веха, которые воспринимались тогда как пере-

Это были первые выборы, на которых народ выбрал главу государства, – такого в России никогда не было

ломный момент истории. Тогда шарнир истории крутился очень быстро, и все так или иначе носило исторический характер. Выборы 1991 года воспринимались тогда как победа будущей, хотя еще не состоявшейся российской демократии. Это были

первые выборы, на которых народ выбрал главу государства, — такого в России просто никогда не было, и вот оно случилось. Это было впервые, и все остальное было впервые: и слова о примате прав человека, и уверенность в том, что Россия будет цивилизованным государством. И все, включая Ельцина, понимали установление президентства в России как огромный шаг вперед. Но две вещи остались тогда за кадром. Одна казалась почти неважной, а вторую мы просто не заметили, я думаю.

Почти неважным казалось то, что результат этих выборов был предрешен с самого начала: можно было разговаривать о том, в каком туре выиграет Ельцин эти выборы, но о том, что он их проиграет, речи не шло. То есть никакой реальной состязательности в этих выборах не было. А демократия ведь состоит не только из воли народа, утвержденной голосованием, но и состязательности политического процесса — ее же в тот момент, повторю еще раз, не было. Было ясно, что Ельцин выиграет, потому что он народный лидер, которому доверяет огромная часть населения. И Ельцин это понимал, когда вводил в жизнь институт президентства. Это очень важный момент. Не было конкуренции, победитель был известен заранее. Это первое.

*И сегодня мы видим,
куда это президентство
нас завело*

А второе заключается в том, что — и это, может быть, даже более важно — Ельцин шел на выборы под лозунгом: «Нам нужна сильная власть». Звучало это очень убедительно и было принято большинством народа. В этом был смысл происходящего: считалось принципиально важным, что у России будет сильная власть.

На тех выборах Ельцин боролся не с Николаем Рыжковым, который был его формальным противником, а с Горбачевым, который назначил себя президентом СССР через Верховный Совет и, таким образом, не был избран народом, а был назначенным президентом. Кроме того, Горбачев считался слабым лидером Советского Союза. И Ельцин именно на этом противостоянии со слабой и нелегитимной (потому что она не избрана) властью шел к своей собственной легитимации. И это тоже всех устраивало.

Процитирую самого Ельцина, который в своих мемуарах говорит как раз применительно к тем выборам: «Главный парадокс России заключался в том, что ее государственная система давно брела сама собой, по большому счету ею никто не управлял. По-настоящему властного лидера в России давно уже не было». Это Ельцин пишет в мемуарах, но на самом деле именно так это воспринималось в 1991 году: хорошо, что теперь у России есть облеченный народным доверием сильный лидер, один.

И сегодня мы видим, куда это президентство нас завело. Я не буду рассуждать о том, как надо строить некую будущую Россию, как в ней должны быть устроены властные институты и как организована демократия, но похоже, что идея сильной власти и президентства себя как минимум не очень оправдала, — это из сегодняшнего дня кажется уже очевидным. И, если я правильно понимаю, большинство оппозиционных демократических лидеров, включая погибшего Навального, соглашались с тем, что России нужна в перспективе парламентская демократия, а не президентская. Это, надо сказать, соответствует некоему мировому движению вперед. В Нидерландах, где я сейчас живу, победу

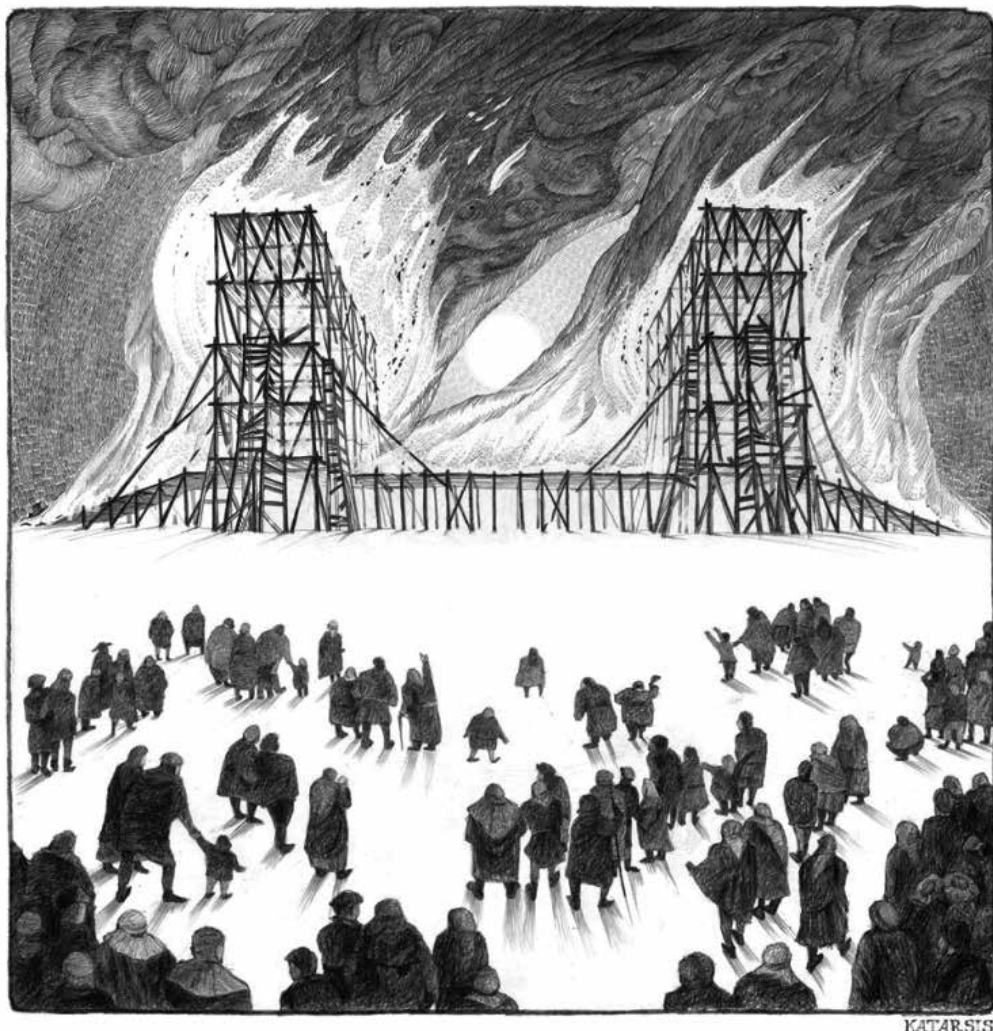
на недавних парламентских выборах одержал ультраправый политик, но это не является катастрофой: при парламентской демократии тебе приходится выстраивать какие-то коалиции, с кем-то договариваться. А сейчас мы ждем выборов в Соединенных Штатах, где система президентская и где, соответственно, победитель получает все и не обязан ни с кем договариваться. Это принципиально другая ситуация.

Мы на собственном опыте прошли через эту развилку и про это мало думаем, так как согласились: нам нужен сильный лидер, лидер должен быть сильным. А почему он должен быть сильным? Может быть, он не должен быть сильным? Может быть, он должен быть слабым? Может быть, должны быть переговоры, система коалиций и какое-то соотношение интересов в обществе, а не один человек — сильный лидер, которому мы доверили власть?

Возможно, в том числе и здесь была ошибка, которую, конечно, мы тогда не осознавали. Повторю, что это сегодня нам становится понятно, но, если глядеть из 1991 года, к таким выводам прийти было просто невозможно. Политическая ситуация той совершенно волшебной трансформации России, той демократической революции, которую мы все переживали, — она, конечно, не ставила таких вопросов. Мы исходили из того, что демократия будет на следующем шаге, если этого хотеть, если к этому стремиться и если будет лидер, который облечен народным доверием.

Осенью 1991 года, уже после путча, Ельцин не просто назначает новое правительство, где Гайдар становится первым вице-премьером (формирование этого правительства тоже абсолютно исторический момент), но и решает для себя вопрос, что надо делать дальше. Дальше надо проводить реформы или политические преобразования в стране? Нужна новая Конституция, или нужны рыночные реформы? Нужны выборы по всей стране, или нам нужно сводить в бюджете концы с концами и проводить ответственную финансовую политику? И он делает выбор в пользу второго. За этот выбор он потом покался. Он сказал: это была моя ошибка — конечно, я должен был тогда уже, осенью 1991 года, после путча, думать над политическими преобразованиями в стране, а я отдал предпочтение реформам.

Чтобы проводить реформы, нужна сильная власть. Вот у нас есть лидер, и он поведет нас вперед, в светлое будущее. Реформы народу не понравятся, поэтому мы сейчас народ из этой дискуссии убираем временно — на год, на два, — пока мы проводим самые острые преобразования в стране, а потом уже будут выборы губернаторов и так далее, все будет как во всех цивилизованных странах. Такая была логика осенью 1991 года. Ну какие выборы, когда такие огромные задачи, страна находится на грани голода, нужно ее вытаскивать из этого состояния — сейчас не до выборов. Понятно, что одно и другое вместе тяжело; понятно, что в этом случае надо выбирать экономику. Так родилась концепция

KATARSIS

Николай Полисский. Концепция арт-объекта для Масленицы в Никола-Ленивце. 2020

сильной власти, которая прикрывает собой правительство; правительство опирается на власть, а не на общество; все демократические лидеры у нас в стране с тех пор зависели от решений президентов и за них держались — именно эти решения были их опорными точками, а не авторитет в обществе. Это была тяжелая ситуация, которая заставила Ельцина постепенно одного за другим сдавать всех членов своего либерального реформаторского правительства и постепенно от всего этого отказываться.

Вот цитата из статьи публициста Александра Гельмана, напечатанной в «Московских новостях» осенью 1991 года, когда Ельцин берет на себя дополнительные чрезвычайные полномочия на период проведения реформ: «Совместимы или несовместимы демократия и сильная власть, но не где-нибудь, не вообще, а конкретно, сейчас, здесь, в России, в

сегодняшней политической, экономической, психологической обстановке? Я отвечаю на этот вопрос так. Слабая власть нашу демократию, точнее, нашу возможность демократии погубит безусловно, наверняка, вне всякого сомнения. Сильная власть хотя и может вывернуться наизнанку и тоже привести к диктатуре, тем не менее она не лишает надежды, что, пройдя через период умеренного авторитаризма, выведет общество на твердую демократическую почву».

*Так родилась концепция
сильной власти,
которая прикрывает
собой правительство;
правительство опирается
на власть, а не на общество*

Вот подход либеральной интеллигенции или, если угодно, гражданского общества осенью 1991 года к тем перспективам, которые в этот момент открываются.

Понятно, что период умеренного авторитаризма, про который говорит Гельман, — те год-два, пока будут проходить реформы. Потом наступит демократия, появятся выборы, партии, Конституция и

все, что нам нужно для того, чтобы стать настоящей цивилизованной страной, а сейчас нужно пройти через эту точку. Но тезис тот самый: нам нужна сильная власть, а не слабая. И в этом, кажется, есть наше общее заблуждение, с которым мы начали этот путь, с которым, возможно, ничего нельзя поделать: это некая историческая предопределенность, перед которой мы стояли. Но хорошо бы, чтобы мы сегодня это осознавали. По крайней мере, я пытаюсь думать и в этом направлении.

*Вся эта логика рождается
в огне демократической
революции, ее завершающего
этапа осени 1991 года —
без какого-либо злого умысла*

Это первая важнейшая точка, из которой очень много чего выходит. Оказывается, есть сильная власть — это она проводит реформы, это она решает, что хорошо, что плохо, это она способна так или иначе благодетельствовать народ, это она борется с популизмом, то есть с лидерами, которые выступа-

ют от имени народа и как бы пытаются представлять их интересы, с помощью введения цензуры: «Нет, это мы сейчас не будем обсуждать. Это все популизм». Вся эта логика рождается в огне демократической революции, ее завершающего этапа осени 1991 года — абсолютно без какого-либо злого умысла. И совершенно очевидно, что Ельцин хочет в этот момент строить нормальную цивилизованную демократическую страну. Он стоит перед таким выбором и отвечает на него так. И вместе с ним так же отвечают на этот вопрос и элиты, и журналисты, и ведущие силы общества.

Вторая точка более понятна, более проговорена, но про нее тоже важно сказать. Это не ситуация 1993 года, когда в России фактически шла гражданская война. Я не уверен, что мне есть в чем упрекнуть себя как представителя гражданского общества за то, что Ельцин себе после

событий 1993 года забирает лишние полномочия в Конституции. Это отдельный разговор, который находится не в этой логике, как мне представляется. Но вот разговор о 1996 годе и о выборах 1996 года находится в этой логике. И здесь мне уже есть что себе предъявить — точно так же, как и в 1991 году, когда я, наверное, вместе с Гельманом предположил бы, что нам, конечно, нужна сильная власть. В 1996 же году в выборах я не принимал еще активного участия как журналист, но тем не менее...

О выборах 1996 года заявлялось, что они были сфальсифицированы. Это было заявлено с самых высоких трибун, на этом настаивает Навальный. Это, видимо, не так: выборы 1996 года не были впрямую сфальсифицированы, то есть были локальные фальсификации в национальных республиках и в отдельных регионах, которые не повлияли принципиально на результат, — здесь Навальный ошибается. Дело не в фальсификациях в 1996 году. Фальсификации, которые определяют результаты выборов, станут российской реальностью позже, но не в этот момент. А что произошло в этот момент (и это действительно поворотная точка) — это что в выборы вмешалось государство. Впервые, раньше такого не было. В 1990 году тем более: то был период вообще огромной, невероятной свободы. Россия никогда не жила в состоянии такой свободы, как с 1989-го по 1993-й, — это самый длинный период свободы в России.

И выборы в парламент 1995 года были тоже свободными, государство в них не принимало участия как агент: наблюдало за ними, но не влияло на них. И победили коммунисты. Страна встала перед выбором: а что дальше? Опять-таки вопрос ставится таким образом: у нас потом что будет — вернется коммунизм? Сегодня, конечно, легко судить об этом, когда столько воды утекло. Но если смотреть из того дня, то это, конечно, не такой очевидный выбор: что делать? как вообще себя вести? что нас ждет дальше? Потому что еще не развеялся «дым 1993 года», настоящей гражданской войны в России, попытки переворота. Что будет, если коммунисты придут к власти? Этот страх был абсолютно реален и разделялся не только элитой, но и демократической общественностью в широком смысле (и в том числе мною).

Тогда было очевидно: нельзя допустить возвращения коммунистов. Это была такая точка, в которой тогда многие были согласны. Притом что на этих выборах должен был решиться вопрос: будет ли у нас демократия или коммунизм? То есть выбора-то у нас нет: мы не можем допустить возвращения коммунистов, а тогда, соответственно, это не очень-то и выборы. И тогда не очень понятно, о какой демократии мы говорим, которая должна победить на этих выборах? Здесь заключен некий парадокс. И уже в угоду этим выборам на самом деле происходят

О выборах 1996 года заявлялось, что они были сфальсифицированы. Это не так. А что произошло в этот момент – в выборы вмешалось государство

отклонения от того прозападного демократического курса, на который Ельцин ориентировался перед этим.

Например, перед выборами произошла замена министра иностранных дел: Козырева поменяли на Примакова. Конечно, таким образом Ельцин пытался договариваться с уже побеждающей фрустрацией в обществе и сдавал свои собственные козыри, как бы избавляясь от балласта.

То есть что это за власть будет потом, если она уже сейчас начинает сдавать свои принципиальные позиции, на которых стояла до?

Это тоже важный момент тех выборов.

Но в чем, собственно, проблема (возвращаясь к нашей, моей ответственности в той ситуации)? Мы согласились с тем, что государство вмешивается в выборы. Дело не в том, что мы были за Ельцина, — это не проблема, и не в том, что мы боялись Зюганова, — это нормально: ведь действительно непонятно, что будет дальше. Но что делать в ситуации,

Что делать в ситуации, когда мы видим, что государство начинает вмешиваться в выборы, подыгрывать кандидату?

когда мы видим, что государство начинает вмешиваться в выборы, начинает подыгрывать кандидату?

Мы как общественность должны были об этом говорить.

Мы как пресса должны были встать единым строем и сказать: тут происходит что-

то не то. Государство не имеет права вмешиваться в выборы. Оно не должно распределять бюджет, думая о том, как это поможет кандидату на выборах. Оно не должно раздавать подачки и подарки. Мы бы задумались о залоговых аукционах, которые тогда проходили, и говорили бы об этом, но мы этого не делали. И это, конечно, некая общая вина, беда и проблема российской прессы, которая появилась именно тогда. Считалось, что это нормально — что мы можем себе позволить использование административного ресурса.

Цитирую помощников президента, которые написали потом книгу про Ельцина: «Да, Ельцин активно использовал свой административный ресурс. Но на что? На восстановление образа энергичного президента, продвигающего преобразования в России, а не главного должностного лица, “нагибающего” всех остальных начальников». Это считалось тогда и даже постфактум нормальным в той ситуации острого противостояния и реальной опасности возвращения коммунизма. Это, конечно, была ошибка. Слово «ошибка», может быть, не совсем правильное, но по факту мы видели, как вся пресса объединилась вокруг Ельцина, а большая ее часть еще и соединила приятное с полезным и стала зарабатывать очень много денег, одновременно борясь с возвращением коммунистов. Возникла ситуация моральной коррупции, которая сыграла тяжелейшую роль в перспективе и, по сути, дала в руки будущей диктатуре большие козыри, что мы и увидели на выборах 1999 года и затем на всех следующих.

То есть мы согласились в 1996 году с тем (если смотреть еще чуть шире), что на общество можно влиять с помощью выборов, манипулировать им, заставлять его соглашаться с заранее заданным результатом, что это нормально. Но это хуже, чем преступление, если угодно. В этом главная беда выборов 1996 года.

И теперь мы видим, как предприятия просто водят людей на выборы в пятницу с утра. А тогда не только российское общество поддалось названным технологиям и административному ресурсу и как бы согласилось с тем, что его используют, но и более узкий сегмент российской прессы, элит и демократической общественности с этим согласился и решил, что это нормально. И плоды этого отчасти мы пожинаем сегодня.

*Именно оттуда, из 1996 года,
растут ноги выборов
1999–2000 годов с их
чудовищной PR-кампанией*

Именно оттуда, из 1996 года, растут ноги выборов 1999–2000 годов с их чудовищной PR-кампанией и, главное, тем фактом, что преемник Ельцина, который стал как бы легитимным президентом в 2000 году, стал им в том числе и благодаря прессе. Не известный никому руководитель ФСБ становится президентом России в течение нескольких месяцев и самой популярной фигурой в России благодаря прессе и позиции телевидения.

Мы сегодня уже больше говорим об этом, но тем не менее важно это отметить.

Соответственно, следующая точка — 1999 год. Это я очень хорошо помню лично по себе, потому что уже работал журналистом, и, кроме того, помню, что я думал тогда.

Я так смотрел на эту ситуацию: Путин — это не мой герой, и я не буду за него голосовать (и не голосовал за него никогда), но, может быть, в этом что-то есть? Какой-то путь к нормальности?

Я описываю ситуацию, условно, августа 1999 года, когда Ельцин объявляет Путина своим преемником.

Логика моих размышлений была такая: вот у нас был такой порывистый лидер, вполне авторитарный, но при этом стремящийся нас куда-то привести, — не получилось, все это с такими буераками. А тут приходит какой-то более обычный, нормальный человек — может быть, это даже неплохо? Конечно, могли бы быть варианты и получше, кто спорит. Если бы был Немцов, то было бы замечательно, но где Немцов? У нас есть то, что есть. Может быть, Путин — это и неплохо? По крайней мере, я не буду вставать в один ряд с теми, кто говорит: «Он кагебешник, поэтому мы не имеем права в принципе даже рассуждать об этом!»

Я думал: «Сейчас не так важно, кагебешник или не кагебешник». Дискуссия «кагебешник — не кагебешник» тогда шла активно, и в ней я занял вот такую позицию — и был даже, может быть, и прав.

Но я оказался принципиально не прав в другом. Дискуссия развивалась по такой линии: «Новая власть — это у нас КГБ или не КГБ?» А должна она была строиться в другой логике: «Новая власть — она политическая или нет? Президент Путин — он политик или не политик? Он политическая фигура или нет?» Вот про это мы тогда очень мало разговаривали и мало это обсуждали.

Президент Путин — он политик или не политик? Вот про это мы тогда очень мало разговаривали и мало это обсуждали

Сегодня я увидел, что Мария Певчих разместила у себя в твиттере кусочек дискуссии того же лета 1999 года. Там сидят журналисты Артем

Боровик, Виктор Лошак и кто-то еще — неважно — и обсуждают, будет ли Путин президентом, они не верят в это. «Что его отличает от Степашина: у Степашина есть политическое лицо, он прошел через выборы 1990 года, он прошел какой-то путь, как и другие демократические политики — демократические в том смысле, что они все были частью этого демо-

кратического процесса, через который шла Россия [Степашина тогда только что уволили и на его место поставили Путина]. А Путин просто назначенец, чиновник. Он никогда ни в каких выборах не участвовал», — говорит Виктор Лошак, и говорит справедливую, очень важную вещь, которую, как мне представляется, мы тогда на самом деле не успели до конца обсудить и понять. То есть голос Лошака, грубо говоря, остался неслышанным. А это принципиально важно. Потому что Путин становится президентом благодаря поддержке медиа и войне — вот мотор, который его ведет к позиции главы государства и владельца России. И принципиальная проблема — что он не является политической фигурой.

И это очень существенно, потому что одно из преимуществ демократии заключается в том, что она позволяет тебе понять, кто перед тобой находится. Если есть выборы, есть дебаты, есть дискуссия, есть какое-то пространство политического разговора, то мы понимаем, кто есть кто. Вопрос Давоса-2000: «Who is Mr. Putin?» — прозвучал, конечно, неслучайно, так как Путин никогда никому не был обязан отвечать на этот вопрос.

Есть еще один важнейший момент, который мы тогда не поняли, а вот теперь он становится понятен — именно теперь, сегодня, когда идет эта страшная война. Дело не только в том, что мы не понимаем, кто такой Путин и что он собой представляет, но и в том, что он не понимает, кто такие мы. Это в две стороны работающая механика. Путин, поскольку он не политик, а клерк, никогда не разговаривал с людьми, никогда не было людей в его политической жизни. С 1999 года для него люди — это некая проекция на экране тех самых медиа, которые работают на него. Это пропагандистская картина, с которой он имеет дело с самого начала своего президентства, своего лидерства, вот уже скоро

25 лет. Живых людей в этой картине мира нет. Это не просто абсолютно искаженная реальность — это картонные образы, с которыми он как бы ведет диалог. И с самого начала, с 1999 года, он смотрит на людей не как политический лидер, который должен учитывать их интересы и вести с ними диалог, а как бюрократ, для которого это просто цифры, докладные записки, статистика, которую ему дают ведомства. Вот его отношение к людям! Это абсолютно дегуманизирующая логика, ведущая к тому, что человек превращается в ничто. И мы увидели этот процесс очень скоро и видим его сегодня.

Человек исчезает в этой пропагандистской картине: Путин из своего «мерседеса» не видит его вообще. И тогда дальше с этим человеком можно делать все что угодно.

Опять-таки я говорю о том, чего мы не понимали тогда и начинаем понимать сегодня.

Большая часть российской элиты, российского общества, российской прессы закрыла глаза на вторую войну в Чечне. Это факт, который был признан потом, это не новость. Но тем не менее сегодня про это мы не можем не говорить. Потому что мы спокойно прошли точку, тоже являющуюся чрезвычайно важной.

В чем, с моей точки зрения, разница между первой войной в Чечне и второй войной в Чечне? Обе они кровавые, а может быть, первая даже более кровавая. Александр Черкасов из «Мемориала» вообще проводит прямую линию от первой войны в Чечне к войне с Украиной сегодня. Но я несколько иначе смотрю на это, потому что вижу разницу между первой войной и второй войной в Чечне.

Первая война: да, катастрофа, чудовищная ошибка, в ней есть имперский импульс, безусловно; она чрезвычайно жестокая и кровавая, но не потому, что такова политическая установка сверху — на жестокость и кровавость, а потому, что так устроена российская армия, скорее от беспомощности, нежели от некоего изначального стремления к насилию. По крайней мере, я так это вижу.

А вот вторая война в Чечне принципиально отличается от первой. Именно в этот момент — осенью 1999-го и дальше в течение острой фазы этой войны — рождается установка: «Любой нелояльный чеченец — это террорист». Этой установки не было в 1994 году, а в 1999-м она уже появляется. Именно тогда побеждает идея, что никаких переговоров не может быть в принципе никогда и ни за что. Именно тогда война превращается в карательную операцию, которую мы потом видим в Буче, Ирпене и продолжаем наблюдать сегодня.

Именно тогда звучат те мифы, которые сегодня являются краеугольными для войны Путина в Украине: миф «они на нас напали» и миф «они хотят, чтобы их освободили». Можно разбираться в том, что произошло

Дело не только в том, что мы не понимаем, кто такой Путин и что он собой представляет, но и в том, что он не понимает, кто такие мы

Диана Маркосян (Diana Markosian). Школа № 1, Беслан. 2014

в Дагестане в 1999 году, но мифы, которые были установлены тогда, повторяются Путиным и сегодня — две эти установки, которые для Путина являются сегодня центральными и ведут его к самой страшной войне в Европе со времен Второй мировой.

Проблема в том, что вторая война в Чечне была поддержана обществом, поддержана многими либеральными силами. Это тоже факт, который мы сегодня признаем и понимаем, и он не до конца изучен.

А вот вторая война в Чечне принципиально отличается от первой. Именно тогда побеждает идея, что никаких переговоров не может быть в принципе

Мы должны все-таки заставить себя ментально вернуться обратно и понять, почему мы закрыли глаза на то, что происходило в Чечне с 1999 по 2003 год, условно говоря. На самом деле та же ситуация повторилась с «Норд-Остом».

Беслан — это было уже другое: в тот момент, в 2004 году, сделать, по сути, было ничего нельзя и говорить было некому, потому что цензура в России была установлена уже

полностью. А на момент «Норд-Оста» полноценной, жесткой цензуры еще не было. Как раз по итогам «Норд-Оста» окончательно и сменили руководство НТВ. Были попытки парламентских расследований, но на самом деле это были, скорее, такие «спойлеры» парламентских расследований. По сути, и элита, и пресса, и общественность закрыли глаза

и на то, что происходило в Чечне во время второй войны, и на то, что происходило в «Норд-Осте» и почему это произошло. Забвение, в котором до сих пор находится «Норд-Ост», во многом следствие того, что мы закрыли глаза тогда. Про «Норд-Ост» с тех пор никто не говорил и не говорит. Для Москвы, где это произошло, «Норд-Ост» не стал структурообразующей точкой: «здесь в этот момент с нами произошло что-то страшное». Это результат того же забвения, которому предали и вторую чеченскую войну.

Вот это, собственно, те пункты, через которые нам надо сегодня проходить снова. По крайней мере, я пытаюсь это делать.

Авторитаризм устроен так, что он тебя делает соучастником помимо твоей воли: ты как бы ничего не можешь с этим поделать.

Я вот никогда не голосовал за Путина — и что? Это значит, что я не имею отношения к тому, что делала власть? Я мог бы так сказать, но, к сожалению, в демократии это, наверное, работает, а при авторитаризме — нет. Потому что тебя каждый раз ставят перед каким-то выбором и вопросами, на которые ты выбираешь какой-то ответ. И в зависимости от этого ответа постфактум оказывается, был ты причастен или нет. Такая неприятная система, к сожалению, создана авторитаризмом.

Какие я давал ответы на эти вопросы тогда и какое они могли оказать влияние на то, что происходило потом, — вот через эти точки я прохожу. Потом были и другие, безусловно. Например, ситуация, если угодно, моральной коррупции, в которой оказалась пресса в медведевские времена. Почему возникали всегда эти ссоры и споры с Навальным у российской прессы? Навальный обвинял ее в самоцензуре, а пресса говорила: «У нас профессиональные стандарты». Да, есть стандарты, но стандартами очень удобно прикрывать себя от таких тем, в которые ты не очень хочешь лезть. На самом деле российские журналисты сделали очень много с тех пор, совершили огромный прорыв. Это все правда, и мы сегодня всех их видим, они все на виду и на слуху — это замечательный журналистский цех.

Опять-таки я говорю в основном про себя, чтобы было понятнее. Когда я думаю о том, где моя ответственность и в чем мой вклад в чудовищную ситуацию, в которой мы оказались, я заставляю себя проходить через эти точки. Это всего лишь приглашение к дискуссии, наверняка есть и другие точки, про которые тоже можно говорить, но я для себя в основном отмечаю сейчас эти.

*Авторитаризм
устроен так, что
он тебя делает
соучастником
помимо твоей воли*

---

*Когда я думаю
о том, где моя
ответственность,
я заставляю себя
проходить через
эти точки*

Дискуссия: вопросы и ответы

Инна Берёзкина, координатор программ Школы: Я согласна с тем, что и политическая слепота, и политическая наивность, и политическое равнодушие имеют очень высокую цену. И чем дальше мы идем по этой дороге к авторитаризму, тем цена выше.

Это к твоему комментарию о том, как делался выбор в пользу сильной власти. Когда нам кажется, что мы уже прошли через многое и сформировалось какое-то демократическое сообщество, опять звучит этот голос: «Вот мы сейчас воспользуемся силой, а потом будем делать демократию». Мне кажется, что это очень важный красный флажок, на который всегда нужно обращать внимание.

Тая, режиссер: У меня вопрос больше про мотивацию. Как вам кажется, когда были Ельцин и Горбачев — это свидетельство мотивации власти? То есть в СССР власть было тяжело взять. А когда Россия — это больше про ценности или про силу и власть?

Ян Левченко: Вы говорили о выборах 1991 года как о выборах в России. Но мне представляется ключевым моментом то, что это были выборы в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике в составе Советского Союза. И только что прозвучавший вопрос Таи говорит о том, что должно происходить принципиальное разделение: это Горбачев настоял, чтобы 17 марта 1991 года состоялся Всесоюзный референдум о сохранении Советского Союза, ведь ему это было нужно, и все поддержали сохранение СССР, потому что ничего другого представить себе не могли. Как можно было

представить, что Советского Союза не будет, если ты никогда ничего больше не видел? И все, что происходило потом в виде президентских выборов в РСФСР в составе Советского Союза, в общем-то, цирк. Мне кажется, важно напомнить, что это были выборы не в России, России еще не было.

Сергей Подсытник: Я понимаю, откуда эта рефлексия. Третий год идет кровавая война, недавно убит Алексей Навальный. Но если посмотреть глобально, российская оппозиция с каждым годом становится все сильнее. Если мы посмотрим на сборы, на аудиторию — мы сейчас обладаем самым большим ресурсом за всю историю. Не кажется ли, что сейчас лучше потратить интеллектуальный ресурс скорее на стратегии планирования будущего, чем на такую очень понятную рефлексию? Мы были слабы против сильного врага. Обсуждать девяностые как минимум странно, потому что это было давно, до моего рождения. Имеет ли смысл тратить на это интеллектуальный ресурс?

Любовь Раковица (Украина): Мой вопрос перекликается с предыдущим. Спасибо, Михаил, за то, что вы рассказывали, потому что многое из этого прошло мимо меня, я помню, я в то время уже была. Но у нас были свои события — независимость, в августе 1991-го выборы, Черновол и так далее. Те процессы, которые происходили у вас, я видела только в новостях. То, что вы рассказывали, для меня важно, но мой вопрос о будущем — об окне возможностей для демократизации общества, которое может открыться, когда уйдет Путин. Какую роль медиа вы видите в этом процессе?

Аслан Гойсум. Из серии «Без названия (Война)». 2011

Михаил Фишман: Что касается Ельцина и Горбачева — конечно, это было в большой степени личное противостояние. Увы, но так сложилась история. И мне кажется, что Ельцин, к сожалению, так и не смог преодолеть личное противостояние Горбачеву. Потому что некая перспектива, устремления и цели, которые они выражали, разделялись не только ими. Да, Горбачев пытался сохранить Союз, настаивал на возможности его реформации, а Ельцин его разрушал, исходя из идеи некоей нормальности России как страны, которая не должна быть советской империей.

И это уже к комментарию о том, что это была не Россия, а РСФСР. Безусловно, так. Собственно, Россия в этом смысле с самого начала была в тяжелом и двусмысленном положении. Все-таки Декларация о суверенитете уже год как была принята к моменту выборов, и там звучало именно слово «суверенитет», а не «независимость». А «суверенитет» — это слово амбивалентное. Согласились, это все, безусловно, так.

Речь шла о России в составе Советского Союза — это тоже так. Но это все-таки обусловлено тем крайне тяжелым и двойственным положением, которое Россия занимала внутри советского пространства. Украине на вопрос, кто

От кого должна была отделяться Россия? От Советского Союза. Но это очень сложная концепция — гораздо более сложная, чем отделение Украины от Советского Союза

она, Советский Союз или Украина, ответить было изначально гораздо проще: конечно, Украина, а не Советский Союз! России на этот вопрос отвечать было гораздо труднее, у нее путь был гораздо более амбивалентный. От кого должна была отделяться Россия? От Советского Союза. Но это очень сложная концепция — гораздо более сложная, чем отделение Украины от Советского Союза.

Елена Лукьянова: Из всех деклараций о независимости, которые в тот момент республики провозгласили, самая слабая была российская...

Михаил Фишман: Понятно почему. На это есть понятный ответ. Логика этого ясна.

Что касается вопроса о том, надо ли тратить силы на рефлексию. Мне кажется, он перекликается с вопросом о том, что нам делать, когда уйдет Путин. Почему сейчас нужно разговаривать о

По-моему, очень важно думать о том, когда и в чем мы ошиблись, чтобы не повторять ошибок

том, что мы могли пропустить и на что нужно обратить внимание, вместо того чтобы планировать будущее?

По-моему, очень важно думать о том, когда и в чем мы ошиблись, как раз чтобы не повторять ошибок. Разговор об этом очень полезен в принципе.

Я не посыпаю себе голову пеплом. Я журналист и работал честно всю жизнь. Но оказалось, что честной работы недостаточно. Давайте посмотрим на то, мимо чего мы прошли, закрыв глаза. Мне кажется, это не менее важный разговор, чем разговор о том, кого и как мы рассадим и как будем жить после. Более того, в каком-то смысле этот разговор вести проще, потому что планировать будущее очень трудно.

Я пока вообще не вижу, чтобы кто-то представил нам картину будущего — положил ее перед нами и сказал: вот оно, наше будущее, смотрите, оно вот такое! Это, конечно, результат той катастрофы, в которой мы находимся. И по отношению к роли медиа после ухода Путина я бы не стал завышать

планку, надо оставаться реалистами. И поспорил бы с утверждением о том, что никогда оппозиция в России не была такой сильной, как сегодня, — это все-таки большое преувеличение, по-моему. Но тем не менее возможности у российского независимого поля, скажем так, есть, и мы их увидели. Мы увидели очереди голосовавших за Бориса Надеждина — они бы не появились просто так. В России есть спрос на антивоенного кандидата.

Социологи ExtremeScan, Елена Конева проводят регулярные опросы. Согласно их опросу, проведенному перед президентскими выборами, 15 марта 2024 года, 25% тех, кто собирался прийти на выборы, знали про акцию «Полдень против Путина», то есть каждый четвертый. Даже если предположить, что здесь есть преувеличение и искажение в результате того, кто как отвечал на вопросы, даже с учетом того, насколько мало можно сейчас доверять опросам в России, — это огромная цифра. Откуда люди узнали про «Полдень против Путина»? От нас узнали.

Но все-таки не надо преувеличивать наши возможности, нужно смотреть адекватно и реалистично. И роль медиа, когда уйдет Путин, заключается не только в том, чтобы рассказывать об этом, это как раз очень просто и понятно. Проблемы будут другие. А мы-то ясно что будем делать: обсуждать то, что было раньше, и то, что будет после.

Елена Лукьянова: Я неплохо знала Бориса Николаевича Ельцина лично, мы жили на одной даче года три. И, естественно, знала всю эту ситуацию вокруг развала Союза, президентских выборов... Я была уже в сознательном возрасте, я была профессором МГУ в это время. Так вот, противостояние

было не Горбачев — Ельцин, а Ельцин против Горбачева. Горбачев в этом противостоянии не участвовал. Горбачев также не был сторонником сохранения Союза — это самое удивительное. Горбачев во время новоогаревских переговоров все время «плыл». У него не было позиции по сохранению Союза, он-то хотел как раз конфедерацию. И именно это стало причиной августовского путча — две концепции, которые были: сохранить Союз как федерацию и сохранить Союз как конфедерацию... В общем, это и привело к уничтожению империи.

Михаил Фишман: Это очень интересный разговор, и интересно то, что вы рассказываете, но это выходит за рамки обсуждаемой сейчас темы.

Я просто хочу напомнить. Когда я писал книгу про Немцова, я наткнулся на очень живую сцену, когда Немцов, еще не понимая, что за решения приняты в Москве, в качестве губернатора Нижнего Новгорода выходит на телевидение и говорит: слушайте, ну хорошо, Зюганов выиграет — окей. Ну давайте сейчас пойдем, как мы с этим будем жить дальше, что мы будем делать. Ведь катастрофы не будет: независимая пресса у нас будет все равно, то-то и то-то у нас будет, и мы как-то справимся. Так или иначе, надо видеть врага в лицо и понимать, что делать!

И Немцов был практически уничтожен после этого комментария: так думать, как он, оказалось невозможно. Существовал как бы заговор вокруг тех выборов: нельзя даже обсуждать возможность победы Зюганова.

Полина Евстафьева: У меня вопрос больше о той части россиян, которые живут в России. Что еще мы можем сделать как журналисты, чтобы к ним

пришло понимание, что делает режим? И как их подготовить к смене власти, которая неизбежна?

Горбачев не был сторонником сохранения Союза — это самое удивительное. Он-то хотел как раз конфедерацию.

Кирилл Немакин, проект «Метла»: Как вы считаете, сможем ли условные «мы», условное «гражданское общество», вовремя понять тот момент, когда станем совершать те же ошибки, которые были сделаны в 1993–1996 гг.? Только тогда они совершались под лозунгом «что угодно, кроме коммунизма», а тут будет «что угодно, кроме ньюпутинизма», назовем это так.

И второй вопрос. Какая власть нужна — сильная или слабая, — чтобы гражданам России объяснить, что им нужно вернуть Крым, выплачивать репарации?

Андрей, журналист-фрилансер (Испания): Вопрос не по теме. Я помню вашу колонку, как вы разбирали фейк про больницу в Газе, и помню цифры относительно ситуации в секторе Газы, которые не соответствуют действительности. Я видел эти цифры в одном из испанских изданий, которое написало, что 60% испанцев осуждают вторжение Израиля в Газу. Откуда взялись эти цифры, издание не говорит. Что не так с западными СМИ, и могут ли российские оппозиционные журналисты здесь что-то сделать?

Рита Шурупова, проект «Очевидцы 24 февраля»: Как вы оцениваете призыв Юлии Навальной не признавать выборы и признать Путина и его окружение преступной властью?

Михаил: Я не журналист, работаю в смежной отрасли, занимаюсь спутниковой связью, мы транслируем разные каналы, в том числе и «Дождь». Вы очень интересно отметили — и об этом мало кто говорит, — что неизвестно было не только who is Mr. Putin, но и — в силу обратной механики — отношение этого человека, выдвинутого кандидатом в президенты России, к нам, обычным людям. Вы это выделяете как что-то особенное, что отличается от того, что было. А насколько оно действительно отличается? Насколько [в новой России] отношение властей предрежащих к людям отличается от позиции власти, скажем, во времена Радищева, Чаадаева, Герцена и даже позже? Не общая ли у них основа?

Кирилл: Как вы думаете, при всех развилках (но в то же время при нарастающей имитационности всех институтов системы) катастрофа, нынешняя война, ценностное падение общества — все это было предопределено? Если да, то в какой момент, в какой промежуток времени? В 1993, 1996, 1999-м или позже? Какая точка стала необратимой?

Костя, журнал «Дискурс»: Вы наметили точки для рефлексии, но, мне кажется, не дошли до протестов 2011–2012 годов. Как вам кажется, какие ошибки медиасообщество совершило тогда, каких ошибок надо избежать в будущем?

Михаил Фишман: Отличные вопросы! Я сразу отвечу про Израиль, потому что это не вполне тема нашего разговора.

Очень сложная ситуация, это не разговор на полторы минуты. Если вернуться в ту ситуацию, про которую я тогда рассказывал, можно восстановить логику ангажированности ведущих мировых СМИ в тот момент. Эта

логика заключается в том, что пресса видит себя защитницей слабых и стремится противостоять сильным в этом конфликте. Израиль воспринимается как сильная сторона, а Палестина — как слабая, исторически так получается. По крайней мере, я так вижу эту девиацию и так объясняю ее для себя.

Теперь к следующим вопросам.

Что нам делать, чтобы еще больше нас слышали в России? Наша миссия заключается, на мой взгляд, не в том, чтобы совершить в России революцию и захватить умы большинства народа. Это, конечно, здорово, но давайте ставить реалистичные цели и задачи, глядя из сегодняшнего дня и видя, на что мы способны и что мы можем. Главная задача сейчас — пережить темные времена. Это звучит, как мне кажется, в том, что сейчас говорит Юлия Навальная, и примерно об этом писал из тюрьмы Алексей Навальный. Это серьезная задача. Очень много людей в России находится в гораздо более тяжелом положении, чем мы, потому что они там, а мы здесь. Там страх репрессий, а мы можем говорить и делать то, что хотим. И наша задача — поддержать их, это, по-моему, сейчас самое главное. По крайней мере, я исхожу из этого. То есть моя задача не в том, чтобы разрушить систему российской пропаганды. Да, я с ней борюсь, насколько это возможно. Но люди, которые находятся в тяжелом положении, должны понимать, что они не одни, что есть некая общность. Этот разговор мне представляется самым важным. По крайней мере, так я сужу по той обратной реакции, которая есть у меня и у многих моих коллег.

Сможем ли мы увидеть свои ошибки, когда снова их сделаем, я не знаю. Но теперь у нас есть опыт. И давайте

Луи Бувье (Louis Bouvier). Всегда к полному и абсолютному пониманию. 2017

этот опыт вместе переживать и проговаривать. Сегодня мы гораздо лучше понимаем, как должна быть устроена нормальная жизнь в цивилизованной стране, чем мы понимали в 1991 году. И нам надо уметь рассказывать об этом самим себе и остальным.

Хороший вопрос — какая власть нужна: сильная или слабая? Мне кажется, мы уже прошли тот этап, когда мы можем вообще в принципе говорить о том, что нам нужна сильная власть. Россия после этой войны, после Путина окажется в ситуации, которой никогда не было в мировой истории, это очевидно. Российскому обществу и нам всем будет гораздо труднее осознать

и осмыслить то, что произошло, чем Германии после 1945 года, это тоже понятно.

Как это будет — не знаю. Как мы через это пройдем и пройдем ли в принципе — не знаю. Сегодня ответов на эти вопросы нет. В этом состоит одно из чудовищных преступлений: преступление не только по отношению к Украине, но и по отношению к России, которая в результате окажется в таком положении.

Непризнание выборов, предлагаемое Юлией Навальной, — это не только символический шаг: в нем есть оттенки юридического смысла. Потому что непризнание легитимным президентом

ослабляет возможности Путина, он, грубо говоря, перестает быть неподсудным лицом для той страны, которая отказывается признавать его президентом. Это некоторое осложнение, но на

Люди, которые находятся в тяжелом положении, должны понимать, что они не одни, что есть некая общность

взгляд из сегодняшнего дня это больше технические детали, чем практические. Я не считаю этот вопрос принципиальным, хотя целиком поддерживаю Юлию Навальную. Мне кажется, что главное поле битвы сейчас находится не здесь.

К вопросу об отношении нынешних властей предрежащих к человеку: то же самое ли оно, что было в XVIII, XIX веке? Тогда были другие практики, другая логика. Но это то же самое отношение, что и при Сталине, это то отношение, от которого как раз Россия

Я считаю, что будущее не было предопределено ни в 1991, ни в 1993, ни в 1996 году — оно было предопределено в 2000-м

ушла во времена перестройки и в девяностые годы. На своей инаугурации в 1991 году Ельцин говорил: для нас права человека определяют наше будущее. Этого сегодня Путин сказать не может, это совершенно растоптано. Для меня принципиально важно: мы тогда не обратили внимания на то, что во главе государства нам ставят человека, у которого нет политического опыта, который никогда не проходил через

публичную политику, — клерка, который, закрытый зеркалом пропаганды, начинает смотреть на людей как на бумажки. И тогда их можно уничтожать сотнями тысяч где угодно: и в Украине, и в России, это становится уже неважным. Именно дегуманизация происходила в тот самый момент, на который мы не обратили внимания. А могли бы! Потому что тогда мы вполне могли про это открыто, спокойно и достаточно громко говорить. Сейчас уже таких возможностей нет. Вот что я имел в виду.

Была ли предопределена та катастрофа, в которой мы находимся сейчас? Я считаю, что нет. Несмотря на все неправильные повороты, на ложный выбор, который делался в разное время, будущее не было предопределено ни в 1991, ни в 1993, ни в 1996 году — оно было предопределено в 2000-м. Начиная с 2000 года мы, видимо, ничего сделать не могли.

Что касается событий 2011–2012 года, здесь как раз журналистам особо-то предъявить нечего — тем свободным журналистам, которые работали тогда в России, включая нас. Тут как раз не в этом проблема. Тот спор с Навальным был не про Болотную площадь и не про то, как освещаются эти события. Я напомним, что это произошло в декабре, и уже к марту гайки закрутили. А в декабре даже НТВ показывало митинги и репортажи, которые невозможно было себе представить за две недели до этого. Просто это продолжалось не очень долго, примерно в течение трех недель. Но как раз тогда ни мне, ни многим моим коллегам себя, я думаю, винить-то не в чем: как раз тут мы всё делали более или менее правильно.

Отмена права*

У нас была заявлена тема выступления о том, что случается, когда отменяется право, на примере России.

Сейчас переосмысление всего сущего происходит быстрее. Видимо, просто такие времена и такие ситуации, когда полностью меняется мир — не только в отдельных странах. И это как бы становится стимулом для более интенсивного осмысления, переосмысления и уточнения оптик на все.

Последние полгода меня безумно занимает книга Аджемоглу и Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные»**, потому что она является как бы мостиком между экономической, правовой и прочей теорией и как бы недостающим кусочком в пазле, когда мы начинаем вдруг видеть большую картинку: а почему одни государства успешные? почему в них мир, дружба, сосиска? почему там нет преступности? почему они доверяют друг другу? Почему полиция, а не граждане следят за соблюдением законов? Это же очень выгодно государству, потому что меньше денег и ресурсов тратится на поддержание правопорядка. Этих вопросов «почему?» очень много. Аджемоглу и Робинсон пытаются ответить на них начиная, опять же, с древних веков. Они выводят как бы... я бы даже сказала, что это не три типа государств, а три способа существования обществ в каких-то границах, которые могут считаться, а могут и не считаться государствами:

- отсутствующий Левиафан,
- деспотический Левиафан,
- обузданный Левиафан.

Когда читаешь их книгу, все время хочется «докручивать» их теорию, потому что они выдвигают гипотезу, доказывают ее на большом количестве примеров

Елена Лукьянова,
доктор юридических наук,
сооснователь Свободного
университета

* Выступление на семинаре Школы в Риге 1 апреля 2024 г.

** Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Пер. с англ. М.: АСТ, 2016. 693 с.

разных стран, веков и народов, а потом все-таки дают читателю возможность ответить на вопрос: «Почему одни страны богатые?..»

Отсутствующий Левиафан — это сообщества, которые в своей жизни, во взаимоотношениях друг с другом руководствуются традициями и племенными обычаями.

Такие общества «расходятся» в две стороны. Те, у которых традиций и обычаев много, отвергают государство. В принципе государство, конечно, хорошая штука. Это некая институция, которой граждане, не желающие тратить свое время, передают определенные полномочия, общепольные функции, и государство их выполняет. Государство — это неплохо, это удобно и хорошо.

Но в таких обществах государство отрицают. Руководство в них осуществляется племенным способом, они не достигают большого экономического развития, большей справедливости, живут в «отрицалове» какой-либо публичной власти. Это один вариант.

Второй вариант отсутствующего Левиафана — анархия. Это когда «все убивают друг друга». Это как раз тот самый failed state (несостоявшееся государство), определение которому не может дать международное сообщество, потому что его границы размыты. Но я думаю, что в ближайшем будущем оно все-таки до этого дозреет, потому что этих failed накопилось много.

Например, современный Ливан. Это было процветающее общество, а сейчас там просто бардак. Государственные институты не работают: государство и институты как бы есть, но нет никакого порядка. Отсутствующий Левиафан.

То есть два варианта: 1) когда государство отрицают и 2) когда государство как бы существует, но оно неэффективно, и поэтому рождается и торжествует произвол, люди убивают друг друга. Это один тип.

Второй тип — деспотический Левиафан. Государство существует, оно управляет по принципу «принято, извольте исполнять!», то есть так, как оно само хочет. Это может быть и криминальное государство. А может быть (примерно так, как в сегодняшней России) государство, удерживающее власть насильно. Но об этом мы поговорим позже на примере России, как заявлено в теме лекции.

Итак, деспотический Левиафан, в котором действует закон, а не право. Где закон подстраивается под желания искусственно удерживающей власть группы и абсолютно не соотносится с волей, желаниями, интересами населения, с вопросами справедливости. Как это делается, мы с вами знаем, но сегодня я попробую показать, как происходила его эволюция, когда вернусь к вчерашнему выступлению Михаила Фишмана, его тезисам и точкам бифуркации*.

---

* См.: Михаил Фишман. Подъем и упадок современной России. Выступление на семинаре Школы в Риге 31 марта 2024 г. (Публикуется в настоящем номере журнала.)

И третий тип (собственно, об этом вся книга Аджемоглу и Робинсона) — это так называемый обузданный Левиафан, государство, которое контролируется гражданами.

На наших сессиях я уже приводила пример государства, которое я очень люблю, — это Швейцарская Конфедерация. После ее посещения нередко слышишь (слышала лично), что это государство доносчиков: «Я ехал по дороге, превысил скорость, и через 15 минут стоит полицейская машина, и мне говорят: те, кто ехал сзади вас, сообщили, что вы превышаете скорость».

А на самом деле никакие это не доносчики, это страна, где население напрямую включено в процесс реализации законов. Потому что эти законы оно приняло как свои собственные.

В Швейцарии проводили референдум о базовом доходе. Государство вынесло этот вопрос: «Мы настолько богаты, что можем (независимо от того, работаете вы или не работаете) платить вам всем базовый доход». Представьте, что это происходило бы в сегодняшней Латвии или Литве — я не знаю, какие были бы результаты. А швейцарцы сказали: «Нет, наше население к этому еще не готово».

И третий тип – это так называемый обузданный Левиафан, государство, которое контролируется гражданами

Вообще-то, согласно общей теории референдумов, нельзя выносить на референдум вопросы налогов, сборов, смертной казни, потому что ответ однозначен, он известен заранее. А вот швейцарцы взяли и отказались. Они считают, что законы — это для них выгодно. Поэтому не бросайте, пожалуйста, окурки на тротуар, сортируйте мусор. И, в общем-то, эта страна хорошо живет, там все участвуют в управлении. Это простой пример того, как люди знают законы и помогают государству их соблюдать.

Аджемоглу и Робинсон пишут, что обузданный Левиафан — самый эффективный способ и управления, и развития. Потому что если общество контролирует государство, то у государства невелик шанс принимать те решения, которые обществу невыгодны. Конечно, все новое трудно пробивает себе дорогу и люди не склонны быстро меняться. И иной раз, если правило не принято и не осмыслено обществом, то лучше повременить.

Вот этот «узкий коридор» и дали нам те страны, которые мы сегодня условно называем высокоцивилизованными, развитыми странами. По этому коридору прошел в основном ряд западноевропейских государств, включая США. В этих странах государство как совокупность институтов живет в согласии с обществом, тратя огромные силы и время на достижение консенсуса, на дискуссию, трудно договариваясь.

Вот почему я как человек, который читает курс лекций по парламентаризму, глубоко убеждена: чем дольше принимается закон, чем

сложнее он принимается, чем большее количество экспертиз он проходит до момента, пока на нем не поставят подпись, печать и количество проголосовавших, тем он качественнее. И он не просто качественен по своему содержанию — он качественен по соотношению того, как он бу-

После подписания Великой хартии вольностей и стала формироваться традиция участия граждан в выполнении функций, которые вроде должны были быть отданы государству

дет воспринят обществом. Даже если какая-то часть электората в начале обсуждения бывает против законопроекта, то в ходе продолжающейся общественной дискуссии люди могут изменить свою точку зрения и принять его.

И что еще не менее важно, договоренность в этом «узком коридоре», по которому прошли европейские государства, когда мы смотрим на палату общин

британского парламента, отнюдь не всегда достигалась и достигается вежливым путем. Но, в принципе, это ведь тоже их традиции: в палате общин можно кричать, топтать, хлопать, ругаться. Это началось, видимо, в XV–XVI веках, когда Британия вошла в этот «узкий коридор». Так получилось, что после подписания Великой хартии вольностей и стала формироваться традиция существенного участия граждан в выполнении функций, которые вроде должны были быть отданы государству, но граждане на местах по разным причинам брали их на себя: функции констеблей, контроль над бедными, обустройство дорог и так далее. Они активно это делали, привыкли к этому, научились и поняли, что лучше, чем они сами, никто за них этого не сделает. А если функции очень сложные, то на них можно собрать и некоторое количество налогов и передать специалистам, которые будут представлять государство, — так это будет удобнее.

Вот таким эмпирическим путем это происходит. В этом «узком коридоре», по которому прошла часть государств — каждое своим путем.

Почему я делаю такое длинное предисловие? Потому что много лет и много раз мы говорили о праве, о принципах права. О том, как медленно в мире вырабатывались стандарты. Что такое «право» и каким оно должно быть? Какой закон можно считать правовым, а какой неправовым? Но рассматривали это, как правило, в отрыве от «узкого коридора», где рядом шло общество. Конечно, в докладе Венецианской комиссии о верховенстве права, в приложении, есть пункт о том, что законы могут считаться правовыми, если они приняты парламентом, избранным должным образом, по правилам и так далее. Ну ведь этого мало, это не дает нам полноты картинки, как это работает: как работает право в этом самом обузданном Левиафане, который самый успешный. Поэтому я сейчас «развернусь» и буду говорить об отмене, отрицании права.

На мой взгляд, отсутствующий Левиафан и деспотический Левиафан — это два типа сообществ, где отрицается право.

Валда Подкальне (Valda Podkalne). *Отсутствие*. 2022

В случае отсутствующего Левиафана право просто не хотят принимать, а хотят руководствоваться обычаями, обыкновениями, традициями — племенным правом. Права тут нет, так как не хотят государства, не хотят, чтобы принимались законы, и не развиваются.

Деспотический Левиафан — здесь все вроде бы есть, все признаки. Есть парламент, есть огромное количество книжек, на которых написано, что это законы. У этих законов вроде бы есть все внешние атрибуты того, что называется законом. Но права там тоже нет, потому что это *rule by the rules*, а не *rule of law*. Но эти *rules* абсолютно искусственны.

Не случайно у российского парламента прозвище «бешеный принтер», потому что он ничего общего не имеет ни со справедливостью, ни с принятием соответствующих правил. У этого парламента нет рейтинга — рейтинг отрицательный, он падал начиная с 2000 года. Если раньше были анекдоты про Василия Ивановича, то сейчас рассказывают про российскую Государственную думу.

Теперь попробуем посмотреть, «как мы дошли до жизни такой» и что надо делать.

Вчера было сказано: «Ну дошли до такой жизни — и дошли. И зачем нам теперь ворошить прошлое?» Еще как надо ворошить, потому

*Отсутствующий Левиафан
и деспотический Левиафан —
это два типа сообществ,
где отрицается право*

что без осознания ошибок, без восстановления исторической памяти и исторической справедливости все ошибки будут повторяться.

Эта история про «грабли, на которые мы постоянно наступаем» — она про неисправленные, непродуманные ошибки. Собственно говоря, у нас пока в обществе и культуры этой нет. И то, что вчера в своем выступлении сделал Михаил Фишман, переложив это на себя и посмотрев на недавнее прошлое со своей точки зрения, сейчас распространенная история. Мы все, родившиеся в разные годы, проживаем и переживаем ретроспективно: а что мы сделали не так? Потому что чувство вины, чувство ужаса — огромное.

Поэтому я вернусь к развилкам, о которых говорил Михаил. У меня они будут чуть пошире, потому что я постарше. Он говорит, что в 1991 году еще не осознавал ничего, а я уже вполне осознавала.

1991 год, референдум о сохранении Союза. Это история, когда в России в восьмидесятые годы произошел «парад суверенитетов». Причем очень интересно совпало: примерно в то же время Европа рушила по-

Я приведу вам примеры, как отменялось право в России в разные периоды за последние 30 с лишним лет.

граничные столбы и занималась новой Конституцией Евросоюза, которая не была принята; был подписан Лиссабонский договор. А в этот момент автономии и прочие районы России говорили о суверенитете. Мы нашли документ, в

котором одно село Домаховского района какой-то области сообщало соседнему селу, что грибы на его территории собирать нельзя.

То есть «парад суверенитетов», когда Борис Николаевич Ельцин сказал: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», свидетельствовал о накопленном эффекте доминирования центра над регионами. И он потянул за собой, естественно, пересмотр всех федеративных и административно-территориальных отношений, пошел Ново-Огаревский процесс, предложения о том, как переучредить Союз: переучредить ли его, или развалить, или, наоборот, отпустить. Появился закон о порядке выхода республики из Союза — первый раз (представляет?) это фактически право наций на самоопределение. Право выхода республики из Союза было во всех советских конституциях. А первый закон о порядке выхода республики из Союза, где есть процедура, — это 1989 год. Раньше не было, а теперь процедуры появились. Тогда же, кстати, появился и закон о митингах, шествиях и демонстрациях. Сначала в трех крупнейших городах: Питере, Москве и Киеве. Потому что не было митингов и демонстраций! Ну не было их — были 1 мая и 7 ноября, искусственно организованные. А тут все пошло. Естественно, это двинуло вперед законодательство, право и процедуры.

И вот в ходе этой большой дискуссии кому-то (не буду называть кому) пришла в голову идея: а давайте-ка все-таки Союз сохраним! И давайте-ка проведем референдум! И провели. И победили. Каким образом? А

как вопрос был сформулирован? А как этот референдум проходил? Это тоже была отмена права.

К этому моменту у нас уже был принят закон «О референдуме», но как был сформулирован вопрос? Вопрос, вынесенный на референдум, как я уже говорила, должен быть сформулирован таким образом, чтобы на него можно было однозначно ответить «да» или «нет». А внутри сформулированного вопроса в 1991 году были еще вопросы: «Считаете ли вы необходимым сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности? (да/нет) Считаете ли вы необходимым сохранение СССР как единого государства? (да/нет)».

То есть форма государственного устройства — федерация или конфедерация. И форма правления — советы. Потому что у нас же была не республиканская или президентская, а отдельная форма правления: советская республика. В теории их насчитывается несколько, и в вопросе на референдуме было сказано про советскую, про политический режим. Кому-то хотелось оставить советы, а кому-то федерацию. То есть вопрос был поставлен некорректно.

В итоге все, кто проголосовал все-таки за, решили, что лучше ничего не менять: с ума сойдешь с ответом на этот вопрос. Это первое. Ну и второе, конечно, это принуждение к голосованию, потому что и подсчет проголосовавших был не вполне корректный: в любом федеративном государстве результаты референдума нужно считать не в целом по стране, а все-таки по субъектам Федерации. Но этого сделано не было. И, кроме того, часть союзных республик устроили бойкот референдума, и тогда стали голосовать воинские части в принудительном порядке на территории всей страны. В общем, очень нечистый результат. Мы не можем сказать, как по-настоящему все-таки принималось решение — вот она, отмена права.

Дальше — Конституция 1993 года, следующий референдум. Между ними еще была пара референдумов, но они, в общем, не играют большой роли. Конституция 1993 года, откуда уже очень серьезно «запахло» отменой права. Конституцию принимаем, а там права уже фактически нет. Поэтому мы называем эту Конституцию «Конституцией с серьезной родовой травмой».

Что было не так — конечно же, референдум! Конституцию принимали на референдуме, это написано в тексте действующего основного закона России: «Принята на референдуме 12 декабря 1993 года». Но по каким правилам этот референдум проводился и как считались голоса?

Вопрос, вынесенный на референдум, должен быть сформулирован так, чтобы на него можно было однозначно ответить «да» или «нет»

Дальше – Конституция 1993 года. Конституцию принимаем, а там права уже фактически нет

Ведь к тому моменту уже был не союзный, а российский закон «О референдуме», довольно строгий, где были прописаны правила: что между «да» и «нет» — никаких вариантов; что нельзя выносить на референдум; как нужно считать, потому что Россия тоже федеративное государство.

Но дело в том, что Борис Николаевич Ельцин очень торопился с принятием Конституции, ему пришлось расстрелять парламент, чтобы принять ее, ему власти не хватало очень сильно в тот момент. И что он делает: в условиях чрезвычайного положения в городе Москве выносит недоделанную Конституцию на референдум.

Вот украинцы в этом плане были аккуратнее: они спокойно сидели и писали. Пять лет прошло с развала Союза, и только в 1996 году они приняли свою Конституцию. Им тоже было куда торопиться, но они «торо-

По количеству полномочий президент у нас стоит над ветвями власти, за их пределами

пились медленно», потому что понимали, как это важно.

А Борис Николаевич отстраняет конституционную комиссию от Верховного Совета, собирает экстренное конституционное совещание, в экстренном режиме

«дописывает» Конституцию и в условиях чрезвычайного положения выносит ее на референдум. Не по закону «О референдуме», а принимает отдельный указ, одноразовый, только для этого референдума, проведенного 12 декабря 1993 года, с другими правилами подсчета голосов и результатов. Потому что, по идее, в результаты конституционного референдума должны считаться от общесписочного числа избирателей (а не от пришедших на выборы), там должно быть квалифицированное большинство, это все должно считаться по субъектам и так далее. «Нет, мы примем по отдельному указу».

Я не говорю, что Конституция плохая, но она с очень серьезной «родовой травмой». Вчера Михаил Фишман говорил про сильную власть, а она откуда взялась? Откуда взялась сильная власть в нашей Конституции, суперсильная? Потому что мы не можем сказать, что у нас президентская республика, скорее выборная дуалистическая монархия. По количеству полномочий президент у нас стоит над ветвями власти, за их пределами, он является и гарантом Конституции, и лицом, которое определяет основы внешней и внутренней политики. Вне зависимости от парламента, правительства, вне зависимости от судебных органов.

Откуда взялся этот перекосяк? Что выносилось на референдум?

Я хорошо отношусь к Конституции, особенно к ее первым двум несменяемым главам. И считаю, что эти две главы нужно беречь, сохранять, развивать. А остальное как было сделано? А очень просто: после того, как конституционное совещание утвердило проект, Борис Николаевич ничтоже сумняшеся своей рукой часть его переписал. Есть эти сканы, я их недавно увидела в первый раз (я хорошо знаю его почерк). Своей рукой, сам!

Например, вот полномочия... У нас же президент, который не входит в систему разделения властей, имеет право председательствовать на заседании правительства и принимать любое решение в отношении любых актов правительства.

То есть представьте ситуацию сегодня: премьер-министр ведет заседание правительства, открывается дверь, входит Путин, садится на место председательствующего, ведет заседание, отменяет любое постановление правительства — это было вписано рукой Бориса Николаевича. Сам Борис Николаевич, правда, такими вещами не занимался: он хоть и вписал дополнительные полномочия в Конституцию, но этими полномочиями если и пользовался, то очень аккуратно.

То есть главы Конституции с 3-й по 8-ю были переписаны частично до референдума, нелегитимным органом. И они создали возможность, когда другому человеку с другим характером будет легко злоупотребить своими полномочиями, что, собственно, и произошло.

Дальше (я иду по Мишиным точкам бифуркации) — 1996 год. Выборы, которые мы, электоральные юристы, считаем несфальсифицированными, одними из самых чистеньких с точки зрения электоральной процедуры. Что с ними не так?

Да, манипуляция через СМИ: огромная информационная лавина «Голосуй, или проиграешь», огромные средства, вброшенные в эту пиар-кампанию. А ведь это тоже отмена права! Незаконное давление на избирателей. Учитывая, что уже был закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», где была статья об избирательных нарушениях, в которой такое массовое давление и злоупотребление СМИ считалось прямым нарушением. Сейчас этой статьи вообще нет: «Единая Россия» изъяла ее из этого закона. У нас нет на сегодняшний день перечня избирательных нарушений (вовремя постарались, чтобы не сесть в тюрьму). Это тоже отмена права. Потому что настоящие выборы... Вот тут опять идет игра словами. Что мы делаем на выборах: голосуем или все-таки выбираем? Если выбираем, то у нас должен быть выбор. И все настоящие электоральные процедуры должны обеспечить эту возможность выбора. Они должны обеспечить правила нормальной политической конкуренции и всего остального.

Настоящие электоральные процедуры должны обеспечить возможность выбора, правила нормальной политической конкуренции

Собственно говоря, с 1996-го, а точнее, с лета 2002-го у нас началась отмена конкурентной среды, возможности нам выбирать. К власти пришел никому не известный бюрократ. Он не собирался разговаривать с народом и, как мы видим, ни разу не вступил ни в какие дебаты. Что ему было делать — ему нужно было захватывать власть.

Роджер Баллен (Roger Ballen). Безголовый. Проект «Зов пустоты». 2006

Все последующие события, которые привели к тому состоянию, когда сегодня у нас нет права и нет выбора начиная с 2000 года, можно поделить на несколько периодов.

Первый период: примерно 2000–2008 годы, и плавно он заканчивается 2011 годом — это захват власти. Путин захватывал власть и постепенно убирал возможность конкуренции с собой. Больше всего он боялся региональных элит. Именно главы регионов, заксобраний и губернаторы входили по действовавшему в то время закону «О порядке формирования Совета Федерации» в Совет Федерации и сами голосовали. Путину нужно было убрать это в первую очередь. И он изменил порядок формирования Совета Федерации, чтобы их присутствия не было в Москве и они не могли оказывать влияние на парламент, на Госдуму.

Дальше Путину нужно было уменьшить влияние региональных элит на принятие решений, в том числе и в регионах. И он делит Россию на огромное количество федеральных округов, то есть выстраивает «прокладку», объединяя несколько регионов в федеральные округа. Это абсолютно незаконно, но обжаловать невозможно, юридически сделано красиво. Затем создает «прокладку» из полномочных представителей президента в федеральных округах, объединяющих регионы, и таким образом фактически меняет федеративное устройство России. И параллельно начинает менять избирательное законодательство — медленно, шаг за шагом, начиная с малого.

В книге «Выборы строгого режима» мы проанализировали все эти этапы и показали, как Путин уничтожал политическую, индивидуальную конкуренцию и тем самым шел к 17 марта 2024 года, то есть уже не к выборам в прямом смысле этого слова.

В избирательное законодательство за 20 лет путинского правления было внесено примерно полторы тысячи поправок, и ни одни последующие выборы не проводились по правилам предыдущих.

И результат, который мы видим сегодня: постепенно российская Госдума перестала быть парламентом, органом народного представительства. Она представляет только бюрократию и исполнительную власть. Вот что такое отмена права.

Нужно было сделать так, чтобы оно полностью отсутствовало. Чтобы была имитация права с точки зрения его содержания и с точки зрения процедур. Это лишь механизм удержания власти диктатором.

Чем нам грозит отмена права и что делать?

Отмена права удобна диктаторам, но категорически неудобна обществу. И на сегодняшний день мы не знаем нерушимых диктаторских режимов (кроме Северной Кореи, но там все-таки другие условия), все они рано или поздно падают.

*Постепенно российская
Госдума перестала
быть парламентом,
органом народного
представительства*

*У нас должен быть
готовый портфель
работающих законов*

За прошедший год мы уже видели очень серьезное гражданское неповиновение. Мы не можем его посчитать, измерить, поскольку уничтожены все механизмы. Не можем посчитать количественно, потому что протесты возникают в совершенно новых, непривычных для нас формах. Но это именно public disobedience, гражданское неповиновение, которое всегда изобретательно, — это такой потрясающий народный фольклор. Насколько сильна при этом правоохранительная машина, мы не можем измерить, хотя допускаем, что выстроенная вертикаль по определению не может быть эффективна. Так же как не можем понять и до конца посчитать, в чью пользу сыграл «Крокус Сити».

Что делать? Как вчера было верно замечено, «ведь надо что-то делать».

Мы «влетели» в ситуацию отмены права, потому что в течение нескольких переходных лет (1991 год, крушение Союза, создание нового парламента) у нас не было законодательства, мы все писали с нуля. Мы не могли воспользоваться советским законодательством просто потому, что полностью поменяли режим, форму правления. Нам приходилось работать на совершенно пустом поле. Я вспоминаю об этом, потому что мой отец был председателем Комитета Госдумы по конституционному законодательству в течение двух созывов. Надо было на пустом поле переписать все кодексы, основные законы, уложиться в двухлетний срок переходных положений Конституции.

Нам сегодня надо это все заготовить и сделать на тот случай, когда откроется «форточка возможностей». У нас должен быть готовый портфель работающих законов. Сейчас идея создания такого портфеля носится в воздухе, этим уже занимается ряд групп: вы слышали про Съезд народных депутатов Ильи Пономарева, есть Лаборатория переходного периода в Свободном университете. Эта работа ведется. А журналистам нужно за этим следить. Потому что это очень интересно. Чтобы мы не остались без права.

Дискуссия: вопросы и ответы

Модератор: Когда я думаю о правовом устройстве РФ, этой машины, мне представляется бомба с тикающим механизмом, где заряд и взрыватель соединены беспорядочно перепутанными проводами разных цветов. Когда придет тот, кто все это будет распутывать? Каков будет механизм для той руки, которая будет решать, «какой провод резать»? Какой мозг будет эту руку контролировать, чтобы не рвануло и не стало хуже (если хуже вообще может стать)?

Допустим, что у нас есть пакет переходного периода. Кто может оценить и определить: «Да, этот пакет нужен, но вот этого мы делать не станем, потому что будет еще хуже»?

Е. Лукьянова: Мы не можем этого определить, потому что не знаем, кто будет оценивать и принимать эти готовые законопроекты. Но они хотя бы будут готовые. Мы не знаем, какой будет переходный парламент, но он должен быть переходным.

Вот представьте, что завтра сменился режим. Тот парламент, что есть, профнепригоден по всем показателям, его надо распускать. А избрать новый по хорошим избирательным правилам мы не можем, потому что у нас нет действующих партий (они ликвидированы), потому что у нас старое избирательное законодательство и так далее. Должен быть некий орган, который в течение определенного, жестко обозначенного временного периода подготовит переход.

Первое, что нам нужно, — политическая конкуренция. Поэтому необходим закон о партиях.

Закон о выборах делать проще. Его надо просто вернуть к состоянию, близкому к закону 1993 года. И не прописывать новое, а восстанавливать то, что было, выкинув «воз» полутора тысяч идиотских поправок. Это мы можем сделать.

То есть нам надо подготовиться к нормальным выборам и за это же время подумать, будем мы менять Конституцию или нет. Многие горячие головы говорят, что обязательно будем, что старую надо выкинуть, а юристы

говорят, что можно поменять определенные главы, причем парламентским путем.

Так вот, за это время давайте сядем и будем писать новую Конституцию спокойно, терпеливо и качественно, имея в виду, что мы наверняка первые две главы все равно инкорпорируем из той Конституции, которая есть, усилив и добавив гарантии прав человека. Усилив и добавив то, что было пропущено в 1993 году, а также то, что мы прошли на своем опыте за последние 30 лет, мы уже знаем, что там нужно дополнить. А с 3-й по 8-ю главы — переразграничение полномочий, мы делаем республиканскую модель, тоже поспорив, что это будет: парламентская или смешанная (про президентскую уже никто не говорит). Я, например, за смешанную. Это первоочередное.

Е. Немировская: Я просто хочу высказать свое мнение и мнение Школы. Сегодня Елена Анатольевна еще раз продемонстрировала удивительный профессионализм, рассказывая о самых сложных вещах, которые случились в годы после начала фундаментальных изменений в стране. Она сделала это не только профессионально, но и с гражданской позиции. И это сочетание профессионализма и гражданской интуиции, гражданского акцента, гражданского выражения себя — это то, к чему наша экспертиза должна стремиться. Это получается нечасто и не со всеми, и не надо предъявлять к этому особых требований: каждый индивидуален в этом. Но для нашего экспертного сообщества это необходимая и важная позиция. Спасибо!

Почему демократия*

*Валдис Биркавс,
доктор юридических наук,
премьер-министр Латвии
(1993–1994), министр
иностраных дел Латвии
(1994–1999), министр
юстиции Латвии (1999–2000)*

Время, в которое мы встречаемся, продолжает преподносить нам очень неприятные сюрпризы. Я имею в виду события на Ближнем Востоке. В такое время (и не только в это время) девизом для каждого свободного человека или желающего быть свободным должны быть слова, которые приписывают Джефферсону: «Цена свободы — вечная бдительность».

Я буду говорить об этой бдительности применительно к стране, где вы находитесь, — к Латвии. Но начнем с самого начала.

1990 год. В нашей стране выборы в Верховный Совет. В них участвует 2 миллиона человек. Из них примерно 1 млн латышей и 1 млн русских, евреев, украинцев, поляков, живущих в Латвии. Из них 1,5 млн голосуют за свободу. И начинается новый период жизни.

На сегодняшний день с того момента, когда мы еще плыли на большом корабле под названием «СССР», прошло 33 года. Тот корабль в политических морях и океанах был достаточно стабильным. Но тем не менее при первой возможности все три Балтийские республики спрыгнули, сели в свои уже подготовленные маленькие лодочки и начали грести к другому кораблю: Евросоюзу. Он казался гораздо комфортнее, приятнее и тоже очень стабильно чувствовал себя в мировых политических бурях и океанах. Никто из прыгнувших в эти лодочки не мог себе представить, что грести изо всех сил, в поте лица придется 14 лет!

С того момента, когда прозвучала эта благая весть о свободе, прошло 33 года, как я уже сказал. От благой вести о рождении Христа до его распятия также прошло 33 года. И это время очень годится для того, чтобы начать распинать политиков, делавших

---

* Выступление на семинаре Школы в Риге 9 октября 2023 г.

ошибки тогда и продолжающих делать их сейчас. Я не буду рисковать и сравнивать жизнь Христа с жизнью народа, государства или рядового человека. Я позову на помощь известного интеллектуала, поэта Данте Алигьери.

Поэма «Божественная комедия» начинается словами: «Земную жизнь пройдя до половины, // Я очутился в сумрачном лесу, // Утратив правый путь во тьме долины...» Данте обескуражен. Он политик, идет борьба между гвельфами и гибеллинами. И он не может продолжать свой путь, потому что в его жизни накопилось столько ошибок и проблем, что ему требуется проводник. И у него появляется проводник Вергилий.

Вергилий — это символ разума, который преодолевает страсти. В чем первая задача Вергилия? Выйдя из леса, Данте не может взобраться на гору достоинства, гору благочестия. Потому что эту гору охраняют три зверя, которые встречаются на пути каждого политика: зверь корыстолюбия, зверь сладострастия и зверь гордыни и зависти.

И если этот высокоморальный человек без помощи ментора не может преодолеть и достичь высоты горы достоинства, то как же те политики, которые неожиданно или путем долгих поисков оказались в политике, смогут преодолеть эти страсти без ментора, без старшего помощника, без мудрых советов?

С предыдущим президентом нашей республики, Эгилсом Левитсом, мы обсуждали, как улучшить состав парламента, потому что там люди во многом в политике неграмотные. Он сказал: «А что мы можем сделать в условиях демократии? Иди на улицу, отбери на улицах Риги случайных 100 человек — вот тебе и парламента!»

Мне кажется, что люди, которые решаются идти в политику, должны обладать дополнительным измерением по отношению к другим людям. Определение этому «дополнительному измерению» дала главная героиня романа Германа Гессе «Степной волк»: это люди, у которых есть осознанно сформулированная цель и желание принести пользу. У которых есть внутренняя сверхзадача.

Когда я читал ваш список участников, то я как раз и вспомнил о Гессе. Вы же и есть люди с дополнительным измерением! Это ваша судьба. Но даже вам, как и Данте, нужен свой Вергилий, свой ментор, свой помощник.

Данте в «Божественной комедии» фактически формулирует путь человека, народа, государства к идеалу. К полноте идеала. И для того, чтобы он полностью мог все охватить, Вергилий ведет его через девять кругов ада.

И надо же быть такому совпадению — просто нумерологическое совпадение! — но с момента, когда Латвия утратила правый путь, было

*Люди, которые решаются
идти в политику, должны
обладать дополнительным
измерением по отношению
к другим людям*

выбрано девять парламентов. Девять парламентов — это не все круги ада, но для некоторых людей из каждого парламента место в аду.

В аду место и мне. Потому что нет ни одного политика, который преодолел те страсти, где Данте понадобился помощник Вергилий. Потому что в восьмом и девятом кругах размещаются *Обманувшие не доверившихся* и *Обманувшие доверившихся*. Они лгали, обманывали, не выполняли обещаний. Помогите найти политика, выполнившего все обещания! Мне это не удалось. Даже когда я смотрю в зеркало.

Итак, Данте и Вергилий еще не переступили порога ада, а уже слышат крики, видят огромную толпу. И Данте спрашивает Вергилия: «Кто эти люди?» А Вергилий отвечает: «Это ничтожества. Они не сумели говорить, когда надо было говорить, не смогли протестовать, когда надо было протестовать. Они не имели своего мнения: им было все равно. И теперь они в том положении, что их даже ад не принимает». Безучастные люди, стоявшие в стороне.

В социологических исследованиях мы видим, что люди, которые совершенно не интересуются делами государства, его развития, так называемые патриархальные люди, составляют примерно 30–35% всего населения.

И та же картина с результатами выборов. В нормальной стране, в относительно нормальных условиях, как правило, 30–35% не участвуют в выборах: им все равно. Они остаются за порогом ада и не достигнут ни чистилища, ни рая.

Переступив порог ада и оказавшись в первом круге, Данте с удивлением видит: сколько знакомых! Такие замечательные люди: поэты

Когда в центре политики человек, и человек не средство решения проблем, а цель — только такое общество может быть гуманным и называется гражданским

Гомер, Лукиан, Овидий, Гораций, Еврипид, философ Аристотель и многие другие известные люди — как же они тут оказались? И Вергилий поясняет: они без вины виноватые, у них просто нет вера. Они хорошие, нормальные, но они *иначе* смотрят на некоторые вещи, у них *не истинная* вера.

И что же мы видим у нас? Мы только что отправили в первый круг ада Пушкина, и сейчас наши активисты взяли за Келдыша. Кто следующий?

Без вины виноватые...

Политика, которая во главу угла ставит государство и государственные интересы, какими бы правильными они ни были, никогда не бывает гуманной. Когда в центре политики *человек*, и человек не средство решения проблем, а *цель* — только такое общество может быть гуманным и называется гражданским.

Мы можем пройти по всем кругам ада и всюду найти знакомых политиков. Дело в том, что процесс погружения в политику имеет свою

логику. Мне кажется, что человек в политике становится *больным*. И эту болезнь, даже не говоря о политике, лучше всего описал Томас Манн. Ведь политик шагает в направлении вершины «волшебной горы».

Если вы читали «Волшебную гору» Томаса Манна, то знаете, что так назывался высокогорный санаторий для больных туберкулезом. И там в конце концов оказываются люди, которые другие болезнями вообще не считают: только тот, кто болен туберкулезом, достоин быть с ними. Они поднялись так высоко, что совершенно не интересуются тем, что происходит у подножия горы; это другая, специфическая жизнь на *волшебной горе власти*.

Как у Гамлета: «Порвалась дней связующая нить» — нить, связующая с тем, откуда политик пришел. Ведь он вышел из народа, и он поднимается вверх, и какая-то нить удерживает эту связь. И чем выше он поднимается, тем эта нить тоньше, и в конце концов она обрывается или он сам ее обрывает. Но эта логика существует настолько убедительно, что мимо нее почти никто не проходит.

Мы часто слышим критику политиков и политики, и это нормально. Это очень хорошо! Вот если политику восхваляют, то появляются некоторые сомнения: кто и почему ее восхваляет? И действительно ли есть за что ее восхвалять?

Когда Данте с Вергилием достигает чистилища, Вергилий указывает на четыре горящих звезды: «Чтобы пройти чистилище и достичь рая, ты должен эти четыре звезды все время хранить в своем сердце». Эти звезды:

Звезда мудрости.

Звезда умеренности.

Звезда справедливости.

Звезда смелости.

Звезда мудрости чаще всего в политике превращается в звезду политических лозунгов.

Звезда умеренности — в бросание из одной крайности в другую.

Звезда справедливости является фактически той, которая должна все время руководить при принятии решения. Но вместо этого она таит в себе скорее тень корыстолюбия и алчности, чем справедливости.

А смелости в нашей латвийской политике хватает только тогда, когда ясно, что ты можешь занять позицию и более сильный противник тебя просто физически не достигнет.

Посмотрите, как развивалась внутренняя логика отношения к этническим меньшинствам: от международных стандартов к стремлению запретить не только учебу, не только СМИ на другом языке, но даже возможность говорить в частной жизни. И это только потому, что волна требовательности к соблюдению прав человека схлынула, она не на повестке дня, потому что идет война, и уже вторая война началась, и о правах человека просто перестали говорить. Или говорят очень редко.

Если Конституционный суд принимает решение о правильности ратификации Стамбульской конвенции, а депутаты начинают говорить, что *такой* Конституционный суд, который принимает *такие* решения, нам не нужен и его надо упразднить, это...

Из-за войны, из-за неспособности разума преодолеть страсти тех *зверей*, которые мешают достичь достоинства и принятия достойных решений, фактически повсюду звонят тревожные звоночки.

Мы идем по 12 ступенькам не к демократии, а *от* демократии. Вот здесь как никогда нужна бдительность. Как никогда нужна смелость. Как никогда нужна активность. Но ее не хватает. Сон разума рождает чудовищ.

Я хочу сам себе ответить на вопрос: а кто спит? чей сон рождает чудовищ? спит ли *народ*? спят ли *депутаты* в парламенте? спит ли *правительство*? почему, когда кругом звонят тревожные звоночки, нет реакции?

Если врачи и юристы, которые должны соблюдать свою профессиональную этику, не хотят принимать — ни лечить, ни помочь юридическим советом — из-за того, что человек говорит на другом языке... Замените слово «русский» на слово «еврей», и вы получите *предфашизм*. Нет, еще не фашизм, но это время, когда нужна *необыкновенно высокая бдительность*.

Люди руководствуются страхом: страхом за себя, за свое место, за семью, за народ, за государство. Да, люди руководствуются *неправильными* представлениями, но откуда-то они эти неправильные представления берут!

Ничего нет лучше демократии. И мы как-то считаем, что она тут *навсегда*. Но, дожив до почтенных лет или будучи молодыми, вы занимаетесь сексом и никогда не думаете, что это *в последний раз*. И когда вы идете на выборы, вы тоже не думаете, что идете на выборы в последний раз.

Думали ли россияне в 1990 году, что это будут единственные выборы? Конечно, нет.

Нужны ли в Украине выборы сейчас, во время войны, или не нужны? Это сложный вопрос, на него еще нет ответа.

Конечно, лучше, если выборы проводятся часто, несмотря на то что и достаточно часто будет разочарование: вот мы [в Латвии] уже девять раз голосуем за парламент, и многим уже надоело. Но лучше чаще, чем настолько редко, как у наших «больших соседей». Все-таки выборы всегда дают *надежду*, которая, к сожалению, чаще всего не оправдывается.

Сколько бы я ни критиковал демократию, я все равно за демократию!

Сколько бы политики ни делали ошибок, все равно это единственный правильный путь, пока на нем не поставили знак «Въезд запрещен». Ведь цифровой авторитаризм возникает на глазах, когда возникает слезка за людьми, за их электронной почтой. Как только ваша

частная жизнь затрагивается электронно или по-другому, вы уже на пути, определенном Ханной Арендт, — на пути тоталитаризма. Потому что свободно только то общество, которое может защитить свою частную жизнь. А наша частная жизнь становится все более незащищенной.

Альтернативные факты, ложь, которая сейчас выплескивается на экраны, создают своего рода «племена», которые живут альтернативной жизнью и подвержены воздействию ненаучных теорий, теорий заговора, фейковых новостей.

Много раз уже считали, сколько процентов лжи содержится в речах Д. Трампа: в среднем 78% его сообщений лживы.

Мы находимся в том периоде развития человечества, когда мир начинает опять *разделяться* на два лагеря: демократический и авторитарный. И даже среди демократических стран появляются тенденции «сильной руки», ограничения демократических институтов и укрепления собственной власти. И я думаю, что этот процесс будет достаточно долгим. Он ускоряется наличием военных действий в Европе, а сейчас и в арабском мире. Но в арабском мире, несмотря на кажущуюся положительную тенденцию в развитии дипломатических отношений между Израилем и рядом арабских стран, фактически идет очень сильная подготовка к *экспорту авторитаризма*. Поскольку перемена транзитных путей нефти и газа создает невообразимое богатство, которое можно использовать привычным для них образом.

Демократия — это ежедневная работа. Каждый день, каждый час перед вами встают проблемы, которые решаются по-разному. Решения принимаются с разной степенью справедливости.

Я всегда высказываю точку зрения, что нет политических решений, которые были бы справедливыми. Потому что любое решение (независимо от того, сколько людей оно затрагивает) какую-то группу все же обделяет и ставит в более худшие условия.

Теория о наибольшем счастье для наибольшего количества людей кажется очень привлекательной. Принцип «наибольшее счастье для наибольшего количества людей» — мы видели четкое воплощение этой теории в нацистской Германии: наибольшее количество немцев стали наиболее счастливыми на некоторое время. Но кто-то при этом стал очень несчастным. Значит, эта формула не годится.

Существует другая формула: есть богатые люди, им столько денег не нужно, отнимем у них и отдадим тем, кто обижен и обделен, раздадим всем понемножку. 50 лет мы прожили такой жизнью в Советском Союзе по такому принципу. Хотя большинство денег, наверное, вообще не распределяли: они шли на военные и другие нужды. Но тем не менее общество казалось относительно справедливым: бедным, несчастным, несвободным, но относительно справедливым. И время от времени некоторые о нем по-прежнему мечтают.

*Свободно только
то общество, которое
может защитить свою
частную жизнь*

А ведь перед нами в 1990 году стоял этот вопрос: каким путем пойти?

И есть третий вариант: дать возможность работать и зарабатывать всем, кто талантлив и старателен, и если есть желание, помогать тем, кто нуждается. То есть не ограничить доходы, а дать свободу и построить более или менее справедливую систему помощи тем, кто отстает. Этой системой в основном и пользуется западный мир. В какой-то степени ее используют и коммунистический Китай, и Вьетнам.

Мне очень понравился подход китайцев, когда они вытаскивали из бедности сотни миллионов. Они не просто давали деньги, а создали службу, которая в каждом конкретном случае выясняет: одной семье нужна корова, другой семье нужны дорогие лекарства, третьей — компьютер. У них был конфуцианский подход: дать не рыбу, а удочку и научить ловить. Это очень положительный подход.

Сейчас на повестке дня еще один подход: универсальный базовый доход. Всем, независимо от того, работают они или нет, определенная сумма ежемесячных выплат от государства. Так экспериментирует Финляндия, например. Эта система введена в ряде других стран главным образом экспериментально. И предварительный результат от изучения универсального базового дохода в том, что люди чувствуют себя гораздо спокойнее. Даже алкоголики не тратят деньги на алкоголь, но все-таки сводят концы с концами. То есть эта система на подходе. Будет ли она широко распространена — по всей вероятности, нет. Но этот эксперимент в некоторой степени похож на то, что было в Советском Союзе.

Время моего выступления вышло, и двух других проводников — апостола Матфея и Одиссея — я оставлю на следующий раз.

Дискуссия: вопросы и ответы

Тимур: Вы упомянули необходимость выборов во время войны. Потому что как только власть поймет, что продолжительность ее существования зависит от войны, любая война будет длиться вечно. Это очевидно. Был ли у других стран опыт подобных вещей? Удалось ли кому-то провести выборы во время войны или в какой-то драматической, экстремальной ситуации?

В. Биркавс: На территории Латвии в 1918 году находились 18 армий, линия фронта разделяла Латвию на две части. В это время (в 1920 году) были проведены выборы Учредительного собрания, создано государство и, несмотря на войну, избран парламент.

Так что мы сами пример того, что во время войны это возможно. Потом еще пришлось добрать по Латгалии: в одной части Латгалии тогда еще была советская власть, поэтому затем пришлось провести дополнительно выборы. И шесть депутатов присоединились к парламенту несколько позже.

Я думаю, что во время демократических перемен война не мешала демократизации, потому что война скорее использовалась как возможность установить демократический порядок.

Даша, журналистка: Около месяца назад устройства сразу нескольких моих коллег журналистов были атакованы программой Pegasus, и есть основания полагать, что это было сделано при помощи спецслужб Латвии. Как это соотносится с теми словами, которые вы сказали о ценностях Латвийской республики, и будет ли Латвия как-то реагировать на это?

В. Биркавс: Я считаю, что политика Латвии по отношению к русскому языку и его носителям в настоящее время носит просоветский характер времен 1917 года. Это чистая большевизация, где есть только «друзья» и «враги», где есть только «богатые» и «бедные», где есть «плохие памятники» и «хорошие памятники». Где нет способности и, главное, желания найти компромисс.

Спецслужбы государству очень нужны, но с ними всегда возникают проблемы.

Антон: Вы, конечно, застали события восьмидесятых годов, когда страны Балтии и другие страны получили независимость от Советского Союза. Что было тогда источником вдохновения для радикализации в обществе? И, даже несмотря на вторжение, как это происходило в Чехословакии и Венгрии, была ли тогда уверенность в том, что им удастся добиться того, чего они хотели? И ведь процесс получения независимости был достигнут не средствами парламентаризма, а активной мобилизацией общества.

Когда можно действительно что-то решить путем выборов, а когда стоит выходить на улицы?

В. Биркавс: Здесь есть очень интересный парадокс. Наша знакомая после Песенной революции сказала: «Латыши — очень боязливый народ, и если бы не было радикалов, мы бы ничего не сделали. А радикалы были так активны, что и нам пришлось что-то сделать». Не надо следовать за радикалами. Но радикалы в тот период сыграли очень положительную роль в том, чтобы все проснулись. Это — во-первых.

*Это чистая большевизация,
где есть только «друзья» и
«враги», где нет способности
и, главное, желания найти
компромисс*

Во-вторых, можно много говорить на кухне с друзьями. Но до тех пор, пока люди говорят в узком кругу друзей, пока они не выйдут на улицу, ничего не изменится. Чтобы ситуация изменилась, люди должны выйти на улицу.

Я задам вопрос для размышления. Чаушеску сам призвал людей собраться на большой митинг, который в конце концов и привел к краху Румынской социалистической республики и к смерти Чаушеску и его жены. Он не нашел правильных слов. Подумайте про себя: что должен был тогда сказать Чаушеску на этом митинге, чтобы все повернулось не в его пользу, а в пользу тогдашних событий в Румынии?

Анна (Беларусь): Я «пассажир белорусского корабля», используя ваш образ. У белорусов очень большая проблема с кораблем: там прогнила каждая балка

и половица, он, очевидно, небезопасен для пассажиров. И плюс еще проблемы с командой: капитан безумен, он ведет корабль куда-то в Бермудский треугольник или на скалы — мы это не очень понимаем.

У меня вопрос: очевидно, что надо как-то эту проблему решать, чтобы корабль стал безопасным. Кто это должен делать? Пассажирам нужно сформировать новую команду, и это задача команды обезопасить корабль? Либо белорусам проще построить новый корабль самим, и тогда с чего начинать?

В. Биркавс: Можно я отвечу на следующем семинаре через год? Вопрос очень хороший. Я думаю, что любое решение устроило бы народ. Но ни одно из них пока невозможно. Война — существенное препятствие для дальнейших изменений.

Слава: Многие говорят, что реальность и взгляды общества в большой степени определяются историями, которые рассказываются. И, конечно, в том числе историями, которые рассказываются политиками. И зачастую побеждают те истории, которые рассказываются громко и определяют реальность в простых категориях. Таких историй все больше. Мой вопрос: как, на ваш взгляд, можно сохранять интерес и внимание к тем историям, которые не стремятся к упрощению?

В. Биркавс: Массы, как правило, воспринимают любую политическую теорию как лозунг. И эти лозунги обычно очень простые и очень эффективные. Часто они неверные, но среди них есть и верные. Я не надеюсь, что можно рассказать сложные и интересные истории — и масса пойдет за вами. Нужны

действительно простые, *упрощенные* истории, но в руках лидеров, которые имеют *дальнейшую программу*.

Я приведу пример сегодняшнего дня. Президент назначил нового премьер-министра сформировать правительство. Премьер достаточно как бы опытный. На самом деле, с чем она пришла к власти, совершенно непонятно. Никаких четких позиций перед тем, как стать премьером, у нее не было. Народ не понимает. И фраза «все для человека», которую она повторяет, входит в противоречие с тем, что она делает.

Нужны простые, упрощенные истории, но в руках лидеров, которые имеют дальнейшую программу

Поэтому и нужны программы партий *до выборов*. Для этого и нужно, чтобы *читали* эти программы, и у нас, кстати, это делается: люди читают. Но они не написаны так, чтобы увлекать. А самые увлекательные программы пишут те, кто вообще ничего в политике не смыслит, просто они хорошие рассказчики. И народ идет за ними и получает определенное разочарование.

Схема, о которой вы рассказали, она работающая и она действует эффективно, но она должна быть в правильных руках. И за человеком, который такой нарратив дает народу, должна стоять организация, достаточно сильная для реализации этих программ. Нельзя ответить на сложные вопросы упрощенно, но в политической борьбе это делается сплошь и рядом. И этого не избежать. Только организация и люди могут гарантировать реализацию более широкой и сложной программы.

Валда Подкалне (Valda Podkalne). Три облака. 2020

Виктор Мучник,
историк, журналист

Личные истории времен войны*

Журналистика, которой мы занимаемся, предполагает большую личную вовлеченность. И я начну с цитаты. Ей 2,5 тысячи лет: «Нынешняя война длилась очень долго, и в ходе ее сама Эллада испытала такие бедствия, каких никогда не знала ранее за такое же время. Никогда не было захвачено и разрушено столько городов...»

Автор этой цитаты — неудачливый полководец той войны и великий историк Фукидид. Тот, кто читал его историю, знает, что это суховатый, объективистский, нейтральный научный текст. Но в этом тексте есть очень личные фрагменты, которые пробиваются сквозь текст и придают ему большой драматизм.

И 2,5 тысячи лет спустя молодой англичанин, историк (его звали Арнольд Тойнби), листая газеты, которые писали о начавшейся мировой войне, катастрофе 1914 года, вспомнил этот фукидидовский фрагмент. И из сопереживания, «ой, я же об этом читал, это же уже было», из ощущения, что два времени неожиданно встретились, родилась его многотомная книга «Постижение истории» (A Study of History), дружно обруганная всеми коллегами. Тем не менее это один из самых известных исторических трудов, написанных в XX веке.

А я 24 февраля 2022 года думал про этих двоих. Так как когда-то, в «позапрошлой жизни», писал о Тойнби книжку. И еще вспомнил страницы из дневника своего деда, молодого врача, сверстника Тойнби. Он тогда же, в 1914 году, ужасался тому, что мир рухнул, и удивлялся, как быстро люди — цивилизованные немцы, как у него написано, — «соскользнули в варварство». Он был в ужасе от сожжения бельгийского Лёвена. Он, австрийский еврей, принявший

* Выступление на семинаре Школы в Праге 12 февраля 2024 г.

российское подданство, рвался на фронт и, как многие интеллигенты по обе стороны фронта, был охвачен тогда патриотическим порывом — правда, «чтобы не убивать, а исцелять» (он был врач). И я всегда был ему благодарен за эту ремарку.

24 февраля был суматошный день, я скроллил ленту, мы делали онлайн с войны. Искали каких-то людей, которые были готовы что-то сказать против войны, — в Томске тогда еще была эта возможность. Я успел написать своей киевской знакомой: «Как вы?» Она прислала несколько фоток — они сидели в бомбоубежище, — а потом смайлик и пишет: «Что-то я грустные фотки послала», — ничего, мол, прорвемся.

И было уже понятно, к чему дело идет (с точки зрения существования медиа). Было понятно, что нас закроют — впрочем, не впервые. Нашу телекомпанию ТВ2 закрыли первый раз в начале 2015 года, тоже отчасти в связи с начавшейся тогда войной. Потому что мы рассказывали не только про войну в Украине, у нас были и другие «грехи».

Так что было ясно — закроют. Но уже когда ты пошел по этой дороге и долго по ней идешь, с нее невозможно свернуть. Поэтому мы делали то, что делали, 10 дней, а потом нас заблокировали.

У меня есть ролик, как это было, когда нас закрыли (далее цитата из него).

«...Я всю ночь не спал. Пытался понять, читая наши соцсети за много-много лет. За все эти годы после закрытия ТВ2 мы не смогли донести людям, что происходит в стране. Мне вот это обидно... Читаешь комментарии — и там просто непрошибаемая вата в головах у людей. Я понимаю, что мы просто эту войну проиграли. Люди не хотят этого знать. Им нужны цветочки, птички. Сейчас закроют все СМИ по стране, и люди получат то, чего они хотели. Но они не понимают, что когда дойдет очередь до них, об этом никто не расскажет. Мне тяжело оттого, что мы все, кто хотел здесь что-то изменить к лучшему, сейчас в этот момент чувствуем, что мы не сумели это сделать. И оттого, что сейчас любой человек из России, говорящий на русском языке, становится врагом. Я отлично понимаю людей, живущих в Украине, которые спрашивают нас: «Почему вы не сумели это предотвратить?» Это, конечно, трудно отнести к себе. Блин, ты ж старался! Тебя из-за этого закрывают уже во второй раз! Но по факту ты же не сумел... Ужасно горько. Ужасно обидно от этого...»

И через два дня мы с женой Викторией уехали в Ереван — в общем, в никуда. У нас там были друзья, но было совершенно непонятно, что дальше. Мы сидели в Ереване, через некоторое время к нам приехали коллеги из другого города — наши старинные друзья по профессии и по жизни, у которых тоже похожая история: тоже медиа, которое тоже

*Но когда ты пошел
по этой дороге и долго
по ней идешь, с нее
невозможно свернуть*

закружили, и они тоже уехали. И вот мы обсуждали с ними, что game over, журналистика закончена. Давайте в Батуми откроем химчистку! Такой у нас был бизнес-план.

Но «человек предполагает, а Бог располагает», и мы отложили химчистку до других времен. Появились два медийных проекта: «Говорит НеМосква» и «24/02/2022. Очевидцы», про который я буду дальше рассказывать.

Проект «Очевидцы» появился первым. Он появился из темы сопереживания. За несколько лет до того меня потряс медийный проект радиостанции «Свобода». В 1967 году «Свобода» (к юбилею революции, как вы понимаете) записала свидетельства очевидцев той революции —

*Проект «Очевидцы»
появился первым.*

*Он появился из темы
сопереживания*

1917 года. И затем, спустя десятилетия, они их выложили снова. Не помню, когда это было — может быть, в 2017-м, что логично.

Я слушал этих людей, эту исчезнувшую русскую речь, эти удивительные детали жизни тех дней, которые переживали эти люди там, в Рос-

сии, с которой произошла катастрофа. Кто-то уже понимал, что это катастрофа, а кто-то еще не очень. Я слушал их, восхищался этими рассказами и думал: «А как было бы здорово, если бы к ним в 1917 году кто-то сунулся с микрофоном — тогда, в 1917-м! Сейчас все-таки прошло уже 50 лет, и на это уже наложился их жизненный и исторический опыт, и они уже как-то оценивают эти события. А если бы были записи 1917 года — послушать бы их!» И, собственно, «Очевидцы» родились из этой мысли.

То, что происходит здесь и сейчас, — это катастрофа. Она сопоставима с 1917 годом, она сопоставима с августом 1914-го, с сентябрем 1939-го. И есть люди, есть микрофон, видеокамера, переживания людей, их мысли по поводу происходящего. К ним можно подойти и их записать.

Вообще главное слово тут даже не «мысли», а «переживания». Потому что наши мысли — даже самые умные, самые оригинальные, самые нетривиальные — иногда как-то упраздняются течением истории, мне кажется. Даже когда мы листаем свой собственный фейсбук пятилетней давности, у нас уже возникает дистанция по отношению к тем мыслям, которые пять лет назад казались нам очень интересными. А переживания — это то, что остается истинным через годы, через сотни лет. Мы можем условно сопереживать Гильгамешу, который жил 5 тысяч лет назад. Мы можем сопереживать Иову. Мы можем сопереживать Приаму из «Илиады». Конечно, переживания задаются определенной культурной рамкой, но все-таки они гораздо более сохранены в истории.

И главная тема наших «Очевидцев» — это тема эмоций, сопереживаний и мыслей по поводу. Наши собеседники — очень разные люди. Иногда достаточно известные: политики, бизнесмены, музыканты, философы, историки, журналисты, медийные люди. Но чаще всего

подавляющее большинство наших собеседников — это люди, которые человека с камерой встретили первый раз в жизни: он к ним подошел и попросил рассказать, что они думают и чувствуют по поводу происходящего.

Вот, например, российский дальнобойщик, который в самом начале войны у себя на балконе вывесил флаг Украины, но потом огреб как полагается. Он сумел уехать.

Врач Володя — прекрасный микрохирург. У него в жизни было все хорошо. Очень уважаемый специалист, хорошо зарабатывающий. Дом, недавно построенный своими руками. Мебель, вырезанная своими руками. Жена, дети. И вот он говорит про коллег: «Я не мог слышать в операционной, что они говорят! У меня руки тряслись. Я поэтому уехал».

Бабушка из Харькова, которая видела немцев в Харькове, а сейчас к ней пришел «русский мир».

Еще одна женщина, украинка. У них самодеятельность, она любила русские песни, они пели там все вместе. Она говорит: «Я этих песен теперь никогда уже петь не буду». Мы спрашиваем ее: «Но вы же с нами по-русски говорите?» А она как-то распахивается, даже как-то смеется и говорит: «Ну я что, дура, что ли? Я же к русской аудитории обращаюсь. Конечно, я хочу, чтобы они меня услышали, поэтому я говорю по-русски».

Офицер ВСУ. Это отдельная история. Один из наших первых респондентов. В прошлом — бизнесмен. Мы его записали прямо из окопа, он сидит во всем снаряжении. Он наговорил там много чего резкого про русских, про Россию, и это понятно: он же на фронте. И вот мы обсуждали с женой (она с ним разговаривала), как показать эту историю, и тут она получает от него письмо. Он пишет: «Извините, я говорил с Вами и наговорил много резкого. Я понимаю на самом деле, что русские разные. Просто у меня друг погиб. Вы простите меня!» И у меня горло перехватило, я подумал: «Черт! Этот парень, который сейчас сидит в окопах, рефлексит гораздо больше, чем те люди в фейсбуке, которых я читаю! Он рефлексит, следит за своими словами!»

Сначала мы разговаривали с гражданами России. Но в какой-то момент поняли, что в этом проекте важно говорить с украинцами, что надо попробовать, хотя было еще непонятно, как получится. По-журналистски это, естественно, было понятно с самого начала, но было непонятно, можно ли. И я бесконечно благодарен нашим украинским собеседникам за то, что они соглашаются разговаривать с русскими журналистами. У нас много интервью с ними. На ютьюбе (а это основная часть нашего медиа) больше 10% аудитории — это украинская аудитория. В фейсбуке около 62% составляет украинская аудитория. То есть она у нас есть везде. И я счастлив, что у нас есть эта коммуникация и с украинскими собеседниками, и с украинской аудиторией, которая реагирует на то, что мы делаем: пишет, комментирует. Это для нас очень важно.

Про что эта история, про которую я рассказываю? Это история людей, жизнь которых изменилась 24 февраля. Это их переживания и мысли по поводу войны. Это их ответы на вопросы о виновниках этой войны. Это рассуждения о возможности противостоять злу. Это рассказы о

Я счастлив, что у нас есть эта коммуникация и с украинской аудиторией, которая реагирует на то, что мы делаем: пишет, комментирует

каких-то бытовых деталях, которые им запомнились в это время, и очень важно эти детали как-то сохранить. Это их страхи, это их надежды. И, в общем, это ответы на традиционные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». И, как обычно, на вопрос «Кто виноват?» люди находят

ответы гораздо легче, чем на вопрос «Что, собственно, нам со всем этим делать?». Это трудный вопрос. И когда он задается, то видно, как трудно людям на него отвечать. Но мы задаем этот вопрос в числе прочих тоже, он важен. У нас есть сетка типичных вопросов. Но, конечно, каждому человеку мы стараемся задавать и вопросы, связанные с его биографией, его судьбой, профессией, потому что ведь важно, чтоб он рассказал личную историю. В общем, мы пытаемся сохранить этого человека для истории.

Еще раз подчеркну, что большинство собеседников никогда не имели дела с камерой и с журналистами.

История, как вы знаете, несправедлива. Она несправедлива в том смысле, что в ней всегда, на протяжении сотен лет, больше звучат голоса тех, кто находится наверху. Это данность. Например, мы читаем «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря и видим войну глазами Юлия Цезаря. Там кое-что еще написал Витрувий, архитектор, который во время

Сейчас новые средства коммуникации создают уникальную возможность сохранить в истории голоса очень многих людей

этой войны отвечал за артиллерию. Но все-таки это война глазами Юлия Цезаря, а не его легионера и уж тем более не галлов, к которым они пришли со всем этим «счастьем».

В XX веке этот перекокс постепенно стал чуть-чуть упраздняться и возникли целые

направления — истории тех, кто раньше голоса не имел. Появились самые разные истории — я не буду на этом останавливаться, но по факту это так. И сейчас новые средства коммуникации создают уникальную возможность сохранить в истории голоса очень многих людей, которые раньше никогда бы не сохранились.

Один историк, занимавшийся Францией, как-то заметил: «Я отдал бы тома заседаний Конвента за дневничок парижской кухарки того времени».

И сейчас у нас совершенно уникальная возможность сохранить «дневничок этой кухарки» для будущих поколений благодаря мобильнику, камере, микрофону. Этим мы и занимаемся, собственно говоря.

Джой Уэбб (Joe Webb). Объятие. 2015

«Очевидцы» замышлялись скорее как исторический проект, задача которого — задокументировать происходящее. Но довольно скоро мы поняли, что «Очевидцы» являются востребованным медиа. Мы просто увидели, как растет аудитория. Она росла достаточно быстро; мы поняли, что есть серьезный запрос на это дело. И сейчас как медиа «Очевидцы» представляют собой публикацию пяти видеоподкастов плюс 2–3 писем в неделю. На сегодня есть уже около 400 видеоподкастов и около 200 писем. На ютьюбе у «Очевидцев» 280 тысяч подписчиков и в среднем 4–5 млн просмотров в месяц (если ничего не выстреливает), разные другие соцсети и сайт. То есть это медиа.

В связи с тем, что это медийная история, возникает некоторое противоречие между медийностью и документированием: эти интервью — монтируемые. Это, безусловно, понятно тем, кто занимается журналистикой. Ты выдаешь не сырой материал, а все-таки его обрабатываешь. Но мы позаботились о будущих историках и сохраняем исходники. Я

еще не знаю, куда мы все это выложим, ведь это большой объем и он все время растет. Но исходники мы сохраняем: пригодятся кому-нибудь лет через 100, я надеюсь.

Письма. С какого-то момента возникла проблема с теми, кто в России. Сразу скажу: как только начались первые публикации и интервью, нам стали писать люди из России. Вот, например, женщина-врач Мария

Задачи, которые мы пытаемся решить. Первая – документация эмоций и мыслей военного времени. Вторая – очень важная: психологическая помощь антивоенно и оппозиционно настроенным людям в Российской Федерации

Корф (мы с ней знакомы). После второй или третьей публикации «Очевидцев» она написала мне письмо о том, что хочет высказаться. И мы тогда говорили людям, что можем обеспечить им анонимность высказывания, снять со спины, изменить голос, а их имена сохранить для себя. Но наши русские собеседники говорили: «Нет! Наоборот, нам важно высказаться публично». И мы предоставляли людям такую возможность в течение нескольких месяцев. Но затем право-

разрушительная практика в России стала такая, что мы сами приняли решение о том, что повременим записывать людей из России, потому что любое их интервью становится составом преступления. И даже есть люди — безотносительно к их воле, — которые сейчас хотят высказаться, но я уже не уверен, что мы хотим, чтобы наше видео использовалось как аргумент на уголовном процессе.

Поэтому мы поменяли формат общения с нашей аудиторией, находящейся в России: сейчас мы просим их писать письма. Они пишут письма. Это реальные люди. Тут отдельная журналистская работа: надо провести верификацию человека, который написал. Надо убедиться, что это реальный человек. И надо убедиться, что факты, о которых он пишет, хоть как-то соотносятся с реальностью. Мы пытаемся это делать. Работа с этими письмами — непростая задача, но если говорить о тех русских, которые там, то сейчас наше общение такое. Нам приходилось уже 2–3 интервью убирать из ютьюба, потому что к людям приходили. Люди переписывались с нами по этому поводу, и мы говорили — да и сейчас говорим, — что если по каким-то причинам надо будет скрыть интервью, то мы скроем. Потому что обстоятельства меняются. У кого-то есть родные, приходят к родным. Это нас беспокоит, безопасность наших респондентов для нас важна.

Но мы продолжаем. Мы продолжаем записывать людей и продолжаем задавать им вопросы.

Меня попросили немножко рассказать про «Очевидцев» на сессии «В поисках утраченного универсализма». Я 5–7 минут порассказывал, и соседка по панели, молодая девушка-эмигрантка, ткнула меня в бок и говорит: «Я вам очень благодарна за этот проект лично. У меня мама

живет в небольшой деревне неподалеку от Рязани, она постоянно смотрит ваших “Очевидцев” и говорит, что это единственное, что дает ей возможность не сойти с ума». И я отлично понимаю, о чем это. Многие наши респонденты в России оказались в полной изоляции. Еще вчера у тебя были друзья, были люди, которые, как тебе казалось, разделяют с тобой базовые ценности. Еще вчера у тебя были нормальные коллеги, с которыми ты выпивал, работал, сидел за одним столом, вы играли в футбол...

Одна из наших респонденток, парашютистка, рассказывала: «Это же были такие люди! Хорошие! Я с ними летала! Я на них полагалась, я понимала, что они помогут. И что с ними случилось?» Она себя ощущает вырванной из жизни, она одна. И таких людей много. И поэтому наша история помогает.

Третья задача — создание комьюнити. Создание сообщества людей, объединенных сходным пониманием природы этой войны.

И это попытка диалога через фронт, попытка разговора граждан России и Украины, очень трудного сейчас, в какой-то части почти невозможного. Но мы видим в своих соцсетях, что этот разговор так или иначе происходит.

Одна женщина, украинка (у нее и с Россией много связано), посмотрела интервью с замечательной российской журналисткой Леной Костюченко и написала: «Я после 24 февраля каждый день плачу. А посмотрела это интервью, и меня словно кто-то по голове погладил. Я увидела нормального человека из России». Вот эта функция для нас тоже очень важна. Это все можно увидеть на <https://ochevidcy.com/>

Мы будем благодарны вам, если вы зайдете, посмотрите и подпишитесь. Может быть, у кого-то из вас есть личная история для этого проекта — мы вас запишем.

*Третья задача попытка
диалога через фронт,
попытка разговора
граждан России и Украины,
очень трудного сейчас*

Дискуссия: вопросы и ответы

Абы: Историки, как правило, при анализе используют разный спектр, разные точки зрения на проблему. Есть и добрая, и злая сторона. Была ли у вас идея, чтобы очевидцами были и те, у кого восторженные отзывы о войне, может быть, какой-то военный человек со стороны России, какой-нибудь преступник? Если нет, то почему вы от этого отказались?

Юлия (Украина): Вопрос о России. Вы как медийная личность, которая общается с большим количеством своих сограждан, которые остались в России, хотя живете вне России... Мне интересно... 24 февраля Россия поделилась на два лагеря: те, кто поддерживал войну, и те, кто не поддерживал. Неважно, говорили открыто об этом или нет. Внутри

себя каждый понимал, он за или против. Как вы считаете: это соотношение меняется? Люди в душе меняются? Что происходит с обществом? Или люди так и остались на том же уровне по своему внутреннему убеждению, кто поддерживал и кто не поддерживал?

Ксения: Я смотрела ТВ2, возможно, с самого первого выпуска, мы земляки. На моих глазах ТВ2 превратилась в настоящую качественную, серьезную компанию. Сейчас, когда все закончилось и появилось несколько новых проектов, возможно ли в будущем возвращение к формату телеканала?

Виктор Мучник: Вопрос Абы — очень правильный и точный, который возник с первого дня. По первой профессии я историк, и мне написал один из моих студентов: «Ведь две стороны. Почему не записываем тех, кто поддерживает войну?»

*То, что у людей в голове
творится, — это одно,
а их социальное поведение —
это другое*

Я не скажу, что я не думал про это. Для себя я решил, что не хочу тратить ресурсы на то, чтобы записывать тех, кто сегодня топит в России за войну. Я не хочу этого делать по нескольким причинам. Во-первых, мне неинтересно. Во-вторых, у этих людей сейчас более чем достаточно в России площадок, чтобы высказать свою позицию.

Я очень ценю Дудя как профессионала. И слушал несколько интервью, где он разговаривает с людьми с такой позицией и пытается вытянуть из них что-то интересное, личное. Эти интервью показывают, что такие люди не могут

сказать почти ничего личного: они в течение часа просто воспроизводят один за другим всем знакомые стереотипы.

Кроме того, замечу важное: у нас на ютьюбе есть опция комментариев, и туда все они большой толпой приходят, чтобы изложить, что они думают по поводу текущего политического момента. Мы баним откровенное хамство, когда видим и доходят руки, но, в принципе, все они там есть — пожалуйста! Я думаю, кто-нибудь уже в ближайшем будущем напишет книгу наподобие «Язык Третьего рейха» на русском материале. Возможно, это будет знакомая многим Саша Архипова. Она уже пишет что-то такое. Вот пожалуйста, систематизируйте комментарии на нашем ютьюб-канале.

Вопрос о том, как меняются лагеря сторонников и противников войны. Как вы понимаете, никакой достоверной социологии у нас нет. Есть только личные ощущения, и они двоякие. С одной стороны, происходит рутинизация войны.

Недавно мы анонимно опубликовали очень грустное письмо знакомого мне человека из Томска. Он дал четыре портрета людей, это четыре портрета конформизма. В начале войны один повесил черную аватарку. Другой ходил на митинги Навального и в самом начале войны уехал, а потом вернулся. Третья во время мобилизации быстро увезла сына в Среднюю Азию, откуда она родом, а сама осталась. И так далее. То есть это все люди, которые в начале войны ужаснулись, а теперь вписались. И сейчас один плетет какие-то маскировочные сети. Другая фальсифицирует голосование. А учитель, который уехал и вернулся, сейчас ведет уроки «Разговоры о важном».

Это, безусловно, есть. Человек слаб. И то, что у людей в голове творится, — это одно, а их социальное поведение — это другое.

С другой стороны, мы видим историю, когда люди меняются в другую сторону в результате жизненного опыта и в силу возраста. Мы знаем людей, которые когда-то в молодости были в «Молодой гвардии», а потом пришли в оппозицию.

То есть люди очень разные. Никакой достоверной социологии у меня нет — есть только ощущения двойственности процесса.

К великому сожалению, рутинизация войны происходит. И происходит то, что люди привыкают. Кстати, одна из задач «Очевидцев» — подталкивать людей не привыкать.

Третий вопрос о том, можно ли в Томске возродить телеканал. Совершенно очевидно, что не при этой власти. Я не знаю... Мы спрашиваем иногда эмигрантов, хотят ли они вернуться в Россию? Это же вопрос на самом деле. И когда мы уезжали, у нас было ощущение, что мы, безусловно, вернемся. А сейчас прошло почти два года. Я убежден, что эта власть рухнет. И я очень скучаю не по России. 20 лет назад, когда меня за границей спрашивали: «Where are you from?» — я обычно отвечал: «Siberia», у меня такая идентичность. Меня тогда переспрашивали: «Сербия?» — и у нас завязывался интересный разговор про это. Я скучаю по Томску, по Сибири. В Томске я прожил всю жизнь. Но я не знаю, хочу ли я встречаться со своим соседом, депутатом Государственной думы РФ.

Мы с ним встретились возле лифта, когда он проголосовал за очередное***, а мы еще не успели уехать. И он

так сжался, кивнул «здрасьте», прошел мимо. Вот так немножко неловко мы с ним расстались.

Не знаю, хочу ли я его увидеть. Он пластичный, он будет в первых рядах тех, которые скажут: «Мы ошибались. Простите нас. Такое было время. Сейчас мы все осознали. Мы раскаиваемся», а я не знаю, хочу я слушать его или нет. Надо мне это в моей оставшейся жизни или уже не надо?

Вот это, собственно, ответ на вопрос, будем ли мы реставрировать телекомпанию, даже если нам дадут эфир.

После того как телекомпанию грохнули, я скучаю по телевидению, оно мне снится до сих пор. Прошло уже семь лет, я скучаю по павильону, мне снятся телевизионные планерки. Но в интернете тоже интересно. Новая жизнь: я сейчас себя ощущаю так, как ощущал в 1990 году, когда пришел из университета и осваивал искусство линейного монтажа.

Катя: Я с Алтая и не раз была в Томске. В прошлом году я встретила сестрой в другой стране, потому что в Россию я приехать не могу. И я попыталась понять, в каком состоянии находятся простые обыватели в провинции. У меня возникло четкое ощущение, что запрос у людей не на мир, а на «верните, как было», — это сильно прослеживалось в формулировках сестры. Возникло ощущение, что тот общественный договор, который был: «Вы не лезьте к нам, и мы к вам не лезем», такая сепарация от государства, такая авторитарная атомизация, как мы знаем, начинает перетекать в плоскость большей включенности. Мы видим эту трансформацию режима в тоталитаризм, когда от людей требуют большей включенности в какие-то процессы и уже не терпят

просто отстраненного состояния. И запрос на «верните, как было». Есть ли у вас такое чувство, понимание, впечатление от тех сообщений, которые вы получаете?

*История с Надеждиным,
его выборами показала,
что запрос на возможность
выразить свое недовольство
происходящим есть
у многих людей*

Виктор Мучник: Я бы сказал, что такой запрос есть, но он есть в числе прочих. Это, опять же, субъективное ощущение, нет никакой достоверной социологии. Но пока нет такого, чтобы от этого «верните, как было» люди перешли в фазу активного сопротивления. Это же такое субъективное ощущение: черт, было же неплохо, можно было в Турцию смотаться. Можно и

сейчас, но уже дороже. Можно было в Венецию съездить, но уже не обломится. Какое-то такое раздражение есть. Но чтобы это раздражение облеклось во что-то серьезное, такого ощущения у меня пока нет.

В то же время история с Надеждиным, его выборами... понятно, что это за человек, и понятно, что говорил, но эта история показала, что запрос на возможность выразить свое недовольство происходящим есть у многих людей. Но по возможности, чтобы за этим не последовали какие-то прямые санкции силовиков.

И я ни в коей мере не осуждаю людей, которые не хотят в тюрьму. Сейчас наша очень близкая знакомая в тюрьме, девять лет... Она пишет оттуда бодрые, смешные, веселые письма — она вообще очень хороший человек, живой... Ксюша. Но я никому не желаю этого, и я понимаю людей. Но запрос есть.

Белоусов – идеолог*

*Андрей В. Колесников,
журналист, политолог*

В позднесоветские годы вера в возможность рассчитать оптимальные пропорции развития экономики была схожа с религиозной. Даже стенгазета в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) называлась «За оптимум!». Советская математическая школа присутствовала в самых разных структурах — от того же ЦЭМИ до Главного вычислительного центра Госплана, причем они интенсивно конкурировали за, как сказали бы сейчас, госзаказ: например, за то, кому разрабатывать Автоматизированную систему плановых расчетов (АСПР), развернулась настоящая аппаратная битва. АСУ, ОГАС, СОФЭ — все эти загадочные аббревиатуры крутились вокруг поиска волшебного Грааля оптимального развития и совершенствования планирования экономики. Что породило, в свою очередь, карикатурные названия различных советских научных учреждений: ВНИИПОУ (Всесоюзный научно-исследовательский институт проблем организации и управления) соседствовал с ЦНИИТЭСТРОМ (Центральный институт научно-технической информации и экономики промышленности строительных материалов). Особого мастерства советские экономисты достигли в построении межотраслевых балансов (МОБ). Один из его разработчиков, получивших Госпремию в 1968 году, Владимир Викторович Коссов, по сию пору является ординарным профессором ВШЭ. Специалистом по межотраслевым моделям был и первый министр экономики России в правительстве Гайдара Андрей Нечаев.

Так что волшебный «из вереска напиток» вовсе не забыт. Но его заменил рынок. Причем настолько успешно, что даже насилие над экономикой, прямо вытекающее из затрат на все военное и ломки

* См.: <https://newtimes.ru/articles/detail/247360>

экономической структуры в период «спецоперации», ее не обрушило — а именно это фатальным образом произошло с экономикой советской, среди прочего не выдержавшей груза военных расходов.

Между пушками и маслом

Но если советская власть требовала от экономистов межотраслевых балансов, то теперь Путин ставит не менее амбициозную задачу — найти баланс между пушками и маслом. На масло денег не остается совсем, но им занимается рыночный сектор, так что со столов оно не исчезнет — спасибо «предателям» из 1990-х годов, и особенно Егору Тимуровичу Гайдари. Однако объем расходов на пушки таков, что уже почти достиг масштабов позднего СССР: формально в доле ВВП он немного меньше, но когда начальство оглашает цифры, оно умалчивает о том, что почти четверть всех расходов федерального бюджета — секретная. Никакого секрета в этой секретности нет — деньги идут на то, что стыдливо называется «обороной и безопасностью», и поддержание штанов тех, кто угрозы в этой сфере успешно продает государству в обмен на финансовое обеспечение.

Пожалуй, межотраслевой баланс у нас теперь такой, что покойные академики Василий Яременко и Александр Анчишкин пришли бы в ужас: это не баланс, а дисбаланс. Но именно сопровождение этого (дис)баланса поручено наследнику советской экономико-математической школы Андрею Белоусову. Исходя из презумпции, согласно которой, если все правильно посчитать, можно избежать просчетов, а заодно сделать военную экономику драйвером экономики в целом и гражданского сектора в частности с последующим достижением «технологического суверенитета». Что, заметим попутно, не подтверждается историей советского и постсоветского экономического развития. Однако главного кремлевского мечтателя это не пугает — у СССР не получилось, зато у него получится, а Белоусов, одно время сотрудник Анчишкина и потому младший коллега Шохина, Нечаева, Гайдара, успех обеспечит.

Новая религия

Эта вера и впрямь граничит по своей страсти с особой религией. Или — что является родственным понятием — идеологией. Вера в безупречный результат правильно подсчитанных государственных расходов на военные железки и стеклышки (то есть квазирационального, непроизводительного, непродуктивного расходования средств налогоплательщиков) не может в современном мире, далеко ушедшем от таких представлений, существовать без соответствующей политической рамки и идеологических обоснований. Рамка, предполагающая такой абсурдный масштаб трат на все военное, — это неизбежным образом автократия. Идеологическое обеспечение — представление об особой миссии, особом пути, особом культурном коде России. Причем за все

это хлопотное хозяйство надо в буквальном смысле воевать — физически, физиологически и идеологически. Война превращается в перманентный фактор «развития».

Еще в 1990-е годы сослуживец Белоусова Гайдар в ряде работ рассматривал возможность такого хода событий. Три десятка лет тому назад он предсказал ровно то, что и случилось сейчас: началась бессмысленная бойня, которая привела одновременно к «конвульсивному сжатию политической демократии» и «конвульсивному расширению государственного регулирования экономики». Вот, собственно, и все.

Социалистическая утопия математического оптимума на базе войны — а именно так следует охарактеризовать путинский план до 2030 года и на «перспективу» до 2036-го — не оборачивается полной катастрофой прямо сейчас исключительно благодаря капитализму и действию законов рынка. Иначе бы такой план ничем бы не отличался от советской Комплексной программы научно-технического прогресса, «братской могилы» умственных затрат экономистов из всех возможных НИИЧАВО.

*Рассуждения Белоусова
вполне банальны для
путинского чиновника,
идущего в идеологическом
мейнстриме*

«Государство берет на себя...»

Предположение, согласно которому математический утопизм «военного кейнсианства» должен иметь ультраконсервативную идеологическую подкладку, подтверждается высказываниями самого Белоусова. Год назад, во время Санкт-Петербургского экономического форума, будущий министр обороны уже предъявлял свое видение будущего. И оно вписывается в путинские представления о благе автаркии и претензии России на особость, то есть все ту же формулу «православие — самодержавие — народность» имени графа Уварова.

В своих тогдашних выступлениях и интервью нынешний Андрей Белоусов настаивал на поисках и утверждении Россией своей «самости». Процесс, с его точки зрения, осложнен тем, что путинская Россия определяет себя как анти-Запад, что неправильно — снова самоидентификация происходит через отношение к Западу. Это, заметим, естественно, потому что идентичность путинской России, как и всех национал-имперских проектов до того, начиная с XIX века, определялась как негативная — в зависимости от отношения к тому самому Западу.

Опять же, заметим в скобках: никакой идентичности и искать не надо — у Российской Федерации, о чем постоянно забывают ее руководители, есть Конституция. И там все ценности российские собраны в первой и во второй главах. Они точно не «традиционные», они — универсалистские, то есть западные. Чтобы отказаться от Запада, режиму Путина нужно изменить — причем радикально — Конституцию РФ.

*Чтобы отказаться
от Запада, режиму
Путина нужно
изменить – причем
радикально –
Конституцию РФ*

Рассуждения Белоусова вполне банальны для путинского чиновника, идущего в идеологическом мейнстриме: «...самость должна проявиться у всех стран, которые обладают суверенностью. У тех стран, которые суверенностью не обладают, она по определению проявиться не может. Какие-нибудь многоуважаемые мной глубоко Нидерланды — они не обладают суверенитетом».

Голландский гений Йохан Хейзинга, заключенный в тюрьму при нацистской оккупации, пожалуй, с этим бы поспорил. Кстати, как раз в те темные времена он писал о химере «технологического суверенитета» в диктатурах: варварство вполне может сочетаться с техническим совершенством. После оккупации Голландия снова стала суверенной, затем вошла в европейский концерт наций. Единая Европа создавалась для того, чтобы в дальнейшем мир избегал войны и массовой гибели людей, и это совершенно не умаляло суверенитета Нидерландов, не отнимало у страны историю живописи и архитектуры, культуру и язык (точнее, многообразие языков).

Голландия не воюет, как и другие демократии не воюют друг с другом. В этом прикладной смысл демократии, которая последовательно уничтожалась российской властью в течение четверти века. Ни одного научного или даже публицистического признака отсутствия суверенитета у Голландии, естественно, нет. Но, с точки зрения путинистов, страны и нации, не противопоставляющие себя общечеловеческим ценностям (еще раз — записанным в Конституции РФ), причем в том числе военными методами, не являются суверенными.

Далее: «Но самое главное необходимое условие для нашей самости — это огромная культура. У нас есть собственный культурный код. Собственная культурная идентичность, которой нет у подавляющего большинства стран и народов».

Вся эта высокомерная дугинщина с квазинаучным путинизмом и изоляционизмом слишком банальна. У большинства народов нет культурной идентичности, а у нас есть Достоевский! Да, вы догадались, следующим шагом в рассуждениях идет Достоевский. Как сказал бы на это Толстой Л. Н.: «Опомнитесь!»

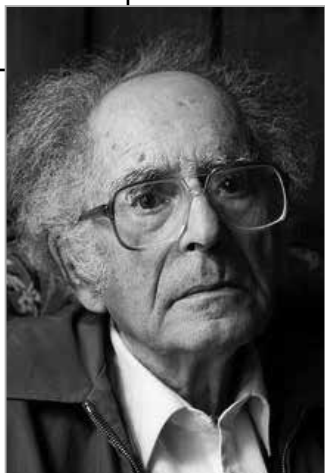
Ну и программа действий: «Нам надо, чтобы люди почувствовали, что они являются носителями этого культурного кода. Через механизмы, через патриотизм, через воспитание людей, через опыт отцов и дедов... Если мы эту задачу решим, то задачи экономики вторичны».

Надо же — математический экономист отказывается от экономического детерминизма. Говоря в марксистских терминах, надстройка оказывается важнее базиса. Точнее, они друг другу полностью соответствуют, как части пазла. Одно предполагает другое: без самостийного «культурного кода» нет военной экономики, и наоборот.

Здесь можно было бы уже остановиться. Но вот еще одно важное признание: «...в наших условиях государство — это не ночной сторож и даже не баланс между обществом и государством. Государство берет на себя многие функции гражданского общества. Так уж получилось. К сожалению, исторически так получилось». Именно что к сожалению. Но не исторически получилось, а в результате установления Путиным авторитарного режима и объявленной им жесточайшей войны против гражданского общества, активно поддержанной официальной православной церковью, адептом которой является и Белоусов. Что естественным образом завершает картину.

Недолгий сослуживец Белоусова по Институту экономики и прогнозирования научно-технического прогресса (ИЭПНТП) по фамилии Гайдар как раз тридцать лет назад и писал о том, что развитие России станет возможным только в том случае, если гражданское общество эмансипируется от государства. Он говорил даже несколько иначе: государство колонизировало гражданское общество. А значит, ему нужна деколонизация.

Тогда и развитие будет. И экономика станет нормальной. И люди перестанут бессмысленно погибать в XXI веке. И их не будут сажать в тюрьмы на десятилетия по абсурдным обвинениям за взгляды, противоречащие конспирологическим теориям, культу жертвенной смерти за Путина и доктрине «самости». И «народосбережение» состоится. И Конституция России заработает без всяких математических формул. А уж сколько денег останется на развитие человеческого капитала, на здравоохранение и образование — так сразу и не сосчитать...

*Григорий Померанц
(1918–2013),
российский философ,
писатель, эссеист*

Трагические события на Кавказе и в Югославии, в Африке и в Индии неверно было бы рассматривать как чисто местные взрывы. Взрываются идеи, завезенные с Запада или возникшие после встречи с Западом.

Когда Карамзин ввел слово «развитие» (кальку с французского *développement*), Шишков возразил, что развитие — это развитие, расщепление веревки, и ничего хорошего здесь нет. Он отчасти прав. Развитие предполагает дифференциацию без разрушения цельности, например — развитие ребенка в мужчину или женщину. Он или она приобретают новые физические черты, множество знаний и способностей, но остаются самими собой. Такова норма. К сожалению, общество не гарантировано от развала. Примитивные общества необычайно устойчивы. Цивилизации рушились одна за другой. Только очень немногие сумели найти выход из великого кризиса Древности; и сегодня нам угрожает новый великий кризис.

Зерно кризиса несла в себе уже письменность. Она позволила культуре распознаться по тысячам частных дорог, и человек, блуждая по этим дорогам, терял целое, терял главное. Письменность позволила создать имперскую администрацию и объединить десятки племен и народов под одним управлением. В имперских центрах и в торговых городах смешивались люди всех племен и расшатывались племенные нормы. Торговый, административный и (в Индии) жреческий разум поднялся до вопросов, на которые раньше отвечал только миф, и пытался создать системы, основанные на логике. Таких философских систем оказались десятки; общим итогом был скептицизм.

---

* Сводный текст доклада и трех выступлений на конференции «Регионы в кризисе», созванной в Ко (Швейцария) Обществом морального перевооружения 13–27 августа 1994 г. Опубликовано: Г. Померанц. Выход из транса. — М.: Изд-во «Юрист», 1995 г.

Истина затерялась среди множества истин. Общество держалось на привычках, сложившихся до распространения письменности, до имперского права, до философии. Но шаг за шагом шел упадок нравов.

Тогда религиозный процесс, оставив племенные культы, принес откровение, обращенное к каждому, к отдельному человеку, к личности. Несть во Христе ни эллина, ни иудея. Несть племен в буддизме, в исламе. На основе откровения возникла Главная Книга, Святое Писание. Можно было не вникать в споры философов и читать только Писание, выполнять только его заповеди. Все великие коалиции культур, вышедшие из кризиса древности, опираются на такую Главную Книгу. Мусульмане правильно называют христиан и иудеев Народами Книги (Книги, а не книг. Книги были в Александрийской библиотеке. Цивилизации, перешедшие из древности в средние века, опирались на Книгу).

Развитие никогда не бывает простым движением от плохого к лучшему. Вместе с новым добром возникает новое зло. Все время надо искать, чем уравновесить новое зло.

Стоит потрудиться, чтобы страна нашла правильный выход. Это всемирно-историческая задача. И рынок, представительная демократия и т.п. — только условия для развития «сильно развитой личности» (Достоевский), способной участвовать в решении мировой задачи.

Многие трудности России, на первый взгляд частные, имеют всеобщий характер. Мы непосредственно, у себя дома, сталкиваемся с соперничеством мировых религий, с ростом отчуждения и ненависти между исповеданиями, ставшими чем-то вроде враждебных племен, и с племенными распряями. Мы непосредственно граничим с двумя незападными цивилизациями, да и Запад не совсем наш. Еще Чаадаев поставил перед Россией задачу диалога со своими великими соседями. Каждая удача на пути к мировой солидарности и к общему равновесию с природой имеет глобальное значение. Каждый провал открывает ворота хаоса. Пока что удач мало, провалы — каждый день.

От нынешних имперских экспериментов и страшно, и стыдно. Страшно, потому что г. Бендеры и Москва не разделены океаном. И стыдно за грязные войны. Кругу «Дня» и «Завтра» не стыдно. Эти люди воспевали подвиги воинов-интернационалистов, а сейчас — стыдно, что такие подвиги прекратились, что Европа освободилась от страха русского вторжения. Им хочется восстановить старый образ величия. Мне хочется нового. Традиция — не только мощи, к которым прикладываются, боясь тронуть. Традиция несет в себе возможности, которые

Развитие никогда не бывает простым движением от плохого к лучшему. Вместе с новым добром возникает новое зло

От нынешних имперских экспериментов и страшно, и стыдно. Страшно, потому что г. Бендеры и Москва не разделены океаном. И стыдно за грязные войны

надо использовать, не боясь ошибок, не боясь ересей. Ересь — это первый неловкий шаг на новом пути, первое, слишком прямолинейное решение; оно ценно как постановка вопроса. Ни одна догма не родилась без предшествующей ереси.

Догма — ответ на ересь, ответ с большей, не сразу откликнувшейся глубины. Когда страх ереси сковал церковь, догматическое творчество прекратилось. И остались замороженными в текст открытия ранневизантийской мысли — категории тринитарного мышления: единосущность, равночестность, неслиянность-нераздельность... А между тем в этих категориях можно мыслить не только единство Бога и человека,

*Сейчас нельзя найти
выход из кризиса,
просто вернувшись
к вере средних веков*

но и единство разных вер и культур, не стирая их логически несовместимых различий, и размороженное тринитарное мышление может стать русским вкладом в мировой диалог, стать грамматикой вселенского диалога... Я думаю, русская культура полна подобных возможностей.

Мне возражат: не до жиру, быть бы живу. Это жалкая логика. Есть люди, у которых ситуация стресса вызывает второе дыхание. (Стресс — источник великой динамики.) Я убежден, что в России характеры с упругой волей найдутся. Они нашлись в 1941–1942 гг. Они и сегодня действуют, вопреки хаосу; я встречал таких людей. И сознание всемирно-исторической цели удесятит их силы. Мужество, мудрость и справедливость древних не могли удержать упадок Рима; понадобилось еще что-то: вера, надежда и любовь. Нельзя было сохранить империю, держась за добродетели Муция Сцеволы. Понадобилась секта, возникшая среди презренных евреев, поклонявшихся — как тогда полагали — ослиной голове. И сейчас нельзя найти выход из кризиса, просто вернувшись к вере средних веков. Но какое-то возвращение необходимо, очень непростое возвращение.

Цивилизации устойчивы, если вовремя замечают новое зло и находят противоядие к ядам, созданным историей. Экспансия вовне, расширение знаний периодически сменялись эпохами восстановления веры. Стремительный бег Нового времени на Западе несколько раз тормозился. За Возрождением пришли Реформация и Контрреформация, за Просвещением — романтизм.

Эти зигзаги развития напоминают дорогу, серпантинном спускающуюся с горы (или подымающуюся в гору). Незападные страны, подхваченные развитием, оказались в положении путника, которому приходится лезть на стену или прыгать с обрыва. В этих условиях идеи, сравнительно мирно горевшие на Западе, стали давать взрывы. На Западе идея Утопии подтолкнула социальные реформы и выдохлась. Не было попыток всерьез осуществить утопию (как в России, в Китае, в Камбодже). Не было потому, что головы не так сильно кружились, потому что не приходилось перескакивать из XVII века прямо в XX и из одной культуры в

Марико Мори (Mariko Mori). Невидимое измерение. 2018

другую, западную (на Западе она была своей, на Востоке — чужой). На Западе идея нации возникла в государствах, уже сложившихся в своих границах, со своим утвердившимся языком и культурой. Слово «нация» обозначило здесь переход от верности королю к суверенитету народа. Нация — это подданные короля, осознавшие себя сувереном. Вопросы о границах здесь не было (или почти не было). В Центральной Европе положение было другим. Идея нации стала здесь призывом к войне. Объединение Германии вытолкнуло Австрию (неотделимую от своей империи) и подчинило всех северных немцев воинственной Пруссии. Неясность пределов, за которыми кончается Германия, вызвала к жизни пангерманизм. Его агрессивные планы сказались накануне Первой и Второй мировой войны. В Восточной Европе идея нации натолкнулась на многоплеменные империи и взорвала их.

Не существует ясного различия между угнетенной нацией, способной строить современное государство, и национальностью, численно

*Никто не заставлял
Ленина перейти от социал-
демократии к большевизму.
Никто не заставлял Гитлера
уничтожать целые народы.
И никто не заставляет
сербов, хорватов и мусульман
убивать друг друга*

незначительной, недостаточно развитой или живущей вперемешку с другими национальностями. Идея нации привела к балканизации Турецкой и Австрийской империи. Границы выяснялись по правилу: кто смел, тот два съел, и войны оставили не зажившие до сих пор раны. С Балкан началась Первая мировая война. Там продолжается и сейчас распад рыхлых великанов на воинственных карликов, создающих этническое един-

ство с помощью этнических чисток. Национальное здесь вырождается в племенное, национализм в трибализм. Многие с ностальгией вспоминают политику национальной автономии, проводившуюся в довоенной Австрии. Обстановка неуверенности и страха провоцирует национальную озабоченность (такую захваченность национальными интересами, которая делает неспособным понимать чужие интересы). Нация становится Молохом, которому приносятся человеческие жертвы. В том числе — интересы отдельных людей господствующей нации, не склонных к мании величия. В крайних случаях эти жертвы принимают буквальный, кровавый характер. Национальная озабоченность переходит в этнопаранойю. Положение избранного народа утверждается без всяких юридических уловок — с автоматом в руках. Никто не заставлял Ленина перейти от социал-демократии к большевизму. Никто не заставлял Гитлера уничтожать целые народы. И никто не заставляет сербов, хорватов и мусульман убивать друг друга. Их самих охватило безумие.

Исторический процесс, начавшийся на Западе, провоцирует — перейдя на Восток — большевизм, нацизм и т.д. Но прямой вины Запада здесь нет. Один и тот же Маркс был прочитан по-разному в Швеции и в

России. Китай пошел по пути Ленина, Индия — по пути Льва Толстого. Ответственность лежит на тех, кто сделал выбор. Однако современный Запад несет миру не только идеи, оправданные в его собственном развитии и всего лишь двойственные по возможным следствиям. Крушение монархии в Иране было антизападной и антипорнографической революцией. Запад стал символом разрушения духовной иерархии, превращения святынь в «ценности», лежащие на одном уровне. «Ты любишь химию, я люблю яблоки», — сказал нигилист, герой романа Тургенева. Зло и добро доставляют одинаковое удовольствие Ставрогину в романе Достоевского «Бесы». Свобода чувственных наслаждений и свобода каприза занимают пространство внутренней свободы. Для внутренней свободы, для свободы духа нужна известная сдержанность плоти, известная сдержанность в откликах на внешний вызов (политики или рекламы).

Реакция стран ислама — знак неблагополучия на самом Западе. По ряду причин ислам оказался болезненно чувствителен к крайностям западного плюрализма. Тут имеет значение многое: и жесткая связь истины со словом, с арабским словом, услышанным Мохаммедом; и напряженное переживание соблазнов пола. Дальний Восток с его образом туманного, невыразимого Пути и относительным равнодушием к сексу легче входит в современность. Фундаментализм ислама — болезненная реакция на вызов современного Запада; но это реакция на действительное зло. Благополучие Запада держится на хороших привычках, сложившихся до XX в., на привычках дисциплины труда, ответственности, уважения к закону. Однако опыт нашей страны показывает, что все привычки могут быть расшатаны за исторически короткий срок, за несколько десятков лет. Говорят, что духовный кризис захватил только меньшинство; масса сравнительно слабо им затронута. Но маленькая трещина в кристалле может быть началом его гибели — если развитие трещины не будет остановлено. Наконец, — последнее по счету, но не по важности — экологический кризис поставил под угрозу биосферу. Такого кризиса еще не было. Средний человек не осознал серьезности угрозы, но события будут подталкивать его и заставят понять, что необходимо совершенное изменение цивилизации; не только на благополучном Востоке и Юге, но и на благополучном, благоденствующем Западе. Если Запад не поймет этого, кризис будет нарастать и может принять необратимый характер. Это трудно почувствовать, глядя на будущее из удобного кресла. И все же это правда. Нельзя преодолеть экологическую напряженность чисто техническими средствами. Запад всегда был силен в технических изобретениях, и здесь можно только учиться у него. Но любой рост промышленности, как ни очищай ее, загрязняет природу. Нужно решительное изменение установок. Мы должны отказаться от мысли, что достоинство нации — в количественном росте ее промышленности и транспорта. Цивилизованные и передовые нации

XXI в. будут запрещать расширение по крайней мере некоторых видов производства, ограничивать рост населения и оставят человеку только одну неограниченную возможность духовного роста.

По библейскому преданию, Бог велел человеку плодиться, множиться и населять Землю. Не было сказано, что человек несет Ответственность

*Сейчас раны, нанесенные
Земле, показывают нам,
что биосфера – наше большое
тело. Человеческий разум –
мозг его, и этот мозг не
должен приказывать рукам
разрушать свое тело*

за природу. Тогда такое предостережение не было бы понято. Природа казалась неисчерпаемой. Сейчас раны, нанесенные Земле, показывают нам, что биосфера — наше большое тело. Человеческий разум — мозг его, и этот мозг не должен приказывать рукам разрушать свое тело. Независимость человечества от природы — такая же иллюзия, как обособленность Робинзона на необитаемом остро-

ве. Можно вообразить, что цивилизация будет расширяться в космосе, захватывать новые планеты, но в реальности нам дана Земля и на Земле есть законы, через которые даже лучшая техника не может переступить. Поняв это, мы, может быть, поймем и Другое: что наш дух — только частица или, может быть, отблеск мирового духа, залив духовного океана (я не настаиваю ни на одной метафоре: здесь нельзя выразиться точно).

Экологический кризис и духовный кризис — две стороны одного кризиса, потери «целостного разумения» (Киреевский), потери чувства Целого. Царство духа рассыпалось на части, и каждая сила растет, как опухоль, и вместе со зримым ростом идет незримое разрушение. Ми-

*Одна из возможностей
XXI века – цивилизация,
в которой созерцание,
удесятеряя моральные
и интеллектуальные силы,
будет признано вершиной
культуры не только
для ученых*

ровая цивилизация, начавшаяся на Западе XVII в., — это цивилизация Марфы. Она позаботилась о многом и достигла многого, но забыла, как созерцать Слово (я имею в виду евангельскую притчу о Марии и Марфе). Фауст неправ: в начале все-таки было Слово, в самом широком смысле, читая как Слово и красоту Божьего мира, созерцая ее как лик Отца, как след Его творчества, как заданный нам пример. Доброе дело начинается после созерцания Слова, исходит

из Слова. Цивилизация чистого созерцания невозможна. Но современность резко перекошена в сторону Марфы, и этот перекокс можно исправить. Его необходимо исправить. Об этом писали Мартин Бубер и Мартин Хайдеггер, Габриэль Марсель и Эрих Фромм. Они описывали кризис разными словами, но подталкивало их одно.

Поворот к созерцанию вытекает из самой логики развития. В XVIII в. физиократы еще могли считать, что реальные ценности создает только труд крестьянина и горняка. В XIX в. Маркс считал основным

промышленный труд (и предполагал, что при коммунизме скрипач будет четыре часа стоять у станка, а потом браться за смычок). Сейчас мы говорим о научно-технической революции, о производстве научно-технической информации. Что дальше? В пьесе Дюрренматта физики нашли формулу всех будущих открытий. Это фантастика, но за ней стоит реальность творческого состояния. Одна из возможностей XXI века — цивилизация, в которой созерцание, удесятая моральные и интеллектуальные силы, будет признано вершиной культуры не только для ученых. Всякий труд, тесно связанный с созерцанием, приобретает новый смысл. Как это удивительно, как чудесно! «Я таскаю воду, я подношу дрова!» — писал средневековый китайский поэт Пан Юнь. Созерцание бесконечно расширяет возможности мысли и действия. В созерцании тонет ненависть. В созерцании исчезает привязанность к букве религии, к букве убеждений, открывается чувство истины, которая глубже слов. В созерцании рождается дух диалога, общее стремление к истине, вокруг которой мы кружимся, никогда не достигая ее в словах. Созерцание поможет нам перейти к цивилизации экономического равновесия, гармонии и духовного роста.

Вероятно ли это? Нет, конечно. Гораздо вероятнее экологическая катастрофа. Пока люди в самых цивилизованных странах видят свое счастье в накоплении новых красивых вещей, промышленность будет расти, дух сжиматься и неоткуда будет взять энергию для выхода из тупика. Наша надежда — на маловероятное. Если внимательно взглянуть в историю, все ключевые моменты ее, все решающие сдвиги были маловероятны. Физики говорят, что так же шла эволюция Вселенной. Они называют это эффектом бутылочного горлышка. Жидкость втекает сквозь узкое горлышко и потом уже разливается внутри. Когда стоял вопрос об освобождении крестьян, большинство Государственного совета было против проекта. Но царь присоединился к меньшинству, и крестьяне были освобождены. Так действует и Провидение. Оно не творит заметных чудес, но поддерживает флюктуации, отклонения от инерции, которые Ему нужны. Незримая сила присоединяется к меньшинству, к слабому противоречию, и оно приобретает силу. Но Богу надо помочь. Надо создать хотя бы ничтожное меньшинство, хотя бы слабое противотечение.

Эта мысль была высказана Папини, ее повторил Бёлль, и я повторяю ее снова. Некоторые мысли надо повторять. Тогда они теряют причудливость, странность и становятся нормой. Мысль о Боге, распятом на кресте, была когда-то «для иудеев соблазном, для эллинов безумием». Потом она стала краеугольным камнем цивилизации.

Кто мог предвидеть, что бегство Мохаммеда из Мекки в другой, еще менее известный городок Ясриб, станет началом нового летосчисления? Все великое было когда-то невероятным. Так родились не только мировые религии. Невозможно строго объяснить многое другое:

возникновение философии, возникновение цивилизации, нашедшей устойчивость без имперского центра, — западной цивилизации... Несколькими раз новое должно было погибнуть, но не погибало.

Я не думаю, что Иисус Навин физически остановил солнце, но Бог его поддержал. Он поддержит и наши слабые попытки солидарности, попытки выхода из ненависти, попытки диалога заклятых врагов, попытки понимания причин массового безумия. Очень важно понять, что вызывает страх, вызывает потребность вместить страх в образ врага и потребность в вожде, который зарежет козла отпущения. Первая причина — общая неуверенность в будущем, тревога, чувство неведомой опасности, грозящей со всех сторон. У этой неуверенности много оснований; достаточно вспомнить атомную бомбу. Но верующий человек остается самим собой, что бы ни ждало его. Опора духа в вечности. Верующему все равно, сколько лет осталось нашей цивилизации: 30, 30 000 000 или еще больше. Все равно, если жизнь не имеет вечного смысла, то любая длительность — только затянувшийся кошмар. Поэтому можно сказать, что вторая причина неуверенности, на более глубоком уровне, — это бездуховность цивилизации.

Торжество современной мировой цивилизации выступает как торжество бездуховности. И сопротивление натиску цивилизации можно отчасти объяснить как сопротивление бездуховности. Что-то подобное происходит всюду, в том числе в нашей стране. Деловые люди говорят о необходимости объединения, потому что объединение экономически выгодно, а чувство восстает против бездуховности разумно устроенного мира. Я думаю, это сказывается и в сопротивлении некоторых стран Запада интеграции Европы.

Философия диалога стала одним из основных направлений современной мысли. И я думаю, что это верное направление

Чувство ведет себя как подпольный человек Достоевского, который хочет дать пинка хрустальному зданию, хочет оставаться со своими глупыми желаниями, не хочет превращаться в штифтик разумно устроенной машины. И наряду с ростом доводов за объединение всех стран, за ми-

ровое правительство, за централизованное регулирование отношений человека с природой растет яростное этническое сопротивление, яростное сопротивление ислама, сопротивление русского православия духу современности. Когда растет порок и раздор, когда рушится чувство долга, тогда Я возрождаюсь, говорит Кришна. Сейчас как раз наступил такой миг нового рождения Бога, нового шага религиозного процесса. Он создал когда-то племенные религии, создал мировые религии, ставшие опорой империй; он готов к следующему шагу. Этот шаг не может быть новым откровением, созданием новой Главной Книги. Мировые религии достигли глубин, которые нельзя превзойти, их нельзя отбросить, как верования эллинов и римлян.

Мартин Бубер в своем «Затмении Бога» написал, что ждет нового бо- гооявления в диалоге. Философия диалога стала одним из основных на- правлений современной мысли. И я думаю, что это верное направление. В средние века у шиитов возникла легенда о скрытом имаме. Наследни- ки Али (племянник Мохаммеда) были перебиты. Но легенда поместила имама в неприступные горы, откуда он когда-нибудь выйдет. И вот, в одном из вариантов легенды, скрытый имам, явившись, не даст нового откровения; но он так истолкует все прежние пророчества, что исчез- нет вражда между народами Книги. Я прочел об этом у Корбена и сразу увидел в средневековой шиитской одежде глубоко современную мысль. Надо понять, что ни одна мировая религия не имеет абсолютного пре- восходства перед другими. Каждый шаг развития что-то дает и что-то отнимает. История может быть описана как история приобретений и история потерь. Павел не мог передать эллинам послание Христа без перевода с языка одной культуры на язык другой, и в этом переводе, как во всяком переводе, что-то было потеряно: зримый Сын заслонил незримого Отца (это сразу видно в символе веры, где Сыну посвящено столько текста, сколько Отцу и Святому Духу вместе взятым).

Поэтому даже такое распространенное убеждение, что Новый Завет выше Ветхого, не совсем верно. Считается, что по совокупности черт христианство значительнее иудаизма; но в становлении церкви что-то было потеряно, и понимание Евангелия невозможно без диалога с ре- лигией, из которой оно выросло. Принципиально так же обстоит дело в диалоге с религиями, развивавшимися рядом друг с другом, ничего друг о друге не зная. Все они росли из общей духовной глубины и все выска- зались на языке времени. Предпосылка понимания — перевод символов духа с одного языка на другой и путь каждой религии вглубь, от буквы к духу. На глубине они сестры.

Великие коалиции культур, возникшие вокруг Главной Книги, прин- ципиально равноправны. Мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока не могут быть полностью вестернизированы. Процесс вестернизации, сперва односторонний, давно перешел в диалог. Диалог начался в XIX в., когда Толстой и Достоевский, овладев западной формой романа, сумели преобразить ее и сказать Европе то, чего она раньше не знала. Он про- должался в XX в., когда европейски образованные индийцы, японцы, мусульмане начали миссионерскую работу на Западе.

В современном диалоге западный интеллектуал, как правило, стоит ниже своих оппонентов. Образованный индеец знает Европу; образо- ванный европеец имеет довольно туманное представление о Востоке и смешивает в понятии Востока совершенно разные миры. С европоцен- тристской точки зрения непонятно, почему страны Дальнего Востока обгоняют динамичный Запад в своем динамизме, а в мире ислама под- нялась волна контр-модернизации. Вся система образования на Западе

нуждается в реформе. На II Ватиканском соборе уже было сказано о переходе к диалогу, но Запад все еще не готов к нему.

Еще важнее сердечная готовность к диалогу, готовность прислушаться к духу, который глубже слов, и почувствовать своим большим телом не только свой народ, но чужие народы, не только людей, но все живое. В моральном перевооружении нуждается и сербский снайпер,

*Еще важнее сердечная
готовность к диалогу,
готовность прислушаться
к духу, который глубже слов,
и почувствовать своим
большим телом не только
свой народ, но чужие народы*

и мирный, законопослушный обыватель, давно забывший, что такое душа. Иначе при первом крутом повороте он озверет так же, как христоробивые русские крестьяне после трех лет окопов и аккуратные немецкие труженики после трех лет безработицы и безнадежности. В бывшей Югославии мы видим не только свой вчерашний день, но, может быть, и завтрашний. Я верю в возможность ми-

ровой цивилизации, где европейский принцип диалога наций («концерта наций») будет дополнен диалогом великих культурных коалиций, диалогом подступов к единому Богу. Но для того чтобы дух победил, нужно великое обновление. И иногда убийца (подобно Раскольникову у Достоевского) ближе к покаянию и спасению, чем ограниченный и мелкий коммерсант (в том же романе Достоевского — Петр Петрович Лужин). Все мы друг перед другом виноваты — сказал один из персонажей у того же Достоевского (в романе «Братья Карамазовы»). И в каждом из нас идет борьба духа любви с духом раздора и гибели. Вопрос о будущем всегда открыт.

Послесловие, прочитанное в Риге 17 сентября 1994 г.

Что из всего этого следует для России? Во-первых, понимание причин, подталкивавших Ленина и других революционеров. Почему три четверти российских избирателей голосовали в 1917–1918 гг. за террористические партии (большевиков и эсеров), а не за умеренных социалистов или «умеренных либералов». Это важно, чтобы освободиться от комплекса неполноценности за прошлое, хотя не снимает вопроса о трагической вине (трагической, а не глупой).

Во-вторых, следует перенести акцент с проклятий прошлому и поисков виноватого на перспективы будущего. На задачи России в мировом историческом процессе. Национальное можно вообразить себе как дерево, растущее из собственных корней, независимо от других; а можно — как роль в общей драме, как неповторимый стиль решения общих задач. Первое больше подходит к изолированным племенам, живущим вне истории, или к малым народам на периферии истории; их задача — сохранить себя, не потеряться, сберечь свой лепесток в мировом соцветии. Русская традиция — другая. Что-то в ней устойчиво, что-то

Юджи Исикава (Yuji Ichikawa). Мировое древо Я. 2014

всплывает из века в век, но самая характерная черта, затмевающая все другие, — это захваченность мировым, вселенским, мировой размах. Его не оберегают, как суздальские церкви. Он сам себя несет над бездной. Гилель как-то сказал: «Если я не за себя, то кто за меня? Но если я только за себя, зачем я?» «Зачем» называется иногда идеей.

Я не думаю, что русскую идею можно положительно сформулировать; но в русской культуре заложен порыв решать мировые загадки. Достаточно раскрыть любой роман Достоевского или Толстого, и вы убедитесь, что я прав. Хотя у Достоевского была в уме заранее предписанная русская роль в истории, а у Толстого этого не было, и вообще в истории он не находил никакого смысла. Неважно. Мировые загадки решали они оба и волю к таким решениям оставили нам в наследство. Без веры в свою способность решать последние вопросы не состоялся бы наш прыжок в утопию и не состоялся выход из развалин утопии. Без поисков своей мировой роли Россия — не Россия. Экономически, политически Россия может опускаться до полного ничтожества, но духовно она довлеет себе. Ее роль в мировой трагедии (или мистерии) напоминает роль ищущих героев Достоевского, запутавшихся между адом и раем. Такую роль можно сыграть по-разному, но артист перестает быть самим собой, если у него нет чувства роли, если ему нечего зубрить наизусть, шататься по городу и репетировать. Россия непременно войдет в финал (гибель биосферы) или в полуфинал, в очередной поворот мировой цивилизации к новому кругу задач.

Сэмюэл Мойн. *Последняя утопия: права человека в истории*. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 423 с.

Предпоследняя утопия

Государства, подписавшие Всеобщую декларацию прав человека, на самом деле вовсе не думали, что она как-то ограничит их собственное поведение. Ведь она в конце концов не предусматривала никакого механизма реализации*.

Майкл Игнатъев

Когда пятнадцать лет назад американский историк и правовед Сэмюэл Мойн выпускал свою книгу, посвященную становлению понятия «права человека», он, разумеется, не мог даже близко предвидеть тех неприятностей, которые обрушатся на этот концепт — и порожденную им практику! — к завершению первой четверти XXI столетия. Как известно, сильнейшей стороной понятия human rights с самого их постулирования новорожденной ООН в 1945 году была универсальность трактовки и применения; но сегодня в мире, который в очередной раз рассыпался на куски — причем не на две части, как в холодную войну, а на множество осколков, больших и маленьких, — тон задает не общее, а партикулярное. Более того, дух обособленчества, вконец и повсеместно одичав, сделался прямо-таки оголтело нетерпимым: он признает только частные истины, напрочь игнорируя общие понятия.

Смогут ли права человека, это славное изобретение, с недавних пор облагораживавшее человеческую историю и символизировавшее постепенную минимизацию в ней насилия как общепризнанного инструмента разрешения любых общественных проблем, пережить нынешний вселенский разлад? В книге, написанной в 2010 году, мы, естественно, не найдем ответа на этот вопрос; но зато из нее можно извлечь некоторые важные подсказки, способствующие такому поиску. Итак, о чем же рассказывает американский ученый?

* М. Игнатъев. *Права человека как политика и как идолопоклонство*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 37.

Его версия генезиса правозащитного этоса довольно необычна. Во-первых, полагает автор, у нынешних прав человека, вопреки настояниям поклонников Древнего Китая, Древней Персии, Древней Иудеи, Древней Греции, нет никакой предыстории. Представление о том, что права являются самодостаточной и самодовлеющей ценностью, сложилось только после завершения Второй мировой войны, и никак не раньше. Во-вторых, в первые десятилетия своего бытия эта ценность оставалась сугубо декоративной, ибо люди, внедрившие термин «права человека» сначала в политический лексикон, а потом и в Устав ООН, вовсе не собирались делать хотя бы что-то для их укоренения. В-третьих, из зоны забвения новую идеологию удалось вытащить только в 1970-е годы, причем произошло

В авторской оптике права человека – и как принцип, и как идеал – восторжествовали только потому, что незадолго до этого крах потерпели альтернативные утопические нарративы, предлагавшие свои варианты «счастливого будущего»

это благодаря усилиям не столько международного сообщества, сколько диссидентов из социалистического лагеря, которые первыми начали интерпретировать права человека в качестве начала, не нуждающегося в обусловленности какими-то социальными, политическими, экономическими, культурными кондициями и выступающего в качестве самоценности. В подобной логике права человека просто есть — и их столь же просто нужно соблюдать.

Почему так получилось? Все дело в моменте, оказавшемся очень и очень подходящим для внезапного триумфа правозащитного дискурса. В авторской оптике права человека — и как утопический принцип, и как лучезарный идеал — восторжествовали только потому, что незадолго до этого сокрушительный крах потерпели иные, альтернативные утопические нарративы, предлагавшие свои варианты «счастливого будущего». Сначала, в 1930–1940-е годы, рухнула тоталитарная утопия правых, а к концу 1960-х годов обанкротилась революционная утопия левых. На какое-то историческое мгновение мир остался без больших идеологий, к которым после Великой французской революции он уже понемногу привык, и этот вакуум начал заполняться принципиально новой, неполитической идеологией, отрицающей и преодолевающей все остальные идеологии. Автор показывает, что заглавную роль в утверждении и последующем триумфе идеологии прав человека — «последней утопии», как он ее называет, — сыграли не западные политики, а восточные диссиденты: прежде всего академик Андрей Сахаров и его сподвижники. Страницы, посвященные романтикам-камикадзе, которые на рубеже 1960-х и 1970-х годов бросили вызов внешне всемогущей советской власти, читаются буквально на одном дыхании; это наиболее пафосная часть книги, сравниться с которой может, по-видимому, лишь

раздел, посвященный подвижнической деятельности «Международной амнистии». Это важные тексты; в эпоху нового железного занавеса, когда многие из нас распрощались с надеждой, полезно без усталости напоминать себе, что монструозный Левиафан, ныне опять представший перед современниками во всей красе, остается, выражаясь словами Гоббса, «смертным богом», который не навсегда, сколько бы он сам и его присные ни уверяли нас в обратном.

В 2010 году американскому ученому казалось, что великий нарратив прав человека станет последней утопией, которую больше не смогут опровергнуть ни коммунизм, ни фашизм. Автор, надо сказать, оказался

*Гражданский национализм
может быть столь же
отвратительным, как и
национализм этнический*

безупречным провидцем в том, что многие из всеобъемлющих идей, воодушевлявших людские массы в прошлом, действительно отправились на полки музея человеческих заблуждений и едва ли выползут оттуда снова. Но он, однако, ошибся в своем цен-

тральном тезисе, согласно которому в нынешнюю эпоху у прав человека вовсе не осталось конкурентов. Более того, главного из них он элементарно просмотрел, вообще не приняв его во внимание: ведь пятнадцать лет назад многим и вправду казалось, что силы глобализации и космополитизма безоговорочно и навсегда разгромили национальный партикуляризм. Сегодня мы твердо знаем, что это не так, а утопия прав человека так и не стала «последней» — по крайней мере, пока. Отсюда рождается важный вопрос: как относиться к этому и чего ждать дальше?

Возвратная реанимация nation-state неминуемо означает подъем национализма. Причем форма здесь не важна: гражданский национализм может быть столь же отвратительным, как и национализм этнический, — в своем наивысшем градусе и тот и другой означают культ национально-государственного превосходства одних стран и народов над другими, а следовательно, войну. То, что локомотив истории свернул на эти рельсы, видно уже сейчас: партикуляристские, своекорыстные, узконациональные сантименты преобладают сегодня едва ли не в любой точке планеты — невольно начнешь тосковать по глобализации, о которой было сказано так много плохого, но которая, несмотря на все издержки, по сути своей методично приучала народы жить в мире. Понятное дело, права человека на фоне нынешних трендов оказываются в проигрыше: растаскивая правозащитный дискурс по национальным квартирам, его лишают главного облагораживающего субстрата — универсальности. В результате и рождаются причудливые химеры типа «коммунистических прав человека», «православных прав человека», «африканских прав человека». Одним словом, до финального триумфа прав человека, похоже, еще далеко: за то, чтобы их идеи и принципы восторжествовали, еще предстоит побороться. Иначе говоря, нам придется

Дэвид Лигар (David Laing). Натюрморт с черепом и полароидной фотографией. 1983

дождаться краха очередного утопического проекта в лице националистической утопии, принявшей вахту у посрамленных тоталитаризмов XX века. Этот проект тоже обанкротится наверняка, ибо его воплощение физически невозможно, но на эмпирическое подтверждение такой догадки уйдет время. На ближайшие же пару десятилетий нас ожидает то, что Ханна Арендт некогда назвала «темными временами»; лишь пережив их, можно будет опять заводить разговор о «последней утопии».

Андрей Симбирцев

Максим Горюнов,
философ

Эпоха освоения свободных земель на западе США

Из всех попыток объяснить, как у американцев получились их Соединенные Штаты, самая американская, пожалуй, принадлежит историку Фредерику Дж. Тёрнеру (Frederick Jackson Turner). Его версия была настолько американской, насколько это вообще можно себе представить.

Ф. Тёрнер родился в 1861 году. Он приобрел известность уже в самом начале своей научной карьеры, в 1893-м, когда вышло его эссе *The Significance of the Frontier in American History*. Презентация эссе прошла на ежегодной конференции Американской исторической ассоциации. Гуманитариям понадобилось почти полвека, чтобы преодолеть притяжение идей, изложенных в этом эссе. Что касается широкой публики, то среди нее и в наши дни идеи Ф. Тёрнера живее всех живых*.

Его взгляды на причины успеха Соединенных Штатов были крайне специфичны. В то время среди американских интеллектуалов было принято считать, что ключи к пониманию американского успеха хранятся в Париже, Лондоне и Амстердаме.

Предполагалось, что первые чертежи американских ассамблей, сенатов, фискальных органов, судебных инстанций и проч. следует искать в Старом Свете. По общему убеждению, самый короткий путь к истине об истоках Америки включал в себя как минимум два билета: первый был до ближайшего города с портом, второй — на пароход через океан, к бездонным королевским и папским архивам.

Ф. Тёрнер, напротив, утверждал, что покупать билеты не надо: у американского успеха нет и не может быть никаких европейских источников. По его

* Turner F. J. *The Frontier in American History*. New York: Henry Holt and Company, 1920. 396 p.

версии, рецепт Америки был найден в Америке. Все, что так буйно цветет и плодоносит на американской земле, не было привнесено извне, но зародилось внутри естественно и само собой.

Несмотря на подозрительную схожесть с российским нечерноземным почвенничеством, идеи Ф. Тёрнера сложнее, чем кажутся. У его отказа от Европы были аргументы и ссылки на теоретиков того времени, включая Чарльза Дарвина. Нужно иметь в виду, что такой была гуманитарная наука в конце XIX века.

Фронтир в американской истории

Для начала скажем, что Ф. Тёрнер был согласен с очевидным: Америка — это страна иммигрантов. Он не отрицал, что подавляющее большинство приехало из Старого Света. Кроме того, он был согласен и с тем, что каждый иммигрант — это представитель какой-то страны со всеми достижениями и загогулинами ее истории. Но, считал историк, прошлое иммигрантов не имеет значения.

Какими бы кривыми ни были загогулины и какими бы блестящими ни были достижения их родины, мигранты, очутившись в Америке, избавлялись от своего прошлого, изобретали себя заново и таким образом становились американцами.

Происходило это потому, утверждал Ф. Тёрнер, что, сойдя на берег, переселенец оказывался один на один с первозданной природой. Эмиграция в Америку становилась особенным опытом. Ничего подобного в Европе быть не могло. Переезд внутри Европы — это смена одного обжитого места на другое. В Америке все было на порядок сложнее: приехавшим приходилось ни много ни мало строить мир с нуля.

Сойдя с корабля, иммигрант видел перед собой лес, уходящий вдаль на тысячи и тысячи километров. На севере лес переходил в тундру и далее в арктические льды. На западе он заканчивался на берегу Тихого океана с видом на евразийский Дальний Восток. Перед переселенцами была толща первозданной природы и абсолютно неизвестный им континент без связей с их родными культурами.

В Америке не было дорог, проложенных римлянами, и не было городов, заложенных финикийцами. Не было погребенных под пеплом библиотек с трактатами греческих философов. Иисус Христос, апостолы Петр и Павел не проповедовали в Америке: они не знали о ее существовании.

Для иммигранта прикладные советы индейцев были на порядок ценнее знаний из европейских метрополий. Коренные народы лучше понимали свой континент. У них были знания о климате, географии, флоре и фауне — ничего из перечисленного не было у метрополий.

Мигранты, очутившись в Америке, избавлялись от своего прошлого, изобретали себя заново и таким образом становились американцами

Романтизируя, Ф. Тёрнер писал, что тот момент, когда переселенец из Европы, откуда бы он ни прибыл, менял привычную ему обувь на индейские мокасины, можно считать моментом окончательного перевоплощения в американца.

Американский фронтир — вот где родилась Америка, утверждал Тёрнер*. По мере освоения земель фронтир глубже и глубже уходил в американские чащи, увлекая за собой волны иммиграции. В ходе этого движения миллионы становились американцами.

Американская сменяемость власти — это не про верность римским и афинским традициям, а про полезность

Осваивая новые земли, они создавали новую культуру, которая, учитывая суровые условия, с самого начала была основана на здравом смысле и инстинкте самосохранения.

Самое важное, считал историк, это что американская демократия появилась на свет как наиболее эффективный способ выживания. У ее появления такие же причины, как и у любого другого изобретения.

Американцы придумали демократию, как люди, живущие в сложных погодных условиях, придумывают более теплую и экономичную печь или более прочную крышу. Борьба за выживание, адаптация, инстинкт самосохранения — вот основные силы, стоящие за этим изобретением.

Американская сменяемость власти — это не про верность римским и афинским традициям, а про полезность. Смена власти повышает шансы на лучшие управленческие решения, что в условиях борьбы с силами природы крайне важно.

Развивая свою мысль, Ф. Тёрнер предложил переоценить значимость колоний. Первые колонии, расположенные на берегу Атлантики, были слишком европейскими, чтобы быть американскими. Они слишком подходили на Англию и Нидерланды, слишком зависели от своего прошлого, чтобы стать источником чего-то принципиально нового.

Настоящими колониями-основательницами, по мнению историка, были те, что находились далеко от Атлантики, в глубине континента, ближе к побережью Тихого океана.

Нужно иметь в виду, что сам Ф. Тёрнер родился в штате Висконсин, которого не существовало во время американской революции. Среди известных всему миру отцов-основателей не было никого из Висконсина. С самого начала колонизации эти территории принадлежали французскому королю. Первые поселенцы приехали с канадских территорий,

---

* См.: Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. А. И. Петренко. М.: «Весь мир», 2009. Книга является собранием основных статей и выступлений Фредерика Тёрнера с 1893 по 1918 г., в которых сформулирована и подробно разработана концепция фронта (границы территориальной экспансии белых поселенцев на запад североамериканского континента). — Прим. ред.

Фредерик Джексон Тёрнер в кабинете Исторического общества в Капитолии штата Висконсин. 1892

из Монреаля и Квебека. Они говорили на французском, были убежденными католиками и не испытывали никаких симпатий к протестантам.

Висконсин стал британским случайно, в результате поражения Парижа в очередной англо-французской войне. Это произошло всего за десять лет до революции. Даже после победы революционеров еще примерно полвека Висконсин де-факто контролировался Лондоном. Три президента сменилось, прежде чем Висконсин окончательно перешел под контроль американцев. Когда старые колонии собирались на конгрессах и придумывали себе конституции, жители западных территорий регулярно видели представителей британской короны.

Висконсин стал полноправным штатом в 1848 году, всего за 13 лет до рождения самого Фредерика Тёрнера. Его родители и родители его родителей прожили жизнь в мире, одинаково далеком и от Лондона, и от Парижа, и от Вашингтона.

В отличие от остальных известных американских историков, Ф. Тёрнер написал мало — почти ничего, и это необычно. Как правило, американский историк, чье видение было востребовано, оставляет после себя несколько полок сочинений. Тёрнер же писал редко, предпочитая

устное общение во время лекций. Его литературную скупость часто связывают с так называемым писательским блоком: Тёрнер страдал от продолжительной невозможности излагать свои идеи на бумаге.

Критики указывали, что он переоценил независимость переселенцев. Иммигранты были не настолько свободны в своих действиях, как уверял Ф. Тёрнер. Их зависимость от финансов, технологий и административных возможностей европейских метрополий оставалась существенной. И даже победа колоний в Войне за независимость не привела к отказу от Старого Света. Скорее, речь шла о новом протоколе отношений.

Избавление от европейского прошлого, на котором так настаивал историк, тоже имело особенности. Факты говорят о том, что прибывшие с Британских островов — самая большая группа на то время, — несмотря на все тяготы и лишения, связанные с переездом, в итоге не сильно изменились. На новых землях сохранились региональные британские акценты. Названия новых городов повторяли островные. И даже костюмы шились как дома.

Мигранты из других частей Европы переходили на английский язык не сразу, особенно в доиндустриальные времена. В мире без железных дорог и телеграфа люди менялись не так быстро. Ультрарелигиозные общины, как правило небольшие, перебравшись за океан и обустроившись, на много поколений сохраняли язык и правила жизни географической родины. Как показывает практика, удаленность от старых культурных центров далеко не всегда способствует развитию. Довольно часто удаленность означает глубокую консервацию.

Многое – если не всё – говорит о том, что демократия не родилась в Америке, – скорее, она там прижилась

Из курьезных примеров — «пенсильванский голландский». Потомки мигрантов из южногерманских земель на протяжении как минимум двух столетий продолжали говорить на диалектах своих предков. В нескольких поселениях говорят на них и сейчас. Размеренная аграрная жизнь и редкие контакты с внешним миром не

самые хорошие стимулы для радикальных трансформаций, о которых с таким увлечением писал Ф. Тёрнер.

И в целом дарвиновская борьба за выживание была менее дарвиновской в колониях. Люди пересекали океан не для того, чтобы жить хуже. За первые четверть века после объявления независимости население колоний удвоилось. Это бы вряд ли произошло, будь борьба за жизнь слишком беспощадной. Все говорит о том, что, несмотря на трудности, переселенцы довольно скоро оказывались в более комфортных условиях, чем до переезда. На новом месте урожаи были богаче, климат — мягче, болезни приходили реже. Дети поселенцев ростом были выше своих родителей, в их домах было больше книг, чем у родственников, оставшихся жить вблизи королевских дворцов.

Для многих жизнь в перенаселенном Старом Свете с его помпезными монархиями, непредсказуемыми налогами и абсурдными войнами была на порядок неудобнее. В долгой перспективе переезд через океан снижал накал борьбы за жизнь, а не повышал.

Другими словами, многое — если не всё — говорит о том, что демократия не родилась в Америке, — скорее, она там прижилась. И ее корни уходят в прошлое обществ, которые эмигранты как будто оставили позади.

Если это так заметно, почему эссе Ф. Тёрнера было и остается таким популярным? Кажется, у каждого большого голливудского актера есть фильм, где он ходит в мокасинах, выживает в лесу и общается с индейцами, как с родными. Кевин Костнер в «Танцующем с волками», Джонни Депп в «Мертвеце», Ди Каприо в «Выжившем» исполнили роли, как будто нарочно написанные для них самим Фредериком Тёрнером.

«Откуда я?»

Противоречия между претензией на полную культурную независимость от Европы при очевидной зависимости от оной наглядно и с иронией разобраны в книге «Откуда я?» американской писательницы Джоан Дидион (Didion J. *Where I Was From*. New York: Alfred A. Knopf, 2003. 226 p.).

Дж. Дидион родилась в Калифорнии, несколько лет работала в *Vogue*, в перечне ее достижений и наград — создание целого нового жанра в журналистике, Национальная книжная премия в области документальной литературы (National Book Award for Nonfiction), Национальная медаль за заслуги в сфере гуманитарных наук (National Humanities Medal), врученная ей президентом Обамой.

Книга посвящена исследованию противоречий в представлениях калифорнийцев — и, шире, американцев — о самих себе и своей стране. Поскольку писательница сама калифорнийка, свое исследование она начинает с себя.

Начало книги порадовало бы Ф. Тёрнера и его сторонников. Из первых десяти страниц мы узнаем, что прапрапрабабушка Дж. Дидион родилась в 1766 году на краю леса, вышла замуж в шестнадцать лет и переехала с мужем еще дальше в лес. Ее муж был ветераном Войны за независимость и нескольких войн с индейцами. Согласно устному преданию, за свою жизнь он убил, не считая индейцев и солдат британской армии, десять человек.

У пары было одиннадцать детей. Во время одного из набегов индейцев бабушка спрятала всех детей в пещере. Эта женщина сумела перебраться через реку во время паводка с младенцем на руках. Она оставила после себя хорошую память. Другие предки, как нетрудно догадаться, обладали не меньшей витальной мощью и страстью к перемене мест. Они постоянно двигались вперед, на запад, от фронта к

фронтиру, безжалостно отбрасывая прошлое. Их жизнь состояла из испытаний на прочность, справившись с которыми они оказались в итоге в Калифорнии.

В своих интервью Дидион упоминала, что в юности она училась машинописи, перепечатывая прозу Хемингуэя, и это заметно. Описанные ею голод, смерть, глубокое отчаяние, помешательство и случаи суицида звучат узнаваемо жутко и просто.

Как будто по совету Тёрнера, Дидион почти не упоминает о европейских корнях своей семьи. Кто-то из них был ирландцем, кто-то уэльсцем, кто-то евреем, но без уточнений. История начинается после переезда на новый континент. До переезда было нечто туманное и блеклое, утратившее значение сразу после погрузки на корабль.

Первая глава заканчивается яркой кинематографической сценой: Дидион вспоминает, как мама предложила отцу продать землю, которая досталась им в наследство. Земля в Калифорнии стоит дорого. На этой

*Как будто по совету
Тёрнера, Дидион
почти не упоминает
о европейских корнях
своей семьи*

земле мама провела детство, но в ее глазах у этой земли нет никакой сентиментальной ценности — только текущая рыночная. Она готова переехать в Австралию: там новая страна, новый континент, новый фронтир. Калифорния кажется ей слишком обжитой. Слишком много налогов, контроля, указательных знаков. Калифорния перестала быть

фронтиром. Мама хотела бы вернуться в мир, где можно жить, не оглядываясь на мнение государственных учреждений. Отец с удивлением спрашивает, неужели она так легко сменит Калифорнию на Австралию, и мама отвечает, что да, сменит за минуту и тут же забудет. Ее голос звучит энергично и уверенно, как голос далёкой прабабушки Дидион, вышедшей замуж в шестнадцать лет и уехавшей с мужем с одного фронта на другой.

Очевидно, что этой концовке Фредерик Тёрнер аплодировал бы стоя. Он и сам оплакивал свой родной Висконсин после того, как туда пришли железные дороги. В его представлении железная дорога неумолимо вела к превращению его штата в зарегулированную Европу, откуда в свое время уехали его предки.

К несчастью для Тёрнера и к счастью для читателей, у Дидион проницательный ум. Как сказано в ее номинации на Национальную медаль за заслуги в сфере гуманитарных наук, ей всегда удавалось заметить вещи, которые остальные пытались обойти стороной. Следующие страницы посвящены исследованию того, что же не так с этой романтикой фронта.

Мама готова уехать с фронта на фронтир, но нужно иметь в виду, мягко замечает Дж. Дидион, что Калифорнию обживали не столько независимые первопроходцы, сколько федеральное правительство.

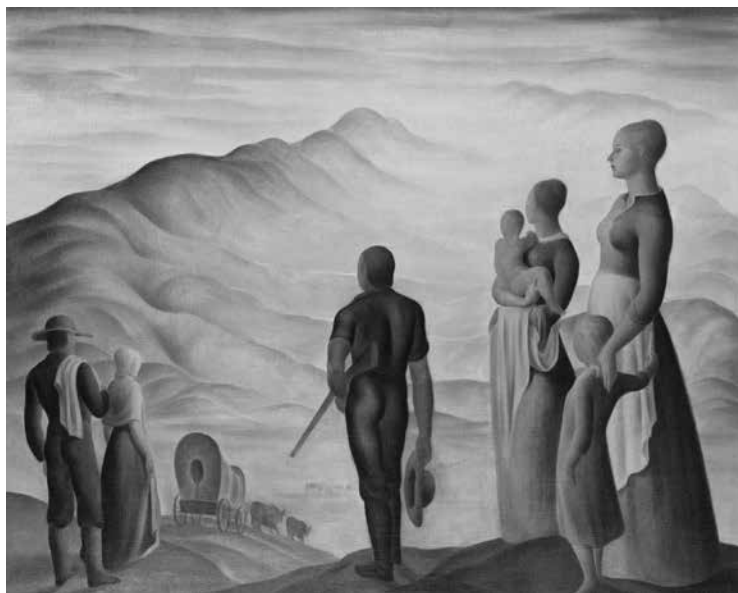
Освоение Калифорнии было бы невозможно без налогов, которые уплатили жители штатов, расположенных на восточном побережье. Оно также было бы невозможно без технологических и административных возможностей большого федерального центра.

Дидион не без сарказма описывает калифорнийское сельское хозяйство. Если учесть ландшафт и климат, то калифорнийские поля, сады и фермы возможны только благодаря дорогостоящей сети дамб, каналов и водохранилищ. К 1979 году в Калифорнии было построено полторы тысячи километров дамб и семьсот километров каналов, почти сто километров канализационных сооружений и, кроме того, «три дренажных насосных станции, пять водозадерживающих плотин, тридцать один мост, девяносто одна водомерная станция и восемь автоматических коротковолновых датчиков уровня воды». Плюс семь водосбросов и семь обводных каналов на площади в сорок тысяч гектаров (без малого Московская область). Калифорния — это искусственный ландшафт, суммирует Дидион, созданный не руками поселенцев, а федеральным правительством и большими компаниями.

Железная дорога, которая сделала Калифорнию частью мировой экономики, была построена хоть и калифорнийцами, но на федеральные деньги. И не без коррупции. Правительство США платило подрядчикам шестнадцать тысяч долларов за одну милю железной дороги на равнине и сорок восемь тысяч — за одну милю в горах. Ощутимые горы начинаются в десяти километрах от мест, где дорога в итоге прошла, однако деньги были выделены по альпийским расценкам.

Строительство дороги и возведение дамб было только началом, с иронией замечает писательница. После дамб и дорог федеральное правительство перешло к субсидиям на сельское хозяйство. Живописуя его щедрость, Дидион рассказывает о рисе. Во-первых, на выращивание риса в Калифорнии идут налоги из федерального бюджета. Во-вторых, с апреля по август в Калифорнии не бывает дождей. В-третьих, рис — это растение из регионов, где летом идут проливные дожди. Чтобы в калифорнийской полупустыне выращивать рис, нужны финансовые вложения, которые может позволить себе лишь кто-то крайне щедрый, такой, например, как правительство США. Сорт риса, который оно решило субсидировать, популярен в Японии и Корее и непопулярен среди американских граждан. После первых урожаев Япония и Корея, защищая интересы своих производителей, закрыли рынки для калифорнийского риса. При этом граждане США своих предпочтений в еде ожидаемо не изменили. Соответственно, вопрос о сроках возвращения вложенных средств довольно скоро стал богословским. Писательница шутит: с такой культурой траты денег налогоплательщиков не нужна никакая золотая лихорадка.

*Освоение Калифорнии
было бы невозможно
без налогов, которые
уплатили жители
штатов, расположенных
на восточном побережье*

Хелен Лундеберг (Helen Lundberg). Пионеры Запада. 1934

Все говорит о том, что в Калифорнию ехали не за свободой от государства, а за возможностью хорошо на нем заработать.

Дидион цитирует журналистов — современников Тёрнера, которые жалуются, как мало среди приезжих желающих осесть и начать свой бизнес. Приезжие ищут быстрых денег, играют с федеральной системой, вопросы морали и «либертарианской автономии» их интересуют скорее как теория, а не как практика.

*В Калифорнию ехали
не за свободой
от государства,
а за возможностью
хорошо на нем
заработать*

Есть ли в этой истории место для всего того, о чем писал Фредерик Тёрнер? Видимо, да, но для этого нужно уметь не замечать слона в комнате.

Мама Дидион не замечала федеральных институций, меняющих ландшафт вокруг ее дома. Благополучие ее семьи напрямую зависело от адекватности департаментов в Вашингтоне, но это не мешало ей видеть себя первопроходцем. Тёрнер, в свою очередь, не замечал англо-франко-германо-испано-датско-нидерландских инноваций, сделавших его жизнь такой не похожей на тоталитарную северокорейскую. Дидион, надо отдать ей должное, не видит ничего стыдного в материнской логике — она с теплотой описывает эту нелогичность как часть культуры, в которой она выросла. Что касается Фредерика Тёрнера, его идеи звучат до смешного в унисон с фронтальной романтикой мамы Дидион. Если бы они встретились, то поняли бы друг друга с полуслова. У этой близости тоже может быть извинение: Тёрнер родился в 1861 году, когда гуманитарная наука примерно так и выглядела.

Лига вечного мира*

О бийском адвокате Антонине Михайловском и его глобалистском проекте 1917 года

Революции и гражданская война — неподходящее время мечтать о Вечном мире во всем мире, который гарантирует некий Всемирный парламент. Однако адвокат Антонин Михайлович Михайловский жил именно в такие годы в России, в алтайском городе Бийске, служил присяжным поверенным и мечтал именно о мире во всем мире. Подробности его биографии почти неизвестны. Понятно только, что, хотя он явно был чудачком, придуманный им в 1917 году Всемирный парламент в конце концов, как ни странно, действительно появился.

Известно, что к 1917 году адвокат Михайловский служил присяжным поверенным (адвокатом) при окружном суде. После Февральской революции 3 марта в Народном доме Бийска состоялось собрание представителей общественности города. Обсуждали известия об отречении от престола царя Николая II и создании Временного правительства. В итоге было принято решение старые органы местного самоуправления распустить и избрать Исполнительный комитет из 66 представителей горожан. Михайловский стал в нем товарищем (т. е. заместителем) председателя. Перед Комитетом стояла задача организации выборов в Городской совет. В апреле 1917-го Михайловский и сам участвовал в этих выборах, но неуспешно.

Революцию в городе тогда делали люди с замысловатыми судьбами. Недолгим главой городского Исполнительного комитета и начальником Михайловского был Илья Шендриков, который в свое время создал меньшевистскую организацию в Баку, на почве каких-то денежных махинаций поссорился с Джугашвили (Сталиным), потом служил юристом в Бийске, на короткое время возглавил здесь Исполком, потом уехал к себе на родину в Туркестан, оттуда

Михаил Немцев,
философ

* Сибирь. Реалии, 28 марта 2023 г.

эмигрировал в Китай, в Шанхае выдавал себя за лидера несуществовавшего сибирского освободительного движения, умер в Сан-Франциско. Примерно в это же время в Бийск перебрался с Балтики моряк Петр Мерлин. В 1919 году он возглавил здесь большевистскую подпольную ячейку с целью подготовки и проведения вооруженного восстания против Омского правительства Колчака. Ячейка была раскрыта секретным агентом. Мерлин и наиболее активные подпольщики были расстреляны. Теперь туристы удивляются, когда находят на карте города улицу имени как будто волшебника Мерлина.

Но Антонин Михайловский был погружен в те годы в политику совершенно по-своему. Он собирался переустроить и осчастливить все человечество.

В 1917 году была опубликована его небольшая брошюра «Верховенство человечества и международный парламент». В первой части Михайловский прямо и решительно заявлял: суверенитет отдельных государств себя изжил. Суверенитет отдельных человеческих «соединений» всегда зависит от других, соседних «соединений», а государство — такое же «соединение» среди прочих.

В 1917 году была опубликована брошюра Михайловского «Верховенство человечества и международный парламент». В ней он решительно заявлял: суверенитет отдельных государств себя изжил

Подлинным суверенитетом может обладать только все человечество. Более того, такой суверенитет необходим для защиты прав человека (буквально), в особенности от покушений на них различных государственных властей.

Дело в том, что «будучи свободной личностью, всякий имеет право требовать охраны его и его общечелове-

ческих прав и интересов, где бы то ни было. Личность и ее права, интересы должны быть ограждены во всяком уголке земного шара. Однако отдельные группы и государство могут безнаказанно нарушать их, смотря на все с точки зрения своих групповых интересов и будучи односторонними, пристрастными» (цитирую по статье филолога А. И. Кондратенко «Планетарный проект “Верховенство человечества” — книга, изданная в Орле в 1917 году», это до сих пор единственное исследование идей Михайловского).

Тут Михайловский очень близок к идее универсальных прав человека, которые должны быть безусловно ограждены от государственного произвола. Шел третий год мировой войны. До Всеобщей декларации прав человека оставалось ровно три десятилетия. Российское государство распалось.

Михайловский наблюдал, как существовавшие тогда государственные границы рвутся, а государственные и международные институты оказываются неспособными защитить обычного человека от войн,

революций и насилия. И он понимал, что противопоставить этому необходимо принципиально новые формы международного устройства. При этом он был еще и эсперантистом — сторонником изучения искусственного языка, призванного объединить людей. Эсперанто пользовался большой популярностью в Российской империи в начале века. Михайловский переписывался с эсперантистами других стран и все больше проникался идеями наднационального и надгосударственного объединения.

Чтобы избежать злоупотреблений «несостоятельной» идеей суверенитета, Михайловский попросту предложил всему человечеству отменить государства. Он сравнивает будущее объединенное человечество с «прекрасным хором, выполняющим... гимн свету». Сам этот образ, наверное, увлекал Михайловского обещанием всеобщей гармонии, почти райской. Как он представлял себе ее достижение? Через создание Всемирного парламента.

Осенью 1917 года готовился съезд только что избранного Всероссийского учредительного собрания. После отречения императора Николая II Россия жила под властью Временного правительства. «Учреддиловка» должна была положить конец этой «временности», избрать, наконец, подходящую для Российской республики форму правления. Михайловский предложил собранию поставить перед собой задачу куда грандиознее: прямо объявить Российскую республику частью объединенного Великого человечества, подчиненной Всемирному парламенту!

Российская республика сделала бы это первой из всех стран и тем самым начала бы новую эпоху в истории всего мира, мечтал бийский адвокат. Так, писал он, будет закончена наконец мировая война. Союзники (Антанта) больше не смогут интриговать против России, ведь отдельных государств не станет. Заодно России будут сразу списаны огромные военные долги (в этом аргументе, возможно, сыграла свою роль адвокатская привычка искать убедительные доводы и материальную заинтересованность сторон). Ни революции, ни контрреволюции людям больше не понадобятся. Всемирный парламент гарантирует защиту прав всем. Народы мира проведут выборы в него и таким образом откажутся от устаревшей идеи государства. Ведь никто не будет, убеждал читателя Михайловский, возражать против такой чистой идеи!

Депутаты от разных стран должны, по его замыслу, избираться во Всемирный парламент так: один представитель от 2–3 миллионов населения. Эти избранники, считал он, соберутся на учредительный съезд, примут декларацию суверенитета Земли и образуют из себя Всемирный парламент. Впервые он соберется в Москве или Петрограде, а потом... потом будет видно. Главное, что настанет «вечный мир и братство всех людей и народов», которые будут управлять сами собой.

В начале брошюры Михайловского сообщается, что «в сокращенном виде» 27 октября — 1 ноября 1917 года эта работа была представлена в

ЦК нескольких левых партий «с вопросом, ставят ли они провозглашение суверенитета человечества и организацию Международного парламента ближайшей задачей в своей международной программе борьбы за скорый, справедливый и прочный мир». Вряд ли ЦК партий удосужились ответом на этот вопрос. Но удивительнее другое. Брошюра заканчивается сообщением, что 6 октября 1917-го общее собрание солдат и офицеров 5-го авиационного парка, выслушав доклад А. Михайловского, постановило немедленно призвать правительство, чтобы то «немедленно обратилось как к воюющим, так и к нейтральным государствам всего мира... Как все были едины в борьбе за Российское Учредительное собрание, так пусть же будут едины все и в борьбе за принцип верховенства человечества и за Международный парламент». Этот 5-й авиапарк располагался тогда в Брянске. Что занесло туда Антонина Михайловского? И как он потом, во время или после Октябрьского переворота, вернулся в Бийск?

Но он точно вернулся. И создал в Бийске некую Лигу общечеловеческого братства и вечного мира. Эта «лига», вероятно, некоторое время даже регулярно собиралась и искала способы исполнить проект Михайловского.

4 июня 1918 года, когда фактически уже разгоралась Гражданская война, Лига обратилась через одну из местных газет к партии большевиков с требованием немедленно провозгласить верховенство воли всего «великого человечества» и приступить к созыву Всемирного парламента. Это позволит превзойти интересы разных групп и избежать начинающейся новой войны.

Затем последовали обращения к Временному Сибирскому правительству. Вероятно, и в другие организации и партии. Требования явно в целом воспроизводили брошюру Михайловского. Но разместить Всемирный парламент Лига предлагала уже в Томске или Омске, или другом сибирском городе. Ведь 4 июля Временное Сибирское правительство

Город Бийск. Начало XX века

объявило о независимости Сибири. Проигнорировать такое событие Михайловский не мог.

Во время Гражданской войны Лига общечеловеческого братства и вечного мира могла бы в принципе обращаться куда угодно и к кому угодно. Судя по всему, никто эти обращения просто не замечал.

Барнаульский «мемориалец» Артем Кудинов обнаружил в бийской газете того времени сообщение, что в декабре 1918 года Лига на одном из своих собраний рассмотрела международное положение и приняла обращение к президенту США Вудро Вильсону. Все с теми же словами: «Да здравствует

Через год после того, как бийская Лига общечеловеческого братства и вечного мира собиралась обратиться к Вудро Вильсону, была создана Лига наций – первый всемирный орган, предназначенный предотвращать войны и объединять человечество

Великое человечество, выражающий его волю Всемирный парламент! Да здравствует равноценная развивающаяся личность, вечный мир и братство всех людей и народов!» Интересно, отправила ли Лига на самом деле какое-нибудь обращение в Вашингтон. А если да, то получили ли его в Белом доме...

В годы Гражданской войны Михайловский служил в Бийском народном суде и продолжал размышлять об объединении человечества. В газете «Алтайский край» в 1919 году было опубликовано его стихотворение с такими словами:

Не разрушай, а строй! Давайте строить, братья!
Не рознь и не вражда, а общий клич «Вперед!»
Пусть будет как девиз для всех нас без изъятия
И к Человечеству пусть всех нас приведет.

Безусловно, все это выглядит очень наивно: повсюду в Сибири идет смертельная борьба за власть, а в Бийске какой-то адвокат проектирует Всемирный парламент. Проекты Лиги удостоились осмеяния в популярной газете «Сибирская речь». «Кто бы мог подумать, — писал ее фельетонист, — что г. Бийску суждено решить все проклятые вопросы о человеческом братстве, о мире и пр.?» А действительно, кто бы мог такое подумать.

Но ровно через год после того, как бийская Лига общечеловеческого братства и вечного мира собиралась обратиться к Вудро Вильсону, была создана Лига наций — первый всемирный орган, предназначенный предотвращать войны и объединять человечество. Лигой также серьезно рассматривался вопрос учреждения в качестве рабочего языка эсперанто.

А символом Лиги наций стала двойная пятиконечная звезда — знак единства всех людей на пяти континентах. Именно об этом и мечтал бийский адвокат Антонин Михайловский.

Последние сведения о нем относятся к 1920 году, когда он был арестован большевиками.

Иосиф Бродский

*Сьюзен Сонтаг,
американская писательница,
литературный,
художественный,
театральный
и кинокритик,
философ, сценарист*

Пока мы существуем, мы всегда где-то находимся. Ноги — всегда где-то, упираются в землю или бегут. Разум, это хорошо известно, обладает склонностью странствовать. Разум испытывает недостаток витальности или полнится сокровенной силой, может быть в прошлом и настоящем или в настоящем и будущем. Или же — там и здесь. По причинам вполне объяснимым создание величайших произведений искусства в течение последнего с небольшим столетия было часто сопряжено в исключительно высокой степени с талантом мысленного пребывания в двух местах одновременно. Вдохновляясь пейзажами, которые он запечатлевал на юге Франции, Ван Гог писал своему брату Тео, что «в действительности» находится в Японии. Молодой поэт из Ленинграда, ничего пока не опубликовавший, отбывающий ссылку с принудительными работами в деревне на Крайнем Севере, близ Белого моря, — на дворе январь 1965 года, — узнав о смерти Т. С. Элиота в Лондоне, садится за стол в своей заледеневшей избушке и в течение суток сочиняет длинную элегию Элиоту, которая воспринимается и как дань живому и здравствовавшему в ту пору У. Х. Одену (пишущий по-русски поэт перенимает интонацию и ритм оденовской элегии Йейтсу).

С замечательной эlegantностью он говорил, что не слишком страдал в те полтора года северной ссылки, что ему нравился сельский труд, особенно разгребать навоз (это он считал одной из самых честных и достойных работ из всего, что ему выпало, — вся Россия погрязла в дерьме), и что он написал в ссылке немало стихов. Затем, спустя несколько лет, вернувшись в родной Ленинград, Иосиф Бродский, по собственному меткому определению, «переменил империю». Это произошло внезапно, в один день, и совершенно

* <https://diletant.media/articles/25252167/>

против его воли — помимо всех прочих утрат, отъезд за границу разлучил единственного любимого сына с пожилыми родителями, которым, усугубляя наказание изгнанника-поэта, советские власти многократно отказывали в выездной визе, делая невозможным даже краткую встречу, скажем, в Хельсинки; они умерли, так и не повидавшись. Горе, которое он переносил с великим негодованием, великой стойкостью.

Даже предписанное ему «комитетом» изгнание он обратил в независимый импульс:

А что насчет того, где выйдет приземлиться, —
Земля везде тверда; рекомендую США.

Он приземлился среди нас, как ракета, пущенная из другой империи, благодатная ракета, заряженная не только его гением, но и возвышенным, строгим понятием о предназначении поэта в его родной литературе. (Осознание своего предназначения обнаруживается и среди прозаиков — вспомним, как воспринимали нравственный и духовный долг писателя Гоголь и Достоевский). Замечательные способности помогли Бродскому освоиться в Америке — его огромная энергия и самоуверенность, ум, ирония и безмятежность. Однако при всей искрометности связей со ставшей ему родной Америкой, достаточно было наблюдать Бродского в обществе других русских изгнанников и эмигрантов, чтобы понять, насколько же глубоко, однозначно русским он оставался. И насколько же щедрой была его готовность говорить и дружить с нами, делиться с нами своим талантом.

Такую гибкость и обходительность уместно было бы назвать космополитизмом. Однако настоящий космополитизм — это в меньшей степени отношение к пространству, чем отношение ко времени, особенно к прошлому (которое, конечно же, несравнимо больше настоящего). Последнее никак не связано с сентиментальным чувством, именуемым ностальгией. Напротив, это отношение безжалостное к себе, вследствие которого прошлое признается источником норм более строгих, чем предлагаемые в настоящем. Сочинять следует так, чтобы написанное нравилось не современникам, а предшественникам, не раз говорил Бродский. Можно не сомневаться, что Бродскому это удалось — соотечественники называли его единственным поэтическим наследником Мандельштама, Цветаевой и Ахматовой. Поднимать планку (как он это называл) — значило, не щадя себя, стремиться к высотам, достигнутым любимыми поэтами. Я думаю об Иосифе Бродском как о всемирном поэте, отчасти потому что не могу читать его по-русски, в основном же из-за удивительной широты, необычайной скорости и насыщенности

*Он приземлился среди нас, как
ракета, пущенная из другой
империи, благодатная ракета,
заряженная не только его гением,
но и возвышенным, строгим
понятием о предназначении
поэта в его родной литературе*

его стихов — богатства аллюзий, культурных слоев. Он утверждал, что «труд» поэта (он охотно использовал эту фразу) состоял в том, чтобы исследовать способности языка идти вперед, лететь быстрее. Поэзия, говорил он, — ускоритель мышления. В этом состоял наиболее сильный из множества аргументов, которые он приводил в пользу превосходства поэзии над прозой, так как исключительно высоко ставил значение рифмы.

Идеал мыслительного ускорения — ключ к его великим достижениям (и пределам) в прозе и в поэзии, признак его неизгладимого присутствия

Идеал мыслительного ускорения — ключ к его великим достижениям (и пределам) в прозе и в поэзии, признак его неизгладимого присутствия. Всякая беседа с ним, радостно вспоминал друг Бродского Шеймас Хини, «немедленно становилась вертикальным взлетом, и замедление уже не представлялось возможным».

В значительной степени его творчество можно объединить под рубрикой одного из стихотворений — «Назидание». Настоящие путешествия питали умственные странствия — с характерным для них головокружительным накоплением знаний и чувств, решимостью противостоять обману, саркастическим признанием в собственной уязвимости. Конечно, некоторые страны — всего четыре, — а также сочиненные в них стихи пребывали среди фаворитов: Россия, Англия, Соединенные Штаты, Италия. То есть империи никогда не прекращали служить для него источником вдохновения — способности к стремительным ассоциациям и обобщениям; отсюда любовь к латинским поэтам и развалинам Древнего Рима, запечатленная в нескольких эссе, пьесе «Мрамор» и стихах. Первейшая и в конце концов единственно сносная форма космополитизма — быть гражданином империи. Темперамент Бродского был во многом имперским.

Домом был русский язык. Уже не Россия. Пожалуй, ни одно решение из всех, что он принял в последние годы жизни, не показалось многим столь неожиданным и в то же время для него характерным, как отказ после крушения советской империи и перед лицом бесчисленных восторженных просьб и приглашений хотя бы ненадолго приехать в Россию.

Так он прожил значительную часть своей взрослой жизни в другом месте — здесь. А Россия, источник всего самого проникновенного, отважного, богатого и принципиального в его сознании и даре, стала великим иным местом, куда он не мог, не хотел — из гордости, из гнева, из тревоги — возвращаться.

Теперь он унесся от нас, поселившись, такое у меня чувство, в самой могущественной империи, в пределах вечности: переезд, предчувствие которого (долгие годы он страдал от тяжелой сердечной недостаточности) он исследовал в дерзких, мучительно прекрасных стихах.

Его творения, его пример, его принципы — и наша печаль — остались.

Перевод с английского Марка Дадына

Впечатление

Находясь в Техасе, коротко и бесппроблемно заехал в Хьюстон, чтобы посмотреть на часовню Ротко. Не мог пропустить такое как житель Латвии, периодически наезжающий в Даугавпилс.

Расположенное в цветущем парке, не очень примечательное, похожее на советский кинотеатр здание представляет собой октагон. Внутри, на каждой из восьми стен висят гигантские полотна Ротко, которые на первый взгляд кажутся монохромными черными прямоугольниками. Когда всматриваешься, оказывается, что каждое из этих черных полотен — разное, с вкраплениями самых разных оттенков: зеленого, малинового, желтого.

Пол выложен черной плиткой, но через стекло под крышей здания внутрь проникает дневной свет, из-за чего оно кажется не мрачным и депрессивным, а наоборот — каким-то успокаивающе утробным.

В этом и была идея автора, который задумал часовню как место для медитации и храм всех религий. На столе перед входом выложено штук пятнадцать священных книг, от Бхагавад Гиты до Книги Мормона. Внутри — скамьи как церкви, но еще есть несколько пуфиков для тех, кто предпочитает сидеть в позе лотоса.

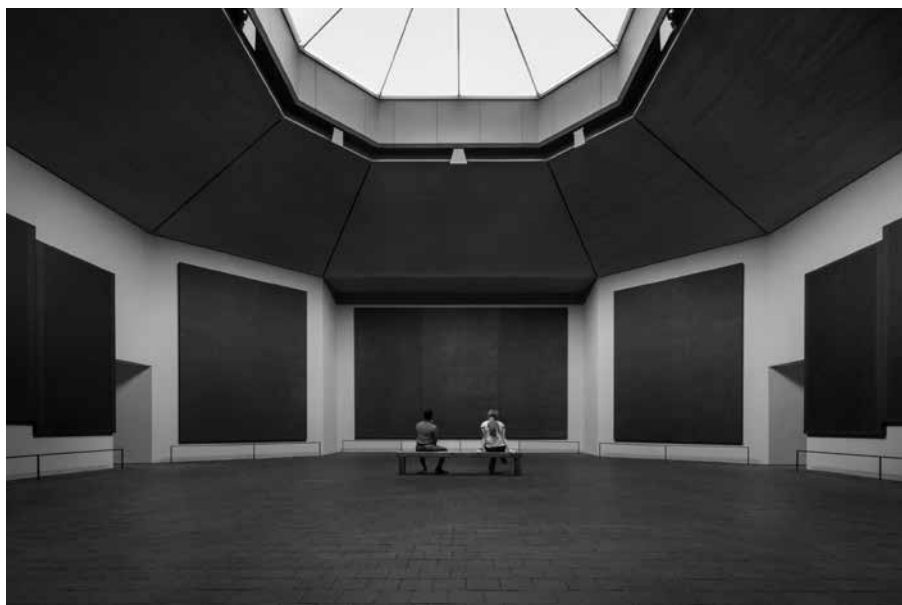
Посетители зависают в этом помещении надолго. Уходить не хочется — мозг освобождается от суеты и накачивает много эмоций, от тоски до эйфории.

Идеальная церковь для атеиста — ходил бы туда всегда. Идея храма всех религий кажется сейчас старомодным артефактом из эпохи «конца истории», когда казалось, что за геноцидный XX век человечество уже проблевалось всей своей злобой, ненавистью и насилием. Что только небо, только ветер, только радость впереди. Храм, построенный евреем из еврейского города, где убили всех евреев. Храм выживших.

Но увы, из-за нашего эгоизма и конформизма мы деградировали обратно к тому что заслуживаем — к миру без универсальных ценностей, родоплеменного строя, где люди вынуждены примыкать к той

Леонид Рагозин,
журналист

Интерьер капеллы Ротко

этнополитической или религиозной банде, которая обеспечивает относительно большую безопасность им лично. Где будет, и уже начинает происходить новый геноцид.

Рядом с часовней — воздушное здание, в котором выставлена коллекция Менилов, где картины сюрреалистов, с преобладанием Макса Эрнста, перемешаны с античностью и племенными артефактами индигенных народов разных континентов. Галерея мечты (моей, по крайней мере).

Автор задумал часовню как место для медитации и храм всех религий

Плотный трафик, который движется по восьми рядам вдоль небоскребов Хьюстона с превышением скорости миль на 30 — очень адреналиновое мероприятие, рекомендую. Нашел очень подходящую блюзовую радиостанцию под это дело. Ближе к Остину — приятное свободное шоссе с холмистыми центрально-европейскими ландшафтами, коровами, цветами и колачами.

В заключение предлагаю сделать Хьюстон и Даугавпилс городами-побратимами.

TABLE OF CONTENTS

No. 3 (93) 2024

TO THE READER

We Must Learn to Understand the Other
Lena Nemirovskaya 5

FEATURE ARTICLE

Wars Begin in People's Minds
Ingeborg Breines 8

China's Domestic and Foreign Policy
During the Election Year
Marc Lanteigne 25

The Rise and Decline of Today's Russia
Mikhail Fishman 43

Cancelling the Law
Yelena Lukyanova 63

CIVIC SOCIETY

Why Democracy
Valdis Birkavs 76

MEDIA AND SOCIETY

Personal Wartime Stories
Viktor Muchnik 86

RUSSIA — ON RUSSIA

Belousov as an Ideologist
Andrei V. Kolesnikov 97

VIEWPOINT

The 21st Century Choice
Grigory Pomerants 102

BOOKS

A Penultimate Utopia
Andrey Simbirtsev 114

The Counterpoint
The Frontier Era
Maxim Goryunov 118

NOTA BENE

The League of Everlasting Peace
Mikhail Nemtsev 127

Joseph Brodsky
Susan Sontag 132

An Impression
Leonid Ragozin 135

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Наши авторы:

Армаз Ахвледиани

Валдис Биркавс

Павел Гавличек

Максим Горюнов

Лев Гудков

Василий Жарков

Андрей Колесников

Михаил Минаков

Александр Морозов

Иван Преображенский

Андрей Симбирцев

Михаил Сульман

Александр Шмелев

Екатерина Шульман